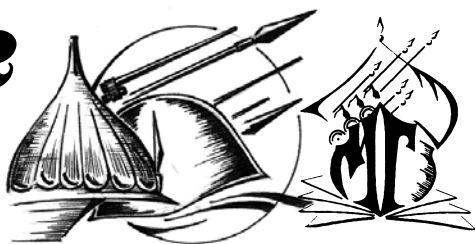

Россия, Русь! Храни себя, храни!

1-2
2011

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ЛЕМЕШЕВ. Война со священным морем	3
Михаил АНТОНОВ. Детский подход к государственной политике	77
Владимир СВИРИДОВ. Жара и климатическое оружие	114
Максим КАЛАШНИКОВ. Опыт «инновационной опричнины» 1945—1953 гг.	123
Сергей ХОЛОДОВ. Зачем России ювенальная юстиция?	152
Владимир СМЫК. Священник и генералиссимус	164
Борис ШИРОКОВ. Объятия дракона	249

ПРОЗА

Александр ПОЛЯКОВ. Великаны сумрака. Роман. Окончание	13
Нина БОЙКО. Короткие рассказы	134

ПОЭЗИЯ

Александр ХАРЧИКОВ. Песня беды и надежды. Стихи ...	62
Владимир ГРЕВЦЕВ. Твоя звезда. Стихи	65
Павел КОСЯКОВ. Ночные поезда. Стихи	69

Анна ТОКАРЕВА. Отдушина . Стихи	73
Анатолий АВРУТИН. Серебряный свет . Стихи	244

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Геннадий ШИМАНОВ. О частной собственности при социализме	215
Николай СОМИН. Какой же социализм нам нужен?	227

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Владимир ПРАСОЛОВ. «Вангол» . Фрагмент романа	166
Николай БЕСЕДИН. Снега идут . Стихи	191
Елена СЕВРЮГИНА. В потоке лиц . Стихи	194
Аминат АБДУЛМАНАПОВА. Горная вода . Стихи	197
Мар. САЛИМ. Вознесшийся комар . Басня	201
Людмила ХРАМКОВА. Пространство любви . Стихи	203
Николай КРАСИЛЬНИКОВ. Испытание временем	204
Сергей ФИЛАТОВ. В поисках утерянной радости . Фрагменты очерка	206

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Андрей АНТОНОВ. Театр абсурда, или Российские реалии . Борцы с антисемитизмом	258
--	-----

КРУГ ЧТЕНИЯ

Кавказская повесть Игоря Бойкова	264
«Трагедия русской философии»	268

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Владимир ДЕСЯТНИКОВ. Дневник русского . Продолжение	270
---	-----

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН

ВОЙНА СО СВЯЩЕННЫМ МОРЕМ

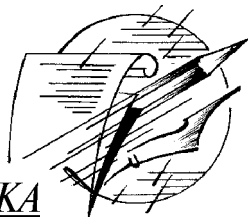
Ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма,
а ходящий во тьме не знает, куда идет.

Ин. 12,35.

Замечательный русский писатель Владимир Алексеевич Чивилихин мудро и проникновенно сказал о Байкале, что это «светлое око России». Как по чистоте, ясности и светлости глаз у человека можно безошибочно судить о его здоровье, так и по прозрачности и чистоте байкальской воды можно судить о благополучии России. Замутились светлые струи Байкала — и это верный признак наступления смутного времени в нашем Отечестве.

Пожалуй, нет русского человека, который бы не слышал прекрасной народной песни, начинающейся словами: «Славное море — священный Байкал». Однако мало кто задумывается, слушая этот величественный гимн морю и доброте русской души, над горькой судьбой Байкала в наши «окаянные дни», да и над гибельным разорением Родины.

Злобная, мертвящая пропаганда лжи, клеветы, наживы любой ценой, насилие над людьми и природой, подкрепляемые целенаправленным обнищанием народа, делают свое сатанинское дело — погружают Россию и русских людей во тьму, лишают их вековых святынь.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Тысячи лет Байкал хранил свои сокровища для людей, и многие поколения отвечали ему восхищением его нерукотворной, неповторимой красотой, выражали бескорыстную любовь к нему, воспевали его в своих стихах и песнях, возносили молитвы Творцу за этот бесценный дар.

К несчастью, нынешние поколения утратили эти вековые традиции, а с ними и высокие чувства к этому чуду Природы, решили использовать его прозрачные и животворящие воды на свои технические нужды. Горько думать о том, что люди предпочли денежные доходы от производства целлюлозы непреходящей ценности самого Байкала. Это неразумное, я бы даже сказал кощунственное и греховное решение созрело в головах ретивых правителей страны и ученых-технократов в начале 60-х годов XX века, когда на берегу чудозера был возведен злополучный Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат (БЦБК), и в 1966 году была получена первая вожделенная целлюлоза.

Правда, какое-то оправдание этому решению можно найти. Динамичному развитию могущественного СССР нужны были крылья — мощная воздушная авиация, лучшие в мире реактивные, боевые и гражданские самолеты. Для нашей огромной страны нужен был многотысячный воздушный флот. Для создания тысяч летательных аппаратов требовалась целлюлоза, а для ее производства — кристально чистая вода. И такую воду ученые, инженеры и технологи с «легкостью необыкновенной» нашли в Байкале, хотя, конечно, в нашей стране, богатой водными ресурсами, ее можно было найти и в других водных источниках, кстати сказать, даже в стоке самой Ангары. Но принят был более «дешевый» вариант использования воды непосредственно из Байкала, со сбросом отработавших на комбинате (сточных) вод в акваторию Байкала.

С этого времени началось злостное надругательство над «священным морем», которое продолжается уже полвека, несмотря на отчаянные протесты общественности и наиболее дальновидных ученых.

Можно допустить, что головотяпствующие руководители-волонтеры и ученые-технократы принимали решение о строительстве БЦБК в силу экологического невежества. Тогда мало кто предвидел надвигающийся экологический кризис. Но как понять и оправдать нынешних губителей Байкала, которые с упорством маньяка продолжают черное дело разрушения уникального природного объекта, стоящего в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО и хранящего для будущих поколений людей пятую часть высококачественной питьевой воды планеты?

Еще в 1987 году под давлением общественности и ученых ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о прекращении производства целлюлозы на Байкальском комбинате. Однако перестройщикам нашей жизни во главе с невежественным приверженцем «нового мышления» М.С. Горбачевым было не до Байкала. Их забота состояла в выполнении поставленной перед ними заморскими «благотетелями» задачи по развалу ненавистного им Союза ССР посредством так называемого рыночного реформирования. Свой сатанинский замысел они лживо прикрывали «борьбой с коммунизмом», тогда как истинной целью было разрушение могущественной исторической России и разграбление ее несметных природных и материально-вещественных богатств, разрушение образа жизни русских людей, их духовной культуры и православного мировоззрения.

Решение этой преступной задачи осуществлялось новыми либеральными правителями России, которые по инструкциям консултантов Всемирного Валютного Фонда и Мирового Банка, практически полностью разрушили природно-экономический, научно-технический и оборонный потенциал страны посредством воровской приватизации. Совершая свои злодеяния, реформаторы пытались отвести от себя гнев и возмущение общественности и в начале 90-х годов прошлого века приняли лживое постановление о прекращении производства на БЦБК целлюлозы и его перепрофилировании. Просто им было не до Байкала. Их забота состояла в добыче притягательной валюты, разумеется, для себя и своих поделщиков. Провозгласив завершение перепрофилирования комбината к концу 1995 года, они напрочь забыли о своем постановлении о Байкале.

Вместо прекращения сброса сточных вод и перевода на замкнутый цикл водопотребления, производственная мощность комбината в 1995 году увеличилась на 25% и в озеро Байкал было сброшено 0,61 куб.км сточных вод, что на 21% больше, чем в 1994 году. Максимальные превышения норм качества воды зафиксированы по фенолам в 2—7 раз, по взвешенным веществам — в 1,5—2,7 раза, по хлоридам — в 2,4 раза и сульфатам — в 1,4 раза. На прилегающей к БЦБК акватории озера в 1995 году площади зон загрязнения озера соединениями несulfатной серы составили в июне 8,6 кв.км. В 1995 году повсеместно сохранялся отмеченный в 1994 году рост концентрации нефтепродуктов и взвешенных веществ. В 1995 году по сравнению с 1994 годом отмечено повышение в воде озера концентраций всех форм минерального азота. Устойчивый характер загрязнения влияет на гидрохимический режим водоема.

При сохранении тенденции к увеличению антропогенной нагрузки на экологическую систему Байкала специалисты прогнозируют резкое сокращение содержания в воде озера растворимого кислорода, что неизбежно приведет к дальнейшей ее деградации и потере естественного механизма самоочищения уникального водоема.

Поскольку исполнительная власть Российской Федерации устранилась от сохранения нашей природной жемчужины, то местная администрация и дирекция комбината получили возможность безответственно хозяйничать на предприятии, а по существу — распоряжаться судьбой Байкала. Их поведение определяется исключительно соображениями локальной экономической выгоды при полном игнорировании общероссийских и мировых интересов сохранения Байкала для благополучия нынешнего и будущих поколений людей.

Дирекция БЦБК и ее руководитель господин В. Глазырин проявили удивительную инициативу и находчивость в достижении своих коммерческих целей. Они обратились за «помощью» в Комиссию ООН по развитию промышленности (ЮНИДО) с тем, чтобы ее специалисты провели «всестороннюю независимую» экспертизу, оценили ущерб, наносимый природе и непосредственно Байкалу, и дали «авторитетное» заключение о том, как комбинату жить дальше.

Весьма показательно, что обращение последовало не к российским ученым и специалистам, даже не в Комиссию ООН по экологии (ЮНЕП), а именно к **промышленникам, точнее, к чиновникам от промышленности** — в ЮНИДО. Знал господин В. Глазырин, где можно получить поддержку, разумеется, не бескорыстную. И получил. Конечный расчет делался на то, что уж с мнением заезжих «светил» обязательно посчитается комиссия правительства Российской Федерации по Байкалу.

И вот на Байкал прибыли восемь чужеземных экспертов. Эксперты горячо принялись за работу. Трудились гости с февраля по июль 1995 года. Прежде всего они «установили», что 56% целлюлозы, выпускаемой комбинатом, экспортируется и имеет высокий спрос за рубежом. Потеря этого рынка весьма нежелательна, так как гарантирует высокий уровень дохода. Но это и без их усилий было известно, а куда и кому идут эти доходы, эксперты, разумеется, уточнять не стали. Ознакомившись с существующими довольно примитивными вариантами перепрофилирования комбината на выпуск мебели, каркасных дачных домиков и деревообработку, специалисты ЮНИДО отметили, что ни один из этих вариантов не способен в полной мере обеспечить занятость населения

города. И даже такой интересный проект, как розлив в бутылки байкальской воды в качестве столовой, позволит, по их мнению, создать не более 200—300 рабочих мест. На комбинате же работает около 4 тысяч человек.

В качестве альтернативы был рассмотрен так называемый вариант рокировки: перенос мощностей Байкальского комбината на Селенгинский ЦБК, расположенный в соседней Бурятии на расстоянии 220 км и производящий 165 тысяч тонн целлюлозы, с целью увеличения его мощности до 297,2 тысячи тонн. Однако и это предложение группа ЮНИДО «глубокомысленно» посчитала нежелательным. Но ведь очевидно, что этот вариант просто-напросто надуманный. Он не только нежелателен, а совершенно недопустим, поскольку вредные стоки будут поступать в Байкал не с БЦБК, а из Селенгинска, откуда их и теперь поступает немало по самой большой реке Селенге, впадающей в озеро.

Эксперты из ЮНИДО рекомендовали двухэтапную программу модернизации производства целлюлозы. На первом этапе БЦБК рекомендовано постепенно отказаться от использования хлора — одного из основных загрязнителей. Второй этап включает установку оборудования озонной отбели, без какого-либо использования хлора. По суждению гостей, это самая передовая технология в мире.

Были ссылки у экспертов и на то, что в западных странах и США уже проводится замена хлорной технологии на кислородную. Правда, на том, что новая технология была разработана именно в России, эксперты внимание не акцентировали.

Заезжие знатоки в сентябре 1995 года провели расширенную конференцию и рекомендовали правительству РФ незамедлительно одобрить пятилетний план модернизации комбината. «Добиться одобрения необходимо, иначе это будет очередным клочком бумаги», — резюмировал руководитель группы экспертов Р. Люкен.

Присутствовавший на конференции специальный корреспондент «Российской газеты» А. Владыкин в своей статье затем отметил весьма лестное для господина В. Глазырина, хотя и экстравагантное, выступление члена экспертной группы канадца Мака Кабина, который заявил буквально следующее: «Стоки комбината являются одними из самых чистых в мире». А чтобы никто не усомнился в справедливости и истинности его оценки, Мак Кабин, на глазах всех присутствовавших при этом шоу выпил стакан воды, почерпнутой из бассейна очистного сооружения. И чего только не сделает эксперт за щедрое вознаграждение!

Однако те, кто внимательно следит за драматическими байкальскими сражениями экологов и хозяйственников, наверняка помнят, что такие демонстративно-клоунские доказательства безвредности стоков для Байкала — не новость. К ним прибегали и отечественные защитники БЦБК. Но байкальским обитателям от этого не легче. А они-то и являются самыми надежными индикаторами качества байкальской воды. Академик Г.И. Галазий, многие годы возглавлявший Лимнологический институт Сибирского отделения Академии наук СССР, отмечает: «Ежесуточно только Байкальский целлюлозный комбинат сбрасывает в Байкал свыше 200 тысяч кубометров промышленных стоков. Предприниматели считают, что эти стоки очищены и соответствуют по качеству требованиям стандарта на питьевую воду. Эксперименты, проведенные на Байкале, показали, что эти «очищенные» промстоки совершенно не пригодны для жизни байкальских организмов, они в этих стоках погибают в течение короткого времени (от нескольких часов до нескольких суток — разные виды имеют разные сроки выживания). Даже пятидесяти- и стократно разбавленные очищенные промстоки БЦБК вызывают у водных организмов мутагенные изменения и гибель».

И это утверждение ученого не какое-то теоретическое суждение. Оно базируется на конкретных натуральных исследованиях. За 32 года деятельности БЦБК в 2 раза уменьшилась биомасса зоопланктона в период осеннего максимума его развития. Начиная с 1966—1967 годов, резко снизились темпы роста и ухудшились физиологические характеристики байкальских рыб, в том числе омуля. Если в 50-х годах омуль впервые шел на нерест в возрасте четырех лет и имел массу 500 г, то в последние годы он идет на нерест в возрасте 7—8 лет и масса впервые нерестящихся особей составляет 180—200 г.

Руководители комбината и привлекаемые ими российские и зарубежные эксперты безответственно приравнивают Байкал к рядовым водоемам и распространяют на него действие существующих природоохранных законодательных актов.

Байкал же требует индивидуального подхода и специального закона о его охране. Однако озеро и его бассейн продолжают загрязнять промышленными, бытовыми и сельскохозяйственными отходами, гербицидами, другими пестицидами и различными химическими веществами. Вследствие этого и выбросов в атмосферу происходит также перестройка наземных экосистем в бассейне озера. Так, в частности, под влиянием пылегазовых выбросов БЦБК и других предприятий, сжигающих уголь, гибнут хвойные леса. Больше других страдают темнохвойные и особенно пихтовые леса — проис-

ходит массовое (250 тыс. га) усыхание древостоев (40 тыс. га из них погибло безвозвратно). У других пород уменьшается прирост древесины, снижается плодоношение, а большое количество семян у сосны и лиственницы оказывается нежизнеспособным.

Кардинальное решение задачи предотвращения загрязнения Байкала состоит не в том, чтобы сбрасывать в него даже хорошо очищенные, но все же губительные для водных организмов промышленные стоки и пылегазовые выбросы, а в том, чтобы полностью исключить их попадание не только в озеро и в атмосферу над ним, но и в его бассейн. Это диктуется и заботой об охране уникальной экосистемы Байкала, и экономической целесообразностью. Такого мнения придерживаются и известные ученые страны, озабоченные судьбой Байкала.

В конце января 1998 года состоялось заседание Научного совета по проблемам биосферы при президиуме Российской академии наук, членом которого имею честь состоять и я, автор этих строк. Приведу решение названного совета по обсуждаемой на нем проблеме охраны Байкала полностью.

«1. Байкал — это уникальное озеро нашей планеты, являющееся общемировым достоянием, включенное в декабре 1996 года в Список Всемирного Наследия ЮНЕСКО.

2. Озеро Байкал содержит более 20% доступной питьевой воды планеты.

3. В озере Байкал обитает уникальный эндемичный комплекс живых организмов (около 2000 видов), функционирование которых обеспечивает свойства и качество байкальской воды.

4. В последние десятилетия антропогенное воздействие на озеро Байкал резко возросло, что привело к существенным негативным изменениям в экосистеме озера.

5. АОО «БЦБК» является основным источником загрязнения южной части озера Байкал, единственным крупным предприятием, расположенном непосредственно на берегу, сбросы и выбросы которого привели к деградации экосистем озера на площади более 200 кв. км и оказывают разрушающее воздействие на всю экосистему озера.

6. АОО «БЦБК» систематически нарушает природоохранное законодательство Российской Федерации.

7. Размер ежегодных расчетных природоохранных платежей АОО «БЦБК» превышает стоимость его основных и оборотных фондов в несколько раз; предприятие никогда реально не компенсировало и не сможет компенсировать наносимый природе ущерб.

8. Производство целлюлозы на АОО «БЦБК» до сих пор продолжается, несмотря многочисленные правительственные постановления о перепрофилировании АОО «БЦБК» (в соответствии с последним из них (№925 от 02.12.92 г.) производство целлюлозы должно было быть окончательно прекращено к декабрю 1995 года).

9. Существуют альтернативные целлюлозно-бумажному экологически приемлемые проекты развития хозяйства для города Байкальска.

10. Существующая часть очистных сооружений АОО «БЦБК» в соответствии со справкой Института биологии обеспечит высококачественную очистку коммунальных стоков г. Байкальска.

11. В проекте закона «Об охране озера Байкал» запрещается функционирование предприятия целлюлозно-бумажной промышленности на водосборной территории озера.

12. Сохранение производства целлюлозы на АОО «БЦБК» приведет в ближайшее десятилетие к разрушению природной экосистемы озера Байкал, служащей гарантией чистоты воды.

Научный совет по проблемам биосферы при президиуме РАН постановляет:

— признать недопустимым дальнейшую деятельность АОО «БЦБК», связанную с производством целлюлозы, так как эта деятельность является прямой угрозой дальнейшему существованию уникального природного комплекса озера Байкал;

— признать необходимым в кратчайшие сроки остановить целлюлозно-бумажное производство на АОО «БЦБК», в том числе исключить возможность работы на привозной целлюлозе;

— рекомендовать Госкомэкологии РФ использовать предоставленные ему полномочия и прекратить деятельность Байкальского целлюлозно-бумажного комбината;

— рекомендовать Госкомэкологии РФ провести экологические экспертизы проектов экологически приемлемых производств г. Байкальска;

— рекомендовать Правительству РФ и Иркутской областной и Байкальской администрациям обеспечить режим благоприятствования для создания экологически дружественных производств.

Председатель Научного совета по проблемам биосферы при президиуме РАН академик А.Л. Янин.

Ученый секретарь совета Б.Н. Голубов».

Остается надеяться, что предложения столь авторитетного академического органа по спасению Байкала будут не только услышаны, но и приняты к реализации.

Что же касается экономического развития Байкальска, где расположен комбинат, и занятости населения в случае прекращения вредного производства на нем, то мрачные перспективы его вымирания, которые сулят ему недобросовестные эксперты, без этого производства, не только не обоснованны, а заведомо лживы. Предложения же о модернизации производства в течение предстоящих 7 лет — это не что иное, как продолжение опасного загрязнения Байкала. Эти предложения диктуются меркантильными соображениями: **первое** — «отработать» полученные от дирекции комбината солидные гонорары, а **второе**, не менее важное, — организовать под эгидой ЮНИДО продажу дорогостоящего оборудования западными странами комбинату под благовидным предложением внедрения на нем «экологически чистой» технологии. Наконец, желание западных стран избавиться от вредного производства целлюлозы на своей территории и получать ее готовой из России.

Структура производства в городе Байкальске предопределяется тем, что он расположен на территории Байкальского заповедника и Прибайкальского национального парка. Единственно разумное, экономически эффективное и экологически приемлемое развитие уникального региона — это организация массового отечественного и международного туризма. Хорошо организованный туризм — это верный и неиссякаемый источник средств для решения экономических и социальных проблем. На этом направлении обретают благоденствие не только отдельные муниципальные округа, но целые страны. Достаточно обратить внимание на опыт Испании и Египта, где национальный доход формируется туризмом соответственно на 30 и 50%. Не менее поучителен и опыт нашего Суздаля. Здесь население составляет всего 12 тысяч человек, а годовое число туристов превышает 600 тысяч, которые и позволяют безбедно жить древнему городу.

В Байкальске проживает 17 тысяч человек. Создание развитой инфраструктуры, необходимой для массового туризма, дает возможность не только предоставить всем трудоспособным горожанам рабочие места, но и достойную оплату их труда.

Известно, что Байкал — самое глубоководное озеро в мире. Не замечая этого, технократы бредут по мелководью меркантилизма. Выдающийся русский поэт и мыслитель Федор Сологуб как будто специально о них сказал: «Бредя по мелководью, рискуешь не узнать глубинных тайн».

Увы, мелководье оказалось очень обширным. По его акватории бредет и нынешняя верховная власть страны. Об этом

свидетельствует Постановление правительства Российской Федерации №1 от 13.01.2010 г. «О внесении изменений в перечень видов деятельности, запрещенных в Центральной экологической зоне Байкальской природной территории».

Поясним кратко, что стоит за загадочными изменениями в перечне. А стоит за этим банальное разрешение возобновления губительного для Байкала производства целлюлозы на БЦБК, новым хозяином которого отныне является «легендарный» Дерипаска, для восполнения поубавившихся миллиардов долларов которого и принято указанное постановление правительства. Гешефт ожидается отнюдь не малый. Дело в том, что в последнее время цены на мировом рынке целлюлозы выросли на 40%, а 96% производимой на комбинате целлюлозы отправляется именно за рубеж. России же остается перспектива окончательной гибели священного моря. Русские люди, объединим усилия на предотвращение этой национальной трагедии!

ВЕЛИКАНЫ СУМРАКА

РОМАН

Глава двадцать девятая

— Папа, скажи, папа... А отчего мы по-французски не говорим? — спросил на прогулке Саша; сыну сравнялось пять лет, но он был рассудительным и строгим не по годам.

— Потому, дружок, что мы русские, — улыбнулся Тихомиров.

— Русские? А почему не в России? И ходим к французам. К этим... К католикам, когда дождик? — нахмурил Саша чистый лобик. — И кто такой Бог?

Улыбка вмиг слетела с отцовского лица. Он побледнел. Вот так вопросы! Конечно, он ждал их, но не сейчас, гораздо позже.

— Я расскажу.. Если хочешь, сходим в русскую церковь.

— А что это — русская церковь? Там Бог живет? Правда? — не отставал сын.

— Ну, да... Конечно. Она далеко, на улице Дару, но мы съездим. Непременно, — торопливо, даже виновато глотая слова заговорил Лев Александрович. — Управлюсь с делами и поедем. Хорошо?

А забот хватало. Прежде всего, следовало восстановить типографию в Женеве. Йохельсон где-то раздобыл деньги, и через пару меся-

Окончание. Начало в №7-8 за 2010 г.

ПРОЗА

цев печатня снова выдавала прокламации, газеты, брошюры, без которых и так уже слабеющее революционное дело в России вовсе сходило на нет.

Тем не менее женеvский разгром — ошутимый удар по заграничному центру заговорщиков. И Рачковский, конечно, праздновал победу.

Докладывал в Петербург, новому директору Департамента полиции Петру Николаевичу Дурново: «Из образа действий Л. Тихомирова после уничтожения женеvской типографии я увидал, что не предвидится конца его преступным начинаниям. Как ни тяжело было поражение, нанесенное «Народной Воле», Тихомиров все-таки не примирился с ним: путем чрезвычайных усилий... он настоял на том, чтобы 5-я книжка «Вестника» и «Колокол» вышли отпечатанными. Вслед за отпечатанием последовал ряд хвастливых задорных уверений его друзьям в том смысле, что он, Тихомиров, несмотря ни на какие потери, никогда, пока он жив и безопасен, не допустит «Народную Волю» сойти с ее передового места в революционном движении...»

О разгроме типографии министр внутренних дел и шеф жандармов граф Толстой доложил лично Александру III. Заведующего Заграничной агентурой вызвали в Петербург, где наградили орденом Анны 3-й степени, присвоили звание губернского секретаря, выдали изрядную сумму из царского фонда.

Окрыленный высочайшим признанием Петр Иванович с новым рвением ринулся на борьбу с окопавшимися в Европе народовольцами. И первая цель — Тихомиров, Тигрыч.

Казалось, агенты были повсюду. Стоило Льву Александровичу опубликовать в лондонской «Today» сообщение, ставшее сенсацией, — о методах работы царской охраны, о Судейкине, завербовавшем Дегаева, а следом подготовить статью для «Вестника» — на ту же тему («В мире мерзости и запустения»), как сразу же в европейских и русских газетах появлялись бойко написанные заметки о двурушничестве эмигрантского центра, который за счет постыдного торга с предателем пытался восстановить репутацию, общественное обаяние «Народной Воли». При этом в жертву приносились молодые революционеры в России.

Те, кто остался в стране, кто силился собрать остатки партии, зароптали; слали гневные письма в Париж — «генералам от революции». Скандал сменялся скандалом. Больше других шумел пылкий Петенька Якубович; может, потому, что первые уроки шифрования, тайнописи — с применением синеродистого калия — ему дал не кто иной, как Дегаев.

В Россию вызвался поехать Герман Лопатин. Центр дал «добро». Были слабые надежды возродить дело старого, «великого» Исполкома партии. Увы, затея не удалась. Лопатин оказался в конспирации сущим младенцем. Он колесил по стране с записной книжкой, куда открыто заносил имена всех, с кем встречался: «Ейск, Лука Колегаев, банкир-революционер, дал 2 тыс., обещал еще... Луганск, Ильин — техник, прекрасно prepares бомбы...» С этим списком его и взял летучий отряд Елисея Обухова, еще и бока намяли.

Затем арестовали Неонилу Салову, хранительницу партийного архива, — с зашифрованной адресной книжкой, которую быстро расшифровали в кабинете все того же Антона Ивановича Лидерса. Жандармам Скандракова, занявшего место убитого Судейкина, оставался сущий пустяк — пройтись по списку..

Вскоре новое потрясение: агенты Рачковского опять напали на типографию, разбили в пух и прах. Восстановить ее эмигранты даже не пытались.

Петр Иванович был удовлетворен: судя по донесениям наружки, он довел Тихомирова до бешенства, которое вскоре сменилось полным упадком воли и сил. А еще — шпиономания (пускай Бинта открыто повиснет у идеолога на хвосте!). А еще — взаимное недоверие: старик Лавров подозревает Эльпидина, Русанов — Иохельсона, тот — Тигрыча, а Тигрыч — всех подряд. Жизнь последнего постепенно превращается в ад. Наконец, наступает время, когда правительство получает этого царубийцу не рискованными средствами, а вполне легально, как русского подданного, сошедшего с ума за границей.

Кто спорит: Рачковский — талант, недаром гением сыска назван; известнейших подпольщиков на свет Божий вытаскивал, столпами революции вертел, как хотел, головой своей не раз рисковал, бомбистов под своим крылом собирал, дабы после всех разом и накрыть — в затхлом подвале динамитной мастерской. Словом, такие кунштюки выделывал, что дух захватывает.

А тут? А с Тигрычем? Наверное, тоже полагал, что с лету все решит, возьмет растерянного социалиста на арапа; прыг-скок, да и в дамки? Слал начальству самоуверенные донесения: «поселенный в эмиграции разлад действительно велик... положение моих внутренних сил упрочено... с Эльпидина не снято обвинение в шпионстве... все мои мероприятия направлены против Тихомирова... революционер этот не выходит из подавленного состояния... раздражается, когда ему заявляют о необходимости предпринять что-нибудь...»

Что ж, верно, да не совсем. С Тигрычем не так-то просто. На испуг из-за угла его не возьмешь — тоже не лыком шит. Неужто забыли — из «великанов сумрака»?

Сумрак рассеивался. Сквозь него все яснее проступали иные очертания, иные ответы. И дело, конечно, не в «мероприятиях» Рачковского и его агентов Ландезена, Милевского, Бинта. Вернее, не только в них.

Просто... Просто рос сын, и что-то росло в нем, в Тихомирове. Что же? Что?

Он целовал Сашу на ночь. А на днях не только поцеловал, но и перекрестил. Все вышло само собой, и никто не удивился — ни Катя, ни сын.

Нашел Евангелие — ту самую еще мамину книгу, которую привез из России. Открыл. Зачем? Возможно, душа воспротивилась мертвому упрямству старика Лаврова: «Помрешь и все! И ничего больше. Зияющая пустота...» Но бессонница, недавно пугающая, однажды вдруг перестала страшить его, и он смело пошел ей навстречу — бодрой и легкой поступью, принимая измученным, ищущим сердцем ее дары и уроки. Дар одиночества. Урок быть самим собой — вне партий, кружковщины, вне революционной толчеи, когда важнейшие вопросы постепенно заслоняются стычками с полицейскими сыщиками. Когда от России ничего великого не ждешь; ничего, кроме какого-нибудь парламента, кое-каких вольностей. И ради этих, в сущности, пустячков его товарищи возлагают свои надежды на убийства, террор. Ради этих пустячков пролито столько крови...

Тихомиров наугад открыл Евангелие. Строки дрогнули перед глазами: «И избавил его от всех скорбей его, и даровал мудрость ему и благоволение царя Египетского фараона». (Деян. 7, 10). Прищурил усталые глаза, еще не понимая смысла прочитанных слов. Уснул. Все забылось к утру.

А нищета стучала в двери. Записал в дневнике: «Все последнее время живем, можно сказать, подаянием. Работал ужасно много, кидался во все стороны и не заработал ни гроша». Обратился к Кропоткину, прося поискать какой-нибудь литературный заказ в Англии, но князь не ответил. Написал Сергею Кравчинскому, да тот и вовсе обжулил: что ж, Мавр верен себе.

Пару дней назад на авеню Reille, у самого дома, услышал за спиной злое шипение:

— А, Лев Тигрыч де Прохвостов! Не думай, что мы забыли о тебе...

Резко повернулся. Мутная фигура растворилась в толпе, а сзади раздалось:

— Мы захватим тебя и отвезем в Россию! И за свои преступления ты примешь заслуженную казнь.

И снова — никого: шаги, звон конки.

Случай свел с социалистом Павловским, автором язвительного памфлета о никчемной жизни революционеров-эмигрантов, занимающихся болтовней, чаепитиями и ссорами. У нового знакомого были связи с европейскими журналистами, издателями. Тихомирову предложили написать брошюру «Россия политическая и социальная», о современном положении дел в стране.

И надо же случиться — заболел: поехал из Ла-Ренси в Париж в летнем пальто, промок под холодным дождем. В горячечном бреде кричал перепуганной жене:

— Катя! Катюша! Я не люблю своей молодости, нет...

— Успокойся, Левушка! Что ты?

А ведь это было так. Мысль изводила, терзала; он зарывался пылающим лицом в подушку.

Пора сознаться: молодость была полна порывов испорченного сердца, полна нечистоты, полна глупой гордости ума, сознававшего свою силу, но недоразвившегося ни до действительной силы мышлений, ни до самостоятельности. Вот вот — самостоятельности! Положено было думать: мир развивается революциями. И он думал. Положено было считать: республика выше монархии. И он так считал. Попробовал бы иначе... Ну-ну.. Высмеяли бы. Заклевала бы образованная толпа; ее тирания была пострашнее. К тому же, пойдя в университет, невозможно не стать революционером.

А как же Рещиков? Ведь он не испугался. Тщедушный учитель словесности в чистеньком вицмундире плакал, не скрывая слез. Из детства, гимназического, керченского, прилетело воспоминание. Одинокий учитель плакал о погибающем русском царстве. Потому что это страшно, когда русский стреляет в русского Государя.

Тихомиров выздоравливал. И не только от инфлюэнцы. Возвращались силы, и он робко еще думал, что, кажется, начинает любить свою жизнь — не ту прошлую, но ту, на пороге которой стоит, которая обещает освобождение.

Освобождение?

Свою последнюю статью (так и случилось — последнюю!) он принес в редакцию «Вестника «Народной Воли» спустя неделю после болезни; прямо выступал против террора. И не только.

Шел, волновался. Получилось, что не зря.

— Ты считаешь, что Россия на подъеме, а революционная партия в полном расстройстве? — изумленно вскинулся Русанов. — И это ты, Тигрыч?

— Да, в стране нет никаких социально-экономических потрясений, и потому... — попытался объясниться.

— Нет, вы послушайте, — не унимался Николай, поворачиваясь к Лаврову и Оловенниковой. — Оказывается, террор сузил, обесплодил идею революции, замкнул ее в небольшом кружке своих людей, а посему... Посему помешал партии превратиться в широкое общественное движение.

Маша возбужденно вырвала исписанные страницы из рук Русанова. Прекрасные ее глаза забегали по строчкам.

— Ничего себе: партия должна слиться с Россией... — ледяным голосом прочитала она. — Это что же, слиться с Александром III, который казнил наших товарищей?

— Да не об этом же я, не об этом!

Старик Лавров, нервничая, принялся яростно расчесывать желтеющую седину.

— Ну, это ни в какие ворота! Тебе не стыдно перед нашим... Перед самим Петром Лавровичем? — разошлась давняя подруга Катюши. — Россия уверенно идет своим путем... Каково? Да такому слогу Победоносцев с Катковым позавидовали бы. Опомнись, Лев!

— Знаешь, Маша, когда я верил, что да, я и говорил «да». Когда я думаю, что нет, я и говорю — «нет». Простите... — сказал и вышел.

Он шагал по весенней Saint Jaques, по этой странной улице, где верхние этажи выпирали надстройками, нависали стеклом и камнем над головой, сужая небо до тонкой полоски ослепительной синевы, но чем тоньше была эта полоска, тем ярче пробивалась она, сияла до рези в глазах, тем настойчивее торопила вперед, к высокому свободному пространству над бульварами и площадями. Лев шагал туда молодо и упруго, удивляясь тому, как может жить здесь народник Лавров — в серой каменной пещере, почти без солнца и дождя.

«Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног...» — знаменитый гимн великого Лаврова; любой студентик знает наизусть.

Отречься? Легко ли это? Прах стряхнуть. Да по силам ли ему, Тигрычу?

Он думал о России, писал о ней — ту самую, заказанную через Павловского брошюру. Из разных мест — из Петербурга, Москвы, с Юга — приезжали люди, рассказывали о родине. И это лишь укрепляло все смелее вызревающую мысль: революционной России как серьезной, сознательной силы больше нет. Да, есть революционеры, и они шевелятся и будут шевелиться, но это не буря, а рябь на поверхности моря. Все измельчали и способны только рабски повторять

примеры былых героев, но не могут выдумать что-нибудь свое. Впрочем, и подражают-то они старикам лишь внешне...

— Лева, скорее, сюда! — сорвалось сердце от крика Кати; опрокинув утренний чай на бумаги, кинулся в детскую.

Побледневший Саша метался, сбивая ногами простыни, по кровати, сжимал руками голову и плакал от боли. Его тельце сотрясал озноб, жар полыхал в полузакрытых глазах.

— Температура под сорок, только что вырвало. Что же делать? Врача... Нужен врач! — Голос жены дрожал.

— Саша, милый мой! Сынок... — ноги ватно подогнулись; он рухнул на колени, ловя прыгающими губами горячий лоб ребенка. — Что с тобой?

Всегда было так: Лев Александрович сходил с ума, когда нездоровилось Саше. А тут, похоже, дело нешуточное, и он сразу почувствовал это: не зря же сын врача, не зря сам недоучившийся лекарь.

— Зачем вы говорите громко? И шторы закройте... Мне смотреть больно! — взмахнул руками страдающий мальчик.

Катюша бросилась к окну. «Неужели? Господи... Это так страшно!» — осененный жуткой догадкой безголосо шептал Тихомиров.

Вызванный врач подтвердил диагноз: цереброспинальный менингит.

— Впервые его описал доктор Вейксельбаум! — чуть самодовольно произнес француз. — Он открыл диплококк, который...

— Кто?! Плевать! Он выживет? Деньги... — Тихомиров почти вытолкнул из комнаты болтливого лекаря. — Да, деньги! Сколько надо?

— Левушка! У него судороги... — настиг его голос Кати.

— Деньги... Их немного. Возьмите все. Я после еще дам... Спасите сына... — совал в карманы врачу мятые франки. Тот отбивался, а Лев комком впихивал купюры с такой силой, что трещали нитки сюртука. — Умоляю!

— Поймите же, мосье, это менингит! Из десяти больных выживают только двое. И эти двое... Возможны осложнения: глухота, эпилепсия, идиотизм, наконец. Я сделаю все. Мы соберем консилиум, но...

С каждым днем Саше становилось хуже и хуже. Он умирал. У Тихомирова останавливалось сердце, когда мальчик, скрипя зубами от боли, переворачивался на бок с запрокинутой головой, с поджатыми к животу коленками. «Поза легавой собаки. Плохи дела...» — сокрушался доктор, и снова ставил на затылок несчастному злые «шпанские мушки».

Выл ветер в каминной трубе, и каждую ночь выл под окном соседский пес, выматывал душу.

Пиявки, компрессы, стоны, рыдания Кати за стенкой.

Однажды показалось, что наступило улучшение. А следом опять — рвота, опять стал мараться во сне под себя, косить глазом. Он так измучился, бедный мальчик, что отворачивался, сжимал губы — не хотел пить горьких настоек валерианы и пиона, и тогда Тихомиров кричал на него, топал ногами и, размахивая побелевшими кулаками перед высохшим маленьким личиком, силой вливал в посиневший рот противное лекарство.

— Сейчас же пей, негодный мальчишка!

— Оставь! Не надо, Лева! — врывалась в детскую Катя. Он грубо гнал жену прочь.

И тут же, конечно, повестка из комиссариата полиции: срочно вызывают к префекту. Что делать, пошел. Оказалось, стало известно: под именем Долинского скрывается эмигрант-революционер, опасный для Франции Лев Тихомиров, которому предлагается покинуть Париж, страну. Пришлось пойти на поклон к Лаврову; старик дружен с премьер-министром Клемансо. Республиканец Клемансо помог, но из столицы надо убираться. Хотя бы на время. Пока можно жить только в провинции. Дали две недели на переезд.

Холеный премьер с ухмылкой будет рассказывать: «Я ожидал увидеть грозного царевича Тигрыча, а передо мной стоял жалкий тип с трясующимися руками, только и твердивший: «Мосье министр, мосье министр...»

Руки тряслись. Душа трепетала. Саша, Сашенька, сынок...

Мальчик открывал глаза, и Тихомиров хватал первое, что попадалось. Вот наперсток, к примеру.. И тут же показывал веселый фокус.

— Смотри-ка, милый! Есть на пальце! — насаживал на большой палец наперсток и, дурашливо улыбаясь, прятал руку за спину. — Раз! Нет на пальце! Видишь? А теперь, опляя-я (где вы, клоуны из цирка Чинизелли?). И опять есть! Смешно?

Но Саша не смеялся. Взгляд его был строг и серьезен; он не любил теперь пустых разговоров и разных глупых вздорностей, которыми взрослые обыкновенно забавляют детей. Даже сердился, делал бровки теремком. Льву Александровичу, с изболевшей, бессонной душой, порой казалось, что сын уже не ребенок и он знает больше его, своего отца. И знание это уводило мальчика иной неведомой дорогой. Он словно бы говорил — молчаливо и строго: все пустяки на свете, а есть только смерть.

Есть на пальце. Нет на пальце. Есть жизнь, а потом...

Но вдруг сын не умрет, а делается идиотом?

— Сашурка, сынок! Помнишь, ты хотел в русскую церковь? Обещая, съездим. Только поправляйся... — просил, переворачивая горячую подушку.

— Хорошо, папа, — слабо кивал мальчик. — Ты не плачь. И мама пусть не плачет. Вы не виноваты...

Начинался новый припадок.

Что? Не виноваты? Постой, постой... Да ведь это же он написал: «Мы не верим больше в руку Божию». В письме к Александру III, где гордился каждой смелой фразой? Нет, не там. В другом обращении. В прокламации. В какой? Неважно. Тогда ничего не царапнуло: ведь как дерзко, умно! И соратники-народовольцы в восторге... Первое смущение — после весточки из дома: простые слова мамы и удивительно — несколько строк от отца; старый военврач не поучал сына-вольнодумца, нет, а лишь кротко благословлял. Он, Тигрыч, предательски бросил дряхлеющих родителей, оставил у них на руках (во имя революции!) маленьких дочерей, а его смиренно прощают, желая, чтобы он жил с Богом. Хотя бы в душе.

«Мы не верим... Как горько, как стыдно! Так не должно быть. Это ложь, ложь. И вот теперь умирает сын. Моя вина. Наша вина...»

— Катя, Катюша! — в отчаянии позвал Тихомиров.

— Что? Все? Саша?! — рывком распахнула дверь жена. — Нет...

— Подожди... Есть молитва, редкая... Молитва матери об исцелении ребенка. Я вспомнил... Я болел, и мама читала. Она думала, я сплю, а я не спал. Молитва матери — она самая сильная...

— Да, самая... Да, сильная... — мелко, по-старушечьи трясла Катюша неприбранной головой. — Я не знаю. Господи... Ты вспомнишь? Вспомни...

— Сейчас... Я вспомню... Это — Пресвятой Богородице. Идем скорее, к Митрофану Воронежскому, — торопливо вытолкнул жену из комнаты.

— Ты сказал: Богородице. Но почему — Свяtitель Митрофан? Разве можно?

— Можно, ничего. Хотя... Не знаю. Я теперь вспомнил. Ты повторяй. Каждое слово повторяй. И — проси, проси, проси! — обжигал он Катю дыханием; воспаленные глаза бешено вращались в полумраке.

На минуту Тихомирову привиделось, что он с рыбаками вышел в море — проверить сети-вентери. Но задул новоросийский ветер — бора; шторм разметал лодки, разбил их. И

вот он пытается спастись, цепляется за каждую шепку. Где же берег? Где твердь его?

Это напоминало чудо — простое и ясное: вдруг зазвучало, запело в оживающей душе, вспомнилось каждое слово молитвы. Откуда? Почему? Он не знал, да и не хотелось знать: «О Пресвятая Владычице Дево Богородице, спаси и сохрани под покровом Твоим мое чадо Александра... Укрой его ризою Твоего материнства...»

«Уврачуй душевные и телесные раны чада моего Александра, моими грехами нанесенные...», — с нарастающей покаянной силой повторяла Катюша.

...После недолгого, но напористого дождя вновь посветлевший день стал тихим и кротким. Тогда они с Сашей вышли в сад. Капли так ослепительно горели на трепетной листве, что мальчик зажмурился.

Да-да, это тоже было чудо — иначе не назовешь: умирающий сын не умер. Выздоровливал уже в деревне, в Ла-Ренси, куда им пришлось окончательно перебраться по предписанию обаятельного Клемансо. Саша, заметил Лев Александрович, словно бы поуменел, но иногда забывал самые обыкновенные слова. Вот слово «дождик» забыл. Махнул только рукой. И улыбнулся...

Врач-француз лишь диву давался.

Что-то случилось и с ним, с Тихомировым. Нет, он больше не вспомнил ни одной молитвы, но в те страшные ночи все равно — молился. Снова и снова выла собака, а он, надрывая сердце в предельном усилии, просил о пощаде, лил слезы, давал обеты. Кому? Иногда решался произнести: «Господи, если Ты есть, помоги... Я обещаю Тебе...» В те горячечные мгновения он многое обещал. О чем-то потом забыл, о чем-то помнил до конца жизни.

Лев и прежде, когда было плохо, когда жандармские сыщики шли по пятам, порой ловил себя на том, что ему хочется помолиться. Но идеолог бесстрашной «Народной Воли» всегда одергивал свой нрав — гордо и сурово. Почему-то казалось, что это скверно — становиться на колени из-под палки, в страхе сердечном. «Как беда на пороге, так мы все при Боге» — засело в голове оброненное старым стражником в Петропавловке. Ведь когда хорошо, он не думал о Нем. Не подлость ли это, не малодушие ли молиться, когда приходит беда?

Но удивительно: если с ним был образок Святителя Митрофана, он чувствовал себя спокойнее. Бросил его, и через месяц был арестован за Невской заставой, у Синегуба. Мама нашла образок, привезла на свидание в крепость. Вскоре

сына выпустили по монаршей воле. И все же иконка — скорее талисман. К Богу Тихомиров не обращался.

Смертельная болезнь Саши потрясла его, сломала. Исчезла гордость. Он, неукротимый «великан сумрака», вдруг почувствовал себя таким слабым, что теперь уже не боялся унижения, не думал о малодушии, ни о чем не думал, а просто — умолял, просил.

Вначале запела в измученном сердце самая короткая — Иисусова молитва. Потом как-то само собой — печально и светло вышепталося: «Верую, Господи! Помоги моему неверию...»

А если есть Бог, то есть и Россия. И это сложилось будто само собой. Да, есть Россия. Но — какая?

Россия — подпольная, заговорщицкая, жаждущая революционной встряски, разрушения монархических основ, немедленного парламента, конституции? Или другая, самодержавная, идущая своим путем, набирающая имперскую силу, не зависимая от течений и партий?

В эти дни Тихомиров ждал выхода брошюры «Россия политическая и социальная» — на английском, французском и русском языках. Он уже получил часть гонорара, и этих денег хватило на врачей, на лекарства для выздоравливающего, но еще слабого Саши.

Теперь он обдумывал новую статью. Шагал из угла в угол по пустым комнатам, чутко прислушиваясь к голосам жены и сына, и голоса эти звучали все веселее и громче.

Наконец, Лев Александрович исполнил свое обещание — они отправились в Париж, на улицу Дару, в православную церковь, чьи маковки золотились неподалеку от русского посольства. Всю долгую дорогу он посматривал на Сашу (хорошо ли ребенок перенесет путь?) и буквально сгорал от стыда, вспоминая, как года три назад к ним приехали Маша Оловенникова с Засулич, и как, посмеиваясь за чаем, развязная Вера пристала к ребенку: «Ответь-ка мне, Шура, ты анархист или народоволец?» Бедный малыш лепетал, коверкая непонятные слова: «Я ахист и адось...» А шумные дамы захлебывались от смеха: «Ты, милочка, «адось»! Непременно «адось». Народоволец...»

Дуры, какие же они все-таки дуры! И это им подражает ищущая дела молодежь?

Тихомиров помрачнел. Катя с тревогой покосилась на мужа.

Но они уже добрались до парка Монсо и теперь шагали по переулку, ведущему к храму. На углу стояла булочная, где француз-хозяин предприимчиво торговал русскими сайка-

ми, калачами и печеньем. Прежде Лев не замечал магазина, но сегодня почему-то сразу заметил; не сговариваясь, они вошли в булочную — навстречу теплому хлебному духу, от которого, как в детстве, закружилась голова. Саша во все глаза смотрел на сияющую, точно масляный блин, физиономию хозяина, на всю эту золотистую сдобную роскошь на полках и прилавке, а после за обе щеки уписывал похрустывающую корочкой пышную сайку, и от его аппетита, от размягчившегося лица, в последнее время чаще бледного, измученные родители приходили в восторг.

— Такой хлебушек и в России? — спрашивал Саша. — Значит, там хорошо, если он вкусный?

— Хорошо, сынок, хорошо, — поспешно кивали головами Лев и Катя, боясь продолжения вопросов. — Идем скорее в храм.

Тихомиров вспоминал потом этот день, как день радости. Они входили в ворота и радовались: русские ворота! Поднимались на паперть, и паперть была такой же, как в России. И две пожилые женщины в простонародных повойниках на головах — какой уж тут Париж: мытищинские богомолки собрались на Пасху к Преподобному. Откуда здесь? Расспрашивают с тихими улыбками: кто, мол, такие, давно ли за границей? Сашу ласкают. И хочется так же ответить, да не скажешь всего. Вздохнули: «Сынок ваш под Богом живет...»

А ведь это — так, так! Выздоровление Саши наполняло Тихомирова чем-то вроде благодарности. Кому? Он до конца не мог понять. Беспокойство за сына не исчезало, болезнь могла вернуться в любую минуту, и Лев просил какую-то таинственную силу, присутствие которой всегда ощущал.

Конечно, под Богом! Конечно...

Признаться, ему давно хотелось зайти в эту церковь. Но мешали страх и стыд. Как же — он, отверженец, враг Государя, России и народа, — мог бы переступить этот порог? Зачем? И его ли здесь место? Революционера, замешанного в цареубийстве.

Сердце гулко колотилось в горле. На паперти он сжал руку Саши, и тот отозвался пристальным взглядом.

— Будет ли служба? — глухо спросил Тихомиров на своем ужасном французском. — Я обещал сыну..

— Служба уже идет, — ласково, на хорошем русском ответил причетник. — Только в нижней церкви. А мы к празднику готовимся, к Успению.

— В нижней? К Успению? — как эхо повторил Лев Александрович.

— Да-да, — просто, с улыбкой кивнул причетник и внима-

тельно посмотрел на Тихомирова. — Позвольте, я проведу вас. Через алтарь-то ближе...

Они вошли в золотой полумрак, освещенный живыми огоньками теплящихся свечей и лампад. Оклады икон искрились в желтоватом приветном мареве. И все это мгновенно и чудно отразилось в широко распахнутых глазах Саши.

— Папа, папуся... Как красиво! — прошептал он. — Я не видал такого, — и перекрестился, как его учили.

Священник возгласил: «Миром Господу помолимся!» Диакон читал ектинью.

Раздалось молитвенное песнопение, и Тихомирову вдруг стало страшно. В пылающей голове пронеслось: «Сейчас разорвется сердце. Если это случится, если я умру, что же будет с Сашей, с моим мальчиком? Господи...» Спазмы перехватили горло, сдавили дыхание. Мучительно хотелось заплакать, но он не выносил слез, презирал их и не верил плачу. А тут впору было зарыдать, упасть на красные храмовые ковры, застонать от боли, от стыда за свои блуждания, и еще — от счастья, от странного восторга видеть себя здесь, в православной церкви на тенистой Дару. Да, в церкви — вместе с Сашей, с Катей. Неожиданная мысль пронзила его: ведь для изгнанника, ищущего Бога и родину (а он все же — искал, искал!), этот маленький храм давал то, что нужно — ласку, доброту, надежду. А если дальше, смелее шагнуть? Ну же, давай, брат, не трусь: это освященное место, где любящий Отец празднует возвращение блудного сына.

Возвращение? Хватил. Не слишком ли скоро? Но почему нет, почему? Вот Саша, он рядом, крестится. Вслушивается в молитвы ектиньи, в чтение Евангелия, всматривается в каждое... Это его сын, русский мальчик. А он, Тигрыч? Впрочем, довольно кличек. Он, Тихомиров, блудный сын. И Отец празднует его возвращение, ни в чем не укоряя, а лишь утешая и радуясь.

Почему-то он боялся сразу спросить сына: понравилось ли? А что если просто кивнет: «Да так, ничего, папа. Недурно». И он терпеливо молчал. Но Саша заговорил сам. Заговорил тотчас же, как только вышли из храма, и уже можно было что-то сказать.

— Папа, папуся!

Тихомиров вздрогнул оглушенный негромким голосом ребенка. Повернулся к нему, обмирая душой. Лицо у мальчика пылало, повзрослевшие глаза сияли от нахлынувших чувств; глаза даже немного вращались, повторяя в этом сходстве самого Льва Александровича.

— Что скажешь, Сашурка?

Сын вдруг остановил их у самых ворот повелительным взмахом еще слабых рук.

— Папа, мама! Давайте больше не будем ходить к католикам, а? Даже когда дождик. Я хочу, чтобы мы приезжали сюда, в русскую церковь!

— Хорошо. Но почему? Да и нет ли у тебя жара?

— Нету жара. Просто... Немного жарко стало. Здесь лучше, красивее. И — теплее... — торопливо заговорил, глотая слова, оживившийся Саша.

Потом они снова зашли в чудесную булочную, и снова ели золотистые калачи, сидя на скамейке в церковном саду. И то, что сад был немного запущенным, с растущими привольно кустами — без стрижки французской — это тоже радовало их.

— Как же хорошо все русское! — повторял сын, от удовольствия болтая ногами. — А мы поедем в Россию?

— Конечно, мой милый, конечно, — вытолкнул Тихомиров непослушным языком. И отвернулся, чтобы Саша не увидел его глаз.

— Правда, мы будем ходить сюда?

— Будем, сынок...

Значит, он не погубил своего мальчика! Кого же благодарить за эту минуту? Сердце дрогнуло, несмело еще подсказало: Бога, конечно, Бога... Да, сам он грешил, возможно, и погубил себя, но успел, смог привести любимого Сашурку сюда, в русский храм на Дару, к правде. Значит, не зря высоким пророческим словом опровергалась поговорка земли Израилевой: «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина». Он съел много кислых ягод, он надышался злой динамитной скверной. Но Саша... Нет, он не будет отвечать за это. Не должен отвечать.

Какая же поддержка — 18 глава книги пророка Иезекииля! В полупустом флигеле Ла-Ренси Тихомиров раскрывал Писание и удивительно — вскоре получал ответ на мучающий вопрос. Все это походило на таинственный безмолвный разговор, к которому он привык за зиму и весну. Однажды раскрылось: «Вы говорите: «почему же сын не несет вины отца своего?» Потому что сын поступает законно и праведно, все уставы Мои соблюдает и исполняет их; он будет жив». (Иез. 18, 19).

Будет жив, будет! Как точно, как справедливо. Не несет вины... И до чего же славно думать об этом в уютной церковной ограде.

Саша доел свой калач. Они поднялись со скамейки и вышли за ворота. Перекрестились с поклоном, постояли немно-

го, а затем двинулись по переулку к трамваю. Трамвай уже позванивал, торопя пассажиров в дорогу.

Но прошло и это лето. И осень, и зима миновали. Наступила весна 1888 года.

Тихомиров о многом передумал в эти месяцы. Снова начал вести дневник, свою «памятную книжку». Записал: «Саша жил именно «под Богом». Я ощущал таинственную силу.. Религиозное чувство замечательно охватывало мальчика, который, больной, хилый, был в то же время замечательно хорош душой, с какой-то особенной тонкостью духовного восприятия. Я учился верить в духовное начало, наблюдая этого милого ребенка, и сам от него больше получал, кажется, нежели давал ему..»

Знать бы ему, мятущемуся революционеру, что в 1902 году его Сашурка поступит в московскую Духовную академию, будет пострижен в монашество с именем Тихон, примет сан иеромонаха, начнет подвижническую жизнь. Он понесет молитвенный подвиг — почти без сна, не давая себе прилечь и на минуту, ночами переводя кондаки преподобного Романа Сладкопевца. В 1920-м он будет хиротонисан во епископа Череповецкого, затем Кирилловского — с назначением на кафедру, уже обгавленную кровью новомученика владыки Варсонофия. Обновленцы изгонят его, обвинят в контрреволюции. Несколько лет епископ Тихон проведет в советском лагере, на лесоповале, таская бревна по груди в ледяной воде.

Его мучили, чекисты грозили револьверами, с которыми не расставались еще народовольцы, друзья отца, а он писал акафисты, исполненные ликующей радости, благодарения Богу и веры в то, что сила Его всегда побеждает. Потому что Христос сказал: «Мужайтесь, Я победил мир» (Ин. 16, 33).

Кажется, владыка вспомнил тогда, молясь об упокоении души давно умершего Льва Александровича, ту старую запись в отцовской «памятной книжке», сбереженной в Сергиевом Посаде матерью и старшими сестрами.

Улыбнулся, сердя озябшего охранника, и понес бревно дальше, хлюпая по студеной жиже разбитыми башмаками. Такими же, как у юного Тигрыча в тесной камере Петропавловской крепости. Почти такими.

Глава тридцатая

Заведующий русской зарубежной агентурой, губернский секретарь Рачковский снова был вызван из Парижа в Санкт-Петербург для личного доклада министру внутренних дел Дмитрию Андреевичу Толстому. Граф принял своего любим-

ца в здании на Фонтанке незамедлительно. Беседа продолжалась более двух часов.

— Мне сообщили Дурново и Скандраков, что вам удалось перехватить письма Льва Тихомирова, — министр кивнул штаб-офицеру, принесшему чай, и приглашающим жестом указал Рачковскому на ароматно дымящиеся стаканы, на вазочки со сладостями: угощайтесь, мол...

Петр Иванович графа уважал. Поговаривали, что при назначении на пост главы МВД тот прямо спросил у Александра III: «Угодно ли будет Государю иметь министром человека, который убежден, что реформы прошлого царствования были ошибкой?», и получил утвердительный ответ.

— Да, Ваше сиятельство, — почтительно привстал заведующий агентурой. — Письма отправлены в Лондон. Также и в Россию, но зашифрованные. Мы сумели раскрыть тайные криптограммы. В Лондоне давно проживает Ольга Алексеевна Новикова, вдова генерал-лейтенанта Ивана Петровича Новикова. К сей почтенной особе и пишет наш сбежавший народоволец. Смею заметить, что...

— Вот как? — перебил Толстой. — Я генерала знал еще в бытность его попечителем учебного округа в Петербурге. Кое-что сделали мы с ним, дабы вольномыслие в университетах изжить, нигилистину мерзкую, юные сердца разъедающую. И Ольгу Алексеевну помню. Она же из Киреевых-славянофилов, из круга Хомякова, Аксаковых. Крестница Государя... И она этому... Тигрычу отвечает? Что ж у них общего? — разволновался граф, топя седеющие усы в остывшем чае.

— В церкви они познакомились, что на улице Дару, у нашего посольства. Прошлым летом еще. Их свел некий Павловский. Агенты Турин и Милевский выследили...

Граф резко поднялся, посуда мелко звякнула; из-под тяжелых век гневно сверкнули глаза. Заходил по кабинету широким шагом.

— У самого посольства? И отчего не заарестовали, не затащили туда подлеца, рекалию беглую?

— Он с сыном болящим был. И с женой, — вытянулся Рачковский. — К тому же директор Департамента полиции Дурново распорядился не прекращать филерского наблюдения. И вскоре выяснилось удивительное...

— Что же? — нахмурился министр: упоминание имени Дурново не слишком-то понравилось. У этого бывшего моряка дальнего плавания терпения явно было побольше.

— Новикова уехала. Они с Тихомировым стали переписываться. Но содержание его писем — вот что поражает! Этот злоумышленный революционер как бы уже и не вполне рево-

люционер. Да-да, Ваше сиятельство! — Рачковский раскрыл портфель и стал вынимать скрепленные бумаги.

— Все как-то странно. Знакомство в храме... Но сей беглец-социалист никогда не отличался религиозностью, — пожал плечами Дмитрий Андреевич. — Так что же у вас, любезный, припасено? — нетерпеливо протянул руку.

Это была записка Рачковского с извлечениями из корреспонденций Тихомирова в Лондон к Новиковой. И от нее к идейному вождю «Народной Воли». Граф надел очки. Глаза цепко побежали по строкам. Удивленные кустистые брови поползли вверх, напряженно морщина высокая лоб.

— Та-ак... «Я окончательно убедился, что революционной России в смысле серьезной созидательной силы не существует...» Интересно, интересно... «Отныне нужно ждать всего лишь от России, русского народа, почти ничего не ожидая от революционеров... Сообразно с этим я начал перестраивать и свою жизнь...» Ай да Тигрыч! И что же любезная Ольга Алексеевна отвечает? Та-а-ак... «Народовольчество погибло, потому что Александр III сумел вызвать в Империи высокий подъем национального чувства, стать представителем национальной России. Либералы пишут: реакция, реакция! Но, согласитесь, Лев Александрович: в живом организме всегда реакция. Иначе — смерть...»

Граф Толстой вскинул на заведующего агентурой отрешенно-округлившиеся глаза. Забывшись, махнул ему рукой:

— Чаю, горяченького... Скорее! Вот баба! — и опять уткнулся в бумаги.

— Надо же! Что еще?.. Да он, этот отпетый нигилист, соглашается! И сам-то, сам!.. «Верно, Царь сумел упорядочить государственные дела. Не изменяя образа правления, он твердой рукой изменил способ правления. И страна при нем стала развиваться и процветать. При таких условиях никто не хочет идти в революцию...» Ишь ты! Каков... — обжегся чаем потрясенный министр. Впился взглядом в Рачковского: — А вы-то, Петр Иванович, верите этому.. висельнику?

— Как сказать... Я бы не стал спешить, — задумался заведующий агентурой. — Не прост сей господин, ох, не прост, Ваше сиятельство! Полагаю, следует провести еще ряд мероприятий — по части его деморализации. Я заказал огромный чертеж Парижа и установил для агентов график слежения за Тихомировым. Мои лучшие филеры...

— Превосходно! Передайте вашим людям: они будут награждены, и щедро, — улыбнулся в усы Толстой. — Я доложу Государю. Но наблюдение продолжить еще с большим усердием. То что вы, голубчик, сообщили — весьма и весьма интересно.

Между тем Тихомировы снова перебрались в Париж, на авеню du Maine в квартале Монруж. Квартиру помогла подобрать через своих французских знакомых все та же Ольга Алексеевна, с которой Лев и Катя больше и больше сближались, отстраняясь от прежних единомышленников. Сближались они и с Павловским: тот всерьез засобирался домой, в Россию; надеялся, что ему простят грехи бунтовской молодости.

Квартал Монруж был ухоженным и чистым, широкие улицы тонули в густой зелени каштанов, и на каждом шагу — недорогие магазины и лавки. Саше после болезни нужен был свежий воздух, и воздуха хватало здесь с избытком: он просто звенел и струился над широким двором, поросшим мягкой травой. Гуляй хоть день напролет. И они гуляли.

Хорошо, что тут не селились русские эмигранты, предпочитающие грязноватые переулки Глясьери и Пор-Рояль. Поэтому шансов столкнуться с бывшими товарищами по борьбе почти не было. Открытый разрыв с ними еще не наступил, но, похоже, все шло к тому. Правда, Лавров и Оловенникова даже пришли к Тихомировым на новоселье. С ними увязались недавно прибывшая из России девица Федосья Вандакурова, с полным сумбуром русского радикализма в прехорошенькой голове, и горячий Гриша Бек, из молодых эмигрантов.

— Меня уполномочило русское студенчество... Ответьте же, Петр Лаврович! — после шампанского приступила барышня к Лаврову. — Всяческие шевеления, волнения молодежи, мы считаем, необходимы. Но правительство настроено крайне реакционно...

— И что же вы от меня хотите? — заважничал ученый представитель революции.

— Как же быть? Бунтовать или нет?

— Бунтовать! Несомненно бунтовать! — решительно потрянул желтыми прядями автор «Исторических писем».

— Но правительство закроет университеты. И это, не считая гибели молодежи, всем остальным, невиновным, прервет образование. А еще... — отставила бокал честная Вандакурова.

— Ну, и пускай! Да, кого-то посадят в крепость, сошлют на каторгу в Кару. Без жертв не бывает прогресса...

— Однако.. — раскрыла было коралловый ротик барышня.

— И что за беда, коли вовсе закроют два-три университета, — властно перебил Лавров. — Студенты в них не учатся, а затуплиются. Именно! А если просвещения желают, то пусть обратятся к свободным учителям науки.

«К тебе, стало быть? — готов был взорваться Тихомиров. — Куда ж ты толкаешь наивную юность? Два-три университета... Можно подумать, у нас их сотни. Вместо того, чтобы заняться культурной работой, глупые мальчишки полезут в революцию. И свернут шею. А тебе все нипочем. Даже твой Маркс шелкнул по носу: «Лавров слишком много читал, чтобы что-то знать...» Ах, старая ученая скотина!»

Тихомиров вспылел. Наговорил гостям колкостей. А в передней, задержав Вандакурову, сказал, да так, чтобы и Оловенникова услышала: «Посоветуйте своим друзьям учиться. И университетами дорожить...» Само собой, Маша все тут же передала разгневанному старику.

А ему хотелось кричать: юные, наблюдайте, учитесь, не верьте на слово, не поддавайтесь громким фразам, не позволяйте себя страшить ни «великими могилами», ни «переметными сумами». Примерьте двадцать раз, прежде чем отрежете! Вслушайтесь, что говорят о вас эти «властители дум»: «Пусть бунтуют; это, конечно, пустяки, но из этих людей все равно ничего серьезного не может выйти, а тут все-таки — протест».

Лев вдруг окончательно понял: он, безусловно, уже ничего общего с «властителями» не имеет; более того, его начинает просто трясти от упрямого бунтовского настроения, которое составляет подкладку революционного движения. Строки нервно прыгали по дневниковой странице: «Передо мною все чаще является предчувствие или, правильнее, *ощущение* конца... Я уже почти не имею времени что-нибудь создать: мне уже, — страшно сказать, — тридцать шесть лет... Еще немного, — и конец, и ничего не сделано... И сгинуть в бессмысленном изгнании, когда чувствуешь себя так глубоко русским, когда ценишь Россию даже в ее слабостях, когда видишь, что ее слабости вовсе не унижительны, а сила так величественна... Это ужасно, это возмутительно!»

Теперь, снова живя в Париже, они все чаще и чаще отправлялись на свое маленькое богомолье — в деревянный храм на улице Дару. Потом Катюша гуляла с Сашей по скверу, а он, терпеливо дождавшись настоятеля церкви отца Арсения, внимал ласково-рокошущему баритону протоиерея:

— Как молиться-то? Сказано: стой, будто осужденный, с поникшею головой, не смея воззреть на небо. Вот... А руки опусти или сложи сзади. Вроде, связаны они у тебя, как у схваченного преступника.

— Преступника? — холодея, переспрашивал Лев. — Впрочем, да...

— Звук голоса твоего да будет жалостным звуком плача, стоном уязвленного смертоносным орудием или терзаемого

лютой болезнью. А революция — разве не болезнь? Молитвословие — не молитва еще! Дух молитвенный нужен. В сердце сокрушенном... «Человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце» (1 Цар. 16, 7). И так стой, точно стоишь перед Судиею твоим...

— Конечно, перед Судиею, конечно, — соглашался Тихомиров, и в один из дней с бьющимся сердцем спросил священника: — Понимаете... Я как-то открыл Евангелие... И снова открыл, и опять на том же месте: «И избавил его от всех скорбей его, и даровал мудрость ему и благоволение царя Египетского фараона» (Деян. 7, 10). Что это? Почему?

Тишина повисла в церковной ограде. Лишь где-то в высоких ветвях всезнающе ухала горлинка. Наверное, горлинка. Очень похоже...

От ожидания заломило в висках, кровь ударила в лицо, делая тело чужим и невесомым. А отец Арсений молчал, перебирая четки.

— И вот что я думаю, по недостоинству своему, — глухо произнес он. — Царя благоволение... Стало быть, Лев Александрович, отбунтовали уж вы. Домой скоро вернетесь. Государь Александр III успокоил Россию, взбодрил ее. Даст Бог, помилуют вас. И вам там дело найдется...

— Да что вы? Как же? — потемнело в глазах.

— Папа, папуся! Смотри, мы божью коровку нашли! — спас его ликующий голос сына. — Два пятнышка на крыльшках, значит, ей два года, так? Выходит, когда она родилась мне было... Мне было...

Бедный ребенок! Он пытается отнять от шести два, но быстро не получается. Эта проклятая болезнь... Ничего, не надо отчаиваться. Ведь Саша уже научился сам узнавать номера домов.

К Рождеству за пять франков они купили сыну крепкую деревянную лошадку на колесах. Когда он уставал, то садился верхом, а Лев Александрович тянул игрушку за веревочку. По сплошным парижским асфальтам они могли проезжать целые версты. Мальчик был счастлив. Дома в городе высокие, но узкие, а потому их номера доходят до многих сотен. Вокруг ярко шумела жизнь, но Сашу интересовали только цифры. Он спрашивал поминутно: «Что это? Как?» — «Ну двадцать пять». — «А это что?» — «Тридцать девять». — «А тут, папуся?» — «Пятьдесят три». Конечно, это изрядно надоедало взрослым. Но делать нечего, приходилось отвечать.

Это продолжалось, наверное, с месяц. И в один из дней сын поразил Тихомирова. Он глянул на первый попавшийся дом и вдруг вскрикнул: «Не говорите мне, я сам скажу но-

мер!» И тотчас же назвал — правильно. Потом еще и еще. Что тут началось! Сашу нельзя было остановить. Счастливый мальчик тоном первооткрывателя произносил, даже выпевал цифры — и по порядку, и вразбивку; и ни разу не ошибся.

— Ура! Я понял все номера, все цифры! — смеялся сын и, как всегда, от радости закрывал пылающее лицо руками; и это выходило так застенчиво, так трогательно.

Саша подбежал к скамейке. По раскрытой его ладошке медленно ползла божия коровка.

— Вот! Я сосчитал. Мне было четыре года, когда она родилась!

— Умница, — провел ладонью по его кудрям отец Арсений. Раскрыл коробочку с монпасье: — Выбирай, милый, конфетку. Не простые они: съешь, и все хорошо будет. Господь сохранит...

Надо сказать, Павловский оказался неплохим товарищем. Деньги в долг давал неохотно, зато советов — сколько угодно. И связей у него хватало. С его помощью Тихомирова взяли парижским корреспондентом «Санкт-Петербургских ведомостей», пригласили к сотрудничеству с газетой «La Revue Franco-Russe». Появились какие-то деньги, а то хоть плачь: только в мясную лавку задолжали почти 200 франков.

Теперь он вхож в парламент, пишет заметки из Palais Bourbon, где заседают депутаты. Перед ним вереницей проходят спасители отечества, кумиры республиканской Франции. И что же? Ведь еще совсем недавно все эти Флоке, Клемансо, Вильсоны, Гриви были «досточтимыми, честными демократами», а теперь их имена склоняются бульварными шелкоперами. Теперь они — изменники и воры. Пусть не все, но многие.

Что за удивительный Дворец, превращающий великих граждан в мелких негодяев!

Никак не одолеть досадного чувства, когда видишь суету сотен двух репортеров, отправляющих отсюда материалы во все концы света. Шум, возбуждение, точно на бирже. Здесь великая нация собрала представителей своей мысли, своего гения.

А роскошная зала амфитеатром, с креслами, обитыми красным сукном? Для зрелищ — чудное место. Тут еще не аплодируют, но порой кричат депутатам: «О, каналы! О, куча дряни!» Входя в лабораторию политической жизни, только и спросишь: «А что, сегодня будет интересное заседание?» Интересное — это значит: ждать ли скандала? Без него — тоска, скука. Народных избранников — по пальцам сосчитать. Пустующие кресла краснеют обивкой.

Но вот — скандал, разоблачение, интрига. И все меняется. Красноту кресел сразу забывают чернеющие депутатские сюртуки. Никакого просвета. Оживленные лица. Бурные прения и речи. Увлекаешься, точно в театре, заворожено следишь за искусными маневрами фехтовальщиков слова и глосования. Во, шельма! Всех обошел!

Выйдешь потом на набережную, очнешься, подумаешь: да ведь этот Дворец, такой важный снаружи, — всего лишь жалкий базар житейской суеты.

А разоблаченные «спасители отечества» — и вправду все они злодеи? Нет, конечно. Просто... Просто это обычный *парламентаризм* как он есть. И только. И все это трещит, шумит, самодовольно действует совсем не для проявления народной воли, а как средство внушения народу некоторого подобия его воли. Хорошо, а народ — что для них? Органическое историко-социальное явление? Сложное, живое. Как бы не так! Все упрощается демократами. И народ — всего лишь сумма наличных обывателей, проживающих в стране.

И еще — много слов о свободе, равенстве, гражданских правах. Это выводило Тихомирова из себя. Ну, что они говорят? Да, свобода гражданина простирается до тех пределов, за которыми она задевает чужое право. Тогда вывод: я тем более свободен, чем меньше прав у других людей. Так? Так. Пойдем далее. А поскольку при общем равенстве я имею те же права, что и другие, то и выходит: я тем свободнее, чем меньше у меня прав, или — чем больше у меня прав, тем менее я свободен. А?

Бред, нелепость. И мы в России хотим того же? Демократия, парламентаризм... И за такую чепуху пролито столько крови! Да еще прольется.

А тут и статья незнакомого пока Константина Леонтьева, бывшего дипломата, цензора, умницы, присланная все той же Новиковой, — «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». Название — убийственное. Даже Герцен ужаснулся перспективой — сведения всех людей к типу европейского буржуа и так называемого честного труженика.

Не тогда ли мелькнула мысль: а если... если монархия выше республики? Ведь почему-то почти за десять столетий Россия выработала свой способ правления. И знаменитое, вызывающее прежде улыбку: Православие, Самодержавие, Народность. Да, православие... Стало быть, вера. Но он молился, когда умирал сын. Саша, милый Саша... Он тянется в храм. «Живет под Богом». Тут есть какая-то связь. Огромная империя и выздоравливающий мальчик со свечой у Распятая. Есть. Какая?

Мысль встревожила и тут же пропала.

И вдруг Павловского вызвали в русское консульство, на улицу Гренель.

— Пожалуй, вы можете вернуться в Россию, — сказал генеральный консул Карцев. — Вас готовы простить, но... Имеется одно препятствие.

— Какое же? — потемнел лицом Павловский.

— Ваша дружба с Тихомировым. Этот господин...

— Да, было! — заторопился Павловский. — Но теперь — вздор. Он вовсе не революционер...

— Неужели? — подпрыгнул Карцев. — Это меняет дело.

Спустя несколько дней на вечеряющем бульваре Тихомиров буквально налетел на высокого плотного господина в элегантном летнем пальто. Извинился, сделал попытку обойти, да не тут-то было: незнакомец преградил дорогу.

— Мое почтение, Лев Александрович! — господин приветливо приподнял шляпу, и Тихомиров, холодея, узнал: сам Петр Рачковский!

Сердце заметалось, глаза пустились в тревожную беготню: «Ага, вот скамейка... Оттолкну его — и перескачу. После — через магазинчик дамской одежды, к трамвайным путям. Слышно, как звенит... Раз, и на подножку и... Эх, нет на Париж схемы покойного Михайлова! Жаль. Ушел бы...»

Поздно. Похоже, влип, и серьезно. Привычно рассеивая угол зрения, увидел по бокам в серой мути: еще трое, с ладной выправкой, прыгучей филерской поступью приближаются к нему.

— Побеседовать бы нам, а? Не откажите в любезности! — широко и влажно улыбнулся заведующий заграничной агентурой. — И надо же случай: мы в двух шагах от русского консульства. Идемте же, Лев Александрович! И ради Бога, не шелкайте «бульдогом» в кармане. Лучше отдайте.

Тихомиров медленно протянул револьвер. Рачковский улыбнулся, и напрасно: Лев резко ткнул его в подпушок, Петр Иванович, охнув, перелетел через мусорную урну и растянулся на бульваре. Зачем Тихомиров это сделал, понять было трудно. Отомстил за слежку, за разгром типографии, за шпиономанию последних месяцев? Наверное.

Побледневший Рачковский встал. Трое агентов рьяно заламывали Льву руки, готовые задать трепку.

— Отпустите, пусть сам идет, — едва сдерживаясь, приказал филерам Петр Иванович, безгловыми движениями стряхивая грязь с пальто. — Ну вы и Тигрыч...

Шагнул на ватных ногах. Сзади — полукругом, они, ищейки. Вспомнился первый арест — в хибаре за Невской

заставой, у Синегуба. Нет только «черной кареты». Да, еще стихи были: «Ты помнишь дом за Невскою заставой?..»

«Ага, полицейский посматривает. Крикнуть? Караул, грабители!»

Будто услышавший его Рачковский сам подошел к стражу порядка, сунул какую-то бумагу, что-то сказал.

«Не выйдет. Александра III теперь обожают во Франции. Защитил республику от Германии. Даже песенку о нем распевают — на мотив «Марсельезы...»

Со стороны выглядело: ведут арестованного. Торопят, филеры сопят сердито. Прохожие смотрят с любопытством.

«Все кончено. Тайком привезут в Россию. Как? В мешке? В коробке? В чемодане с дырками? И вздернут, пожалуй. Или — на вечную каторгу... Но что же станет с Сашей? Господи! А Катя? Разрешат ли хотя бы написать, что с ним?»

И вот уже русское консульство. Звонок. Им открывают. Массивная дверь чуть скрипит — тоскливо, безнадежно.

«Но я больше не Тигрыч! Нет... Как объяснить? Подумают, что струсил...»

— Да не волнуйтесь вы так, Лев Александрович! — похозяйски расположился в небольшом уютном кабинете Рачковский. — Садитесь. Сейчас мы с вами по маленькой пропустим. А? Коньяку французского. Для контенансу. Для непринужденности, стало быть. Любил так выразиться генерал Мезенцев, а вы его кинжалом в бок...

— Я не убивал. Я против террора.

Ах, уж эти подлые уста! Слетает с них невесть что: лишь бы выпустили, лишь бы спастись. Довольно. Как попавшийся гимназист, право...

— Знаю. Да кто старое помянет... Даже и пальто я готов простить, — заведующий агентурой с сожалением оглядел пятна на светлой ткани. — А ведь только третьего дня у портного забрал. Как конячок-то? — взыграл сияющими глазами.

— Хорош. Еще бы рюмку... — чувствуя, как от выпитого унимается дрожь, попросил Тихомиров.

— Непременно! — звякнул горлышком о хрусталь оживившийся Петр Иванович. — Не тминную же нам, не этот... допель-кюммель при таких-то беседах пить. Знаю, сколько ни примете, а все не пьянеете. Не берет вас спиритус вини. Тигрыч, одно слово. И про двумыслие ваше знаю, и про книжицу...

— Про какую? — потрясенно уставился на старого знакомого.

— Ну, как же! Вы ж хотели объясниться. Перед товарищами по борьбе. Перед правительством, публикой. Не правда ли?

«Боже мой, и все-то им известно! Впрочем, пусть...»

Брошюра и в самом деле была почти готова. «Исповедь террориста» — так сперва назвал. А минувшей ночью пришло другое: «Почему я перестал быть революционером».

Да почему же в конце концов? Почему?

Заваривал крепкий кофе и писал, писал. Сам спрашивал себя и отвечал. И страшно было, и легче становилось на душе...

Мятежная молодость, партия «Народная Воля» и подлинная воля народа, которую никакой парламент — а он теперь это знал! — представлять не может, потому что ее у него попросту нет. Это ощущение, очень тонкое, возможно лишь при самодержавии, когда нет борьбы за власть, когда положение прочно, что позволяет всегда думать о народе, а не о себе.

Он размышлял, мучился. Подходил и отступал.

Что же делать, если он хочет служить России? Если чувствует, что страна здорова, набирает животворящую мощь? А революция чахнет. Молчать? Делать вид, что держишь «священное знамя» социализма в руках? Если понимаешь, что идея террора родилась из слабости, из неспособности партии вести созидательную работу, из своевольно-эгоистического презрения, наконец, к русской жизни. Ибо в мечтах о революции есть две стороны. И одного прельщает разрушительная сторона, а другого — построение нового. Вторая задача всегда была ему ближе...

Что делать, если осознаешь — до боли сердечной: в России недостает национально выработанной интеллигенции. Ведь еще в партийных документах писал: роль настоящих революционеров — не столько бунтовская, сколько культурная. Наши умственные силы, наша социальная наука не изучают собственную страну, ее самобытный опыт. Общественная мысль переполнена предвзятостями и теориями — одна другой воздушнее. И, конечно, это фантазерское состояние ума достигает высшего выражения у радикалов-заговорщиков. Беда, ну просто, беда...

— Вы, наверное, не слишком меня жалуете? — словно издалека долетел голос Рачковского. — И я, грешный, поиграл с революцией в гулимоны, да-с! Но вовремя одумался. Служу престолу искренне. Да не один я такой. Даже сам Победоносцев, и тот в юности принес дань вольномыслию. Трудно поверить? И Леонтьев, и Катков, увы, покойный. Кто ж Каткова заменит, кто? «Московские ведомости», «Русский вестник»... Людей мало.

А ведь прав этот сыщик, и Новикова права: в России идет консервативная революция. Публика перестает читать ли-

беральную прессу. И та стала хиреть сама собой. «Вестник Европы» перебивается с хлеба на воду лишь благодаря миллиону Гинцбурга. А на днях «Дело» закрылось: нет подписки! Знаменитое гнездо Писарева, Ткачева, Кравчинского...

Зато патриотическая печать поощряется. Открываются церковно-приходские школы — вот вам народное образование! В войсках — новая форма, скроенная по-русски. На полковые знамена вернули Лик Спасителя. Россия обрела национальный флаг. А литература, искусство? Недавно еще все умилялись идиотами желчного Салтыкова-Щедрина, забитыми людьми художника Перова, бурлаками Репина, всем болезненным и подпольным, а нынче — вот они, русские сильные люди: былинные «Богатыри» Васнецова, суворовские храбрецы-солдаты Сурикова, подвижники веры и благочестия с полотен Нестерова, Поленова.

Все ожило чудесным образом. Вправе ли он остаться в стороне?

— Можете идти, Лев Александрович, — улыбнулся Рачковский.

— Как — идти? Но к чему.. А как же ящик, чемодан с дырками?

— Что за чемодан? Не понимаю. Впрочем, вы устали. И я устал, — вздохнул Петр Иванович. — Четыре года за вами присматриваю. Признаться, сам хотел доставить вас в Россию. Как преступника государственного. За это наградалагается... А вы мне все карты спутали. Ха-ха! — вдруг расхохотался заведующий агентурой. — Ладно уж, ступайте. Надеюсь, до скорой встречи.

Деньги на выпуск брошюры «Почему я перестал быть революционером» ему выдал все тот же Рачковский: дескать, пока найдете, а время не терпит. И вот книжица вышла.

Это походило на взрыв самого мощного Кибальчичева снаряда, сверх меры начиненного черным динамитом; страшного взрыва наполненной гремучим студнем жестянки, из которой разящий свинец разлетается шариками во все стороны, надо лишь тронуть спираль Румкорфа...

И со всех сторон кинулись к нему, разгневанные, с поднятыми кулаками, бранящиеся сотоварищи по «Народной Воле».

Первой примчалась Маша Оловенникова: «Тебя, конечно, заставили? Откажись, напечатай опровержение. Немедленно едем к Лаврову. Или... Или я не пушу тебя на порог!»

На Катюшу у дома набросилась жена Русанова: «Твой Тигрыч предатель! Он струсил в труднейший момент...»

Серебряков тут же опубликовал «Открытое письмо Льву Тихомирову». Схватился за перо и взбесившийся старик Лав-

ров: дескать, отступничество Тигрыча может вызвать смуту в революционных умах. А посему — мы должны осознать: он нам чужой, он враг, его слова нам теперь безразличны. (Нет, не зря усмехнулся выпивоха-отщепенец Соколов: «Можно быть кем угодно: дураком, подлецом, даже шпионом, но быть Лавровым — это недопустимо!»)

Приехавший из Лондона Сергей Кравчинский буквально вцепился, смял Льву манишку на пустынном Пор-Рояль: «Ты сумасшедший! Сумасшедший!» Насилу вырвался. Вдогонку Мавр крикнул: «Ты хуже Дегаева!» А Сережа, милый Сережа Синегуб, стихи сочинил: «Теперь главу склонивши долу, вошел в языческий ты храм. И воскуряешь произволу благоговейно фимиам...» Бедный друг, друг далекой молодости...

Не смолчали и Плеханов с Аксельродом: мы ж, мол, говорили — народничество приказало долго жить; вступайте в марксистскую группу «Освобождение труда». Знаменитая Вера Засулич с нами. Чуть позже опомнившийся Георг ответил более пространно — брошюрой «Новый защитник самодержавия, или горе г. Л. Тихомирова».

Сам Поль Лафарг отозвался телеграммой: «Приезд на учредительный конгресс II Интернационала русских революционеров будет ответом на предательство Тихомирова». Затем рубанул с плеча Фридрих Энгельс: «...русский, если только он шовинист, рано или поздно падет на колени перед царизмом, как мы это видели на примере Тихомирова».

Все толкались, гадели: про когтистую лапу двуглавого орла, наступившего на горло бедной России; а ему, ренегату, сильную царскую власть подавай...

Говорили потом, в каземате Шлиссельбурга заплакала даже Верочка Фигнер: о нем заплакала (о все еще любимом?) — как о душевнобольном. И Коля Морозов тоже. Слезы вытирал, а вокруг по камере цыплята бегали (в тюрьме вывел!), и потрясенный стражник смотрел в глазок на попискивающее чудо.

Тихомиров запомнил этот вечер, августовский, беззаботно-ласковый, пронизанный соскользнувшими с черепичных крыш солнечными лучами. Он вышел на Страсбургский бульвар, над которым плыли ароматы духов, свежей пока акации, близкой кондитерской, еще чего-то, обещающего радость; и все это не портил серный запах угля от близкого вокзала. Там посвистывали невидимые паровозы, напоминающая о дальних дорогах. И от этого губы сами складывались в улыбку. А вдруг и они скоро поедут. В Россию.

Впрочем, неважно, пустит ли его правительство домой. Он все равно будет вести себя одинаково. Наконец, он просто объяснил свои взгляды...

— Остановись, иуда! — раздался срывающийся голос.

Он оглянулся, и первое, что выхватил взгляд, было короткое дуло «бульдога», торчащее из-под газеты.

— Бек? Григорий? — узнал он молодого народовольца; того самого, что был вместе с Вандакуровой у них на новоселье. — Не понимаю...

— Поймешь! Вот тебе! — Мгновенно ударил выстрел. Потом еще и еще.

Оцепеневший Лев не прятался, но слышал, как пули впи-ваются в дерево над головой. Снова хлопок. И снова короткий вскрип старой ивы от влипающего в кору свинца. Вдали раздавалась полицейская трель, кто-то кричал, метались тени.

— За всех... За казненных, погубленных. За поверивших и обманутых!

Теперь ствол «бульдога» смотрел холодно и пристально прямо в грудь. Надо бы укрыться за деревом, еще можно успеть...

Но Тихомиров стоял и ждал четвертого выстрела. Глаза вращались. Сердце отбивало последние секунды жизни.

Глава тридцать первая

Понимал Рачковский, хорошо понимал: завтра, оно всегда обманчиво, и лишь вчера — надежно и верно. Что было прежде с Тихомировым: нигилизм бунтарский, заговор, народовольческое подполье — тут ясно, а вот что станет, что он обещает завтра исполнить — это, как говорится, еще вилами по воде писано. К тому же заведующий агентурой, вызванный в Петербург, слышал своими ушами, как сам Победоносцев, выходя из кабинета товарища министра внутренних дел фон Плеве, бросил в крайнем раздражении:

— Если возвращаться этому Тихомирову, то только в монастырь. На Соловки куда-нибудь. И пусть сей грешник замаливает грех 1 марта и убийство Судейкина...

Возвращаться? Как — возвращаться? Возможно ли это?

Но слово слетело с твердых губ влиятельного обер-прокурора Святейшего Синода. И — пошло порхать, обсуждаться в кабинетах и гостиных, звучать все громче и настойчивее; и до эмиграции донеслось.

Тихомиров уловил это слово. От него перехватывало дыхание.

Однако умный Рачковский не стал отменять наблюдение за раскаявшимся идеологом «Народной Воли». Это и спасло тому жизнь: когда Бек в последний раз нацелил свой «бульдог», филеры успели выбить оружие, скрутили горячего стрелка.

«Иуда! — крикнул разъяренный Гришка Бек. — Иуда...»

Да нет же, нет, это не так! Он не получил никаких подлых серебреников — ни тридцать, ни больше. Пстой, а деньги, на которые издана оглушительная брошюра? Эти деньги дал Рачковский... Господи! Зачем только взял? Чтоб скорее вышла книжка. Кто бы еще дал? А ведь от этого зависит его судьба, судьба его близких. Наконец, возможное возвращение в Россию. Боязно и подумать... Но он, Тихомиров, никого не выдал из бывших друзей. И не выдаст. Он не Гольденберг, не Дегаев, не Мирский.

Но почему бессонными ночами Евангелие теперь снова и снова мучительно раскрывается на одной и той же странице? «Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. И тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел?» (Мф. 26: 48-50).

— Катя, Катюша! — будил жену. — Этот поцелуй... Я ясно вижу, как Дегаев дружески целует Веру Фигнер, а потом... Поди ж, и с Судейкиным лобзался. Но я не об этом. Зачем, почему Иуда именно поцеловал Христа?

— Чтобы указать на Него стражникам, пришедшим взять, арестовать, — сонно шурилась жена. — Спи. Сашуру разбудим. Опять жаловался на головку..

— Указать можно проще, рукой, — не унимался Лев. — Тут другое, другое! Поцелуй... Я понял: предатель выражает почтение царю, который скоро победит врагов. Обязательно победит — Иуда Искарот уверен в этом...

Тема предательства — она вдруг овладела им помимо воли; саднила сердце, скребла душу. Евангелие властно уводило в далекие события, отголосок которых во множестве повторяется на земле.

Вот бывший сподвижник Дриго, и он был вор, обокравший доверчивого революционера-миллионщика Лизогуба. А Иуда — казначей апостольской общины, и тоже вор, запускающий сребролюбивую руку в кассу-ящик. Краденые деньги прятал в укромном месте. Но их, конечно, мало: лучше денег — только большие деньги. Кто их может дать? Лишь Христос, который придет к власти и сделает Израиль самой сильной и богатой страной на земле. Тогда и Иуда займет хлебную должность царского казначея. Да-да, на земле... А Спаситель все повторяет и повторяет им, ученикам: Царство Мое не от мира сего. Но их трудно переубедить. Они уже прикидывают, кто какую должность займет у будущего трона...

— Напишите, Лев Александрович, для начала барону фон Плеве, — советовал Рачковский, бросая быстрые испытующие взгляды на Тихомирова. — Объясните все как есть...

Начал писать прошение товарищу министра, но беспокоящие мысли возвращали снова к предательству.

Все просто, мудро: Иуда жаждет стать казначеем самого Мессии, дабы не ящик с пожертвованиями носить, а распоряжаться всеми деньгами Израиля. Что там — тридцать серебряников? Мелочь. Потому-то он после легко вернул их первосвященникам. Конечно, конечно, именно так! А несчастный Дегаев? С его болезненной исключительностью, воспитанной в салоне маменьки... Захотелось править всей подпольной Россией? И не только. Шею сломал. Жив ли? Как все повторится...

А Иуда удавился. Ибо рухнули мечты. Он ведь знал о силе Христа, видел воскрешение мертвых, исцеление болящих; и буря повинется, и злые духи... Что уж там какие-то римские легионы? От одного слова развеются в пух и прах. Но Мессия, и это Иуда тоже знал, все время уклоняется от прямого столкновения с первосвященниками, Пилатом. Значит, нужно сделать так, чтобы Христос вступил в открытую борьбу с властью. Предатель уверен: Мессия победит. Об этом нашептывал ему сатана.

Тихомиров задыхался от нахлынувших переживаний. С зачитанным, стиснутым побелевшими пальцами Евангелием он подходил к открытому окну. За ночным окном немолчно шумела от ветра черная тоскливая листва.

А дальше, дальше... Дьявол обещал ослепшему от сребролюбия Иуде: соблазнившись земным царством, Христос, ясное дело, откажется от Крестного Подвига. И это было на руку изменнику. Но не вышло. И злой дух остался ни с чем. Иуда тоже. Спаситель осужден на смерть. Изменник понял, что натворил. Но главное — он лишился несметного богатства. И оплакивал он, конечно, несостоявшуюся должность царского казначея. И не пережил такую потерю. А покаяние? Да разве Иуда способен на настоящее покаяние?

«Милостивый государь, Вячеслав Константинович! Получение письма от меня, быть может, удивит вас... Если мы отбросим все наговоры, неточности, остается все-таки факт, что в течение многих лет я был одним из главных вожakov революционной партии, и за эти годы, — сознаюсь откровенно, — сделал для ниспровержения существующего правительственного строя все, что только было в моих силах...»

Хорошо, а он, Лев Тихомиров... Глубоко ли его покаяние? И разве он никогда не предавал Христа своими грехами? Как же, и много раз. И теперь — какое-то странное искушение: величавая красавица Новикова, приехав из Лондона, доверительно шепнула: дескать, место преданного стража импе-

рии Михаила Каткова по-прежнему свободно; стоило бы подумать, чтобы ему, Тихомирову, со временем занять его. Дерзко? Да. Он, вчерашний революционер, и мечтать об этом не смел. Но суетливо-сладкая, каверзная мыслишка — честолюбца, признанного лидера — растревожила его не на шутку. Тем более, влиятельная Ольга Алексеевна, немало сделавшая для укрепления русско-английских отношений, уже замолвила словечко в правительственных кругах.

Но тут к Тихомировым пришли — отбирать печку.

— Не отдам! — сказала Катя.

Это была подвижная печь инженера Шуберского — небольшая чугунок, в которой стирало все, быстро наполняя комнату устойчивым теплом. Уже зарядили дожди. Приближалась осень. Хорошо, что запаслись углем, иначе просто бы заболели от сырости и холода. Подтапливали каждый день. Боялись за неокрепшего еще Сашу — уж ему-то, бедному, мерзнуть совсем нельзя.

И вдруг...

Явились Симоновские, Маша Оловенникова с Кравчинским (неужто специально из Лондона прикатил, в качестве грубой силы?), почему-то Вера Засулич, еще какой-то крижистый юноша с неряшливой бородкой.

— Это наша печь. Верните! — мрачно выдавил, явно смущаясь, Симоновский.

Накануне Лев заложил часы, за которые ему дали семь франков. Теперь семья могла пообедать — с куриной лапшой, дорогой ветчиной и фруктами (для сына) на десерт. А засим, горько усмехался про себя, — яко наг, яко благ, яко нет ничего...

— Неплохое меню для... Для почитателя твердой власти? — не удержалась Оловенникова. — Константин, — повернулась она к юноше, — забирайте чугунок!

Кравчинский молча рассматривал книжную полку; нашел стопку брошюр «Почему я перестал быть революционером», брезгливо вытянул одну, стал листать, вымучивая зевоту. Константин, медвежовато играя плечами, начал отрывать от печки трубу.

— Репрессии по рецепту Лаврова? — усмехнулся Тихомиров. — Наказание изменников? Холодом.

— Не отдам, — снова сказала Катя.

Но бородатый юноша уже тащил печку к двери. Саша испуганно смотрел на него.

Катюша с какой-то кошачьей пружинистой ловкостью нырнула в соседнюю комнату и через пару секунд выскочила обратно. Лев никогда не видел у жены такого лица: оно было нездешним, страшным, со жгучими буравчиками оста-

новившихся глаз. Катя подняла опущенную руку, и все увидели револьвер. Да, это был старый «бульдог» Тихомирова.

— Не отдам! У меня сын... Буду стрелять!

— Катюша, что ты? Мы же подруги... — сразу утратила барский лоск «вспышкопускательница» Оловенникова.

Кравчинский зевнул и выронил брошюру. Юноша, побагровев набрякшим лицом, держал печь, не решаясь двинуться с места. Чета Симоновских пятилась к выходу.

— Тише, милая! Все хорошо. Тише... — обнял сзади жену Тихомиров. — Пусть забирают. Мне обещали. Мне дадут...

— Буду стрелять, — уже не так уверенно сказала Катя.

Лев уговаривал, гладил руки жены, пока ее пальцы не ослабли, и револьвер не оказался в его руках.

— Буду..

Она зарыдала. Саша кинулся, прижался к матери.

Народовольцы, не прощаясь, потянулись к двери. Могучий Константин уносил печь. Ему помогал Кравчинский.

На пороге Оловенникова остановилась, бросила на тумбочку мятый журнал. Лев узнал: монархический «Русский вестник», бывшее детище Каткова. Маша надменно повела плечиками:

— Прочти, что пишут те, кому ты собрался служить...

Дверь хлопнула. Он схватил журнал, почти убежал к себе. Нашел: «Повинная террориста». Строки ударили в глаза ослепительно-раскаленным бисером: «В награду за покаяние такого содержания, такой формы и по таким поводам общественная совесть не задумалась бы отправить злодея на виселицу... Зверские инстинкты этого нравственного урода стяжали ему прозвище «Тигрыч»...

Тихомиров качнулся: разве он ожидал такого? Хорошо, а чего он хотел? А с другой стороны выходило: его покаянное письмо товарищу министра внутренних дел фон Плеве сделалось достояние гласности, пошло, как говорится, в народ...

Так, а далее: «С таким нравственным закалом, с таким позорным прошлым этот бывший атаман шайки политических убийц наблюдает теперь на берегах Сены действия своих бывших единомышленников и собирается служить России какую-то созидательной работой. В своей наглости он даже дает советы правительству и обществу...»

Павловский обещал раздобыть другую печку, да что-то, видимо, не получалось. К счастью, распогодилось, и ясные дни радовали последним теплом.

Принесли записку от Лаврова: «Если вы переменялись, то почему хотя бы не промолчали? К чему эта публичность, заявление, брошюра?»

Ответил: «Привык говорить о своих убеждениях открыто и внятно. Простите...»

А из Петербурга, от фон Плеве — ничего; ни слова, ни пол-слова. Но Лев Александрович уже знал — все через ту же Новикову, — что барон давно прочел не только его письмо, но и брошюру. Отчего же нет ответа? Пусть и самого плохого. Лишь бы закончилась изматывающая неизвестность...

У курьера было самое простое лицо, даже чуть сонное. И как же он не уснул по пути, как довез такую бумагу?!

«Париж, 6 сентября 1888 г. Господина Тихомирова просят пожаловать...»

Надо же: просят! Не приказывают, не вызывают — просят... Куда же, куда?

«...в кабинет русского генерального консула... чтобы...»

Курьер стоял истуканом, равнодушно взирая на взъерошенного человека с повесткой в прыгающих руках. Не уходит, чего-то ждет? Тихомиров догадался, сунул чаевые.

«...чтобы переговорить... с представителем министра внутренних дел Империи».

Катюша провожала мужа, как в дальнюю дорогу. По привычке сунула в карман револьвер. И тут же смущенно всплеснула руками, вытащила обратно: какое уж оружие...

— У меня поручение от барона фон Плеве, — буднично произнес консул Карцев. — Вячеслав Константинович, ознакомившись с вашим письмом, просил меня передать: вы должны подать прошение на Высочайшее имя.

— Когда же? — спросил, чтобы проверить, есть ли у него голос.

— Следует поспешить, — тем же тоном ответил консул. И неожиданно потеплел глазами: — За вас хлопочут. В английских и французских газетах напечатаны статьи в вашу защиту.

«Это Новикова, конечно, она. Добрый ангел! Только Катюша порой смотрит ревниво...»

— А в русских газетах бранят.

— Ничего, перемелется. Пишите Царю...

Он писал это прошение почти неделю. И всю неделю не выходил из квартиры. Саша капризничал, словно чувствовал, что творится с отцом. Лез в его комнату, просил починить деревянную лошадку. Катя насильно забирала мальчика, а Тихомиров, срываясь, кричал вслед, чтобы больше не смели показывать отвратительную игрушку, которая мастью напоминает страшного жеребца Варвара, послужившего кровавым революционным делом.

«Государь всемилостивейший!» — надрывалось сердце в мольбе.

Он писал, и перед ним проходила вся его жизнь, охваченная революционной горячкой, жизнь человека, «утратившего сознание исторических прав и обязанностей». Себя не щадил, не таил ничего.

«Таким путем я пришел к пониманию власти и благородства наших исторических судеб, совместивших духовную свободу с незыблемым авторитетом власти, поднятой превыше всяких алчных стремлений честолюбцев. Я понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое незаменимое орудие его благосостояния и совершенствования составляет Верховная Власть, с веками укрепленным авторитетом. И горькое раскаяние овладело мною...»

Писал, понимая, что нет прощения, и все же взывал к милости, умоляя отпустить «бесчисленные вины», позволить вернуться в Россию. А еще просил узаконить его брак и признать детей, безвинных жертв его ошибок и преступлений. Одного желал бы: изгладить из сердца тяжкий кошмар безумного прошлого.

Опять потянулись томительные дни. Прошло два месяца, но ответа от Государя не было. И это промедление, похоже, сулило отказ. Что ж, если Царь не считает возможным его простить, то получается, что он, Тихомиров, подлежит наказанию. Признавая себя подданным (а в прощении — так!), он не вправе не подчиниться Высочайшей воле. Остается одно: пусть везут в Россию, пусть арестовывают. А семья? Сашурка, полюбивший русскую церковь, русские калачи? Хорошо, нужно просить, чтобы и им позволили вернуться; поедут к матери в Новороссийск, а он... А его — под замок в одиночку Алексеевского равелина, на вечную карийскую каторгу? Или, как нынче принято, в Шлиссельбург? А скорее и того проще: приговорят, да и вздернут под барабанную дробь с серым мешком на голове.

Решил: еще неделя, и сам пойдет в консульство — сдаваться.

...Александр III снова перечитал последние строки тихомировского прощения. Подошел к окну, всматриваясь в зеленовато-бурую толчею волн на осенней, продутой зябкими ветрами Неве. «Воистину, безумная жизнь...», — проговорил как бы про себя.

— Как Вы сказали, Ваше Императорское Величество? — приосанился явившийся во Дворец с докладом министр внутренних дел граф Толстой.

Государь не ответил. Тяжелым шагом вернулся к столу, положил мощную ладонь на прозрачную крышку резной шкатулки — той самой, в которой семь лет хранил память о

страшном дне, когда бомба народовольцев убила его отца, Александра II: опаленные взрывом куски кареты, осколки мутного стекла, клочки серо-голубого шинельного сукна с застарелыми пятнами крови. Хранил в Гатчине, теперь в Зимнем...

Царь раскрыл шкатулку, провел дрогнувшими пальцами по лоскуткам и щепкам, впитавшим динамитный дух, горько вздохнул и снова повернул к окну потемневшее лицо. Толстой чувствовал, знал, какая борьба идет в августейшем сердце. И потому молчал, боясь суетным словом нарушить почти священную тишину.

— «Прощайте, и прощены будете...» Так? — тяжело, медленно произнес Государь. — Что думаешь, Толстой?

— Иные горячие головы предлагают повесить злодея, — осторожно начал граф. — Их, считаю, следует остудить. Покаянное прошение Тихомирова, его книжка — тоже бомба, да только идейная. Подложить ее под революцию — разнесет в пух и прах!

— Правильно. Поступок предводителя «Народной Воли» — утешительный факт. Подготовь ему ответ и представь мне. Отталкивать Тихомирова не следует, он может нам пригодиться...

10 ноября Государь утвердил доклад министра внутренних дел: «...полное помилование Л. Тихомирова, с тем чтобы по возвращении в Отечество он был водворен в определенную местность под надзор полиции сроком на 5 лет».

Определенная местность — это Новороссийск.

...— Сашурка, милый, отчего не спишь? — встревожился Тихомиров, глянув на часы: еще и 6 утра не было, а сын поднялся и в ночной рубашке уже пробрался к нему в кабинет.

— Головка болела. Только не сильно...

Как ножом по сердцу.

Бросил писать дневник, прижал Сашу к себе, покрывая поцелуями мягкие русые вихры, жадно втягивая дрогнувшими ноздрями родной, неповторимый детский запах.

— А теперь — полегче? — спросил с деланной бодростью.

— Да, папуся, — утешил привыкший к страданиям мальчик. — Нас простили? Мы скоро поедem домой?

— Скоро. Нынче только схожу к одному важному господину. Он — консул, даже генеральный.

— На поезде поедem, с окошками? А впереди — паровоз, да? С такой трубой, с длинной...

— Да, Сашурка, во-о-от с такой трубой! — показал руками размеры трубы; шагнул к печке (Павловский добыл целых две!), кинул угля в раскаленный малиновый зев.

— Ур-а! Те... Те-перь на-чи-на-ю-ю-ю но... но-ву-ю жи... жи-знь, — по складам, нараспев читал сын в дневнике только что написанные строки. — Ой, папа, ты говорил, что нехорошо читать чужое, да? — спохватился, смущенно пряча лицо в ладони.

— Ничего, сегодня можно. Слушай: «Нужно лишь стараться, чтобы эта новая жизнь загладила все глупости и грехи прошлого. Устал, нет мочи... Завтра куча писем во все концы...»

Саша строго и серьезно смотрел ему в глаза.

В девять утра Тихомиров был уже у консула. Карцев поздравил его с приветливой улыбкой. И тут словно кто-то дернул бывшего революционера за язык — рассиропился, отогрелся за чаем, осмелел:

— Хочу написать Дурново. Мои обстоятельства требуют, чтобы я выехал в Россию не раньше весны.

От дерзости этой Карцев даже из-за стола вскочил.

— Да как же можно, Лев Александрович? Вас же всемилоштивейше... И ждут. А вы... Что за капризы? Отправитесь тотчас же после Рождества. Один. Семья выедет позднее, когда будут выправлены бумаги...

Тихомиров уезжал сырым январским утром. На вокзале его провожали только свои — Катя и Саша; никаких друзей больше в Париже не было. К Тигрычу, к великану сумрака — столько бы набежало! Но Тигрыч давно исчез, растворился в зимней дымке Ла-Ренси, переулков Монруж или Пор-Рояль, — это уж как кому нравится.

А Петербург... У него чуть было не разорвалась грудь, когда он вдохнул знакомый, студено-волглый невский воздух. В столице туманно и звонко куржавились серебром крещенские морозы. Конки скрипели ледяным железом, кареты пронесились с заиндевевшими окошками, раскрасневшиеся лихачи в толстых синих кафтанах срывали сосульки с усов, над спешащими толпами висел пар, и такой же теплый пар валил из-под дверей кухмистерских и трактиров.

Здесь не осталось дома, где бы его ждали, и Тихомиров с вокзала поехал в «Большую Северную Гостиницу». Смутная тревога не покидала ни на минуту. Со стороны казалось, что он куда-то спешил.

Лакей принес в номер чаю; обжигаясь, Лев наскоро выпил его, и снова надел пальто — парижское, не слишком-то пригодное для русской зимы. Торопливые ноги сами вынесли его на улицу: «Да-да, я должен... Сейчас же... Скорее, туда...»

— Извозчик! — крикнул срывающимся голосом.

Он вышел у Петропавловской крепости, но не для того, чтобы найти окно каземата, где сидел, и предаться воспоминаниям. Лев не хотел этих воспоминаний, он вычеркнул их.

Теперь, оскальзываясь на снежной дорожке, он поспешно шел к Петропавловскому собору. Открыл тяжелую дверь, шагнул в каменный полумрак. Здесь была царская Усыпальница. Тихомиров, сдерживая дыхание, двинулся между белых мраморных надгробий — к одному-единственному, темному, сделанному из зеленой алтайской яшмы. Именно — из яшмы: он давно знал об этом из газет.

Еще немного. Кажется, здесь...

Прочел: «Александр II Николаевич (1818 — 1881), император».

— Простите меня, Ваше Величество, — вышептали сведенные стужей губы. — Я виноват. Крепко виноват... Вот пришел поклониться.

Повинуясь охваченному тоской сердцу, он встал на колени перед надгробием, просительно положил ладонь на холодную плиту, под которой лежал тот, кого они убили. Да, не он, Тихомиров, бросил бомбу, но он и не остановил метальщиков в то Прощеное воскресенье.

— Худо вам, человек милый? — пожилой служитель тронул его за плечо.

— Да, то есть, нет... Ничего. Ничего... Мне надо...

— А-а-а... Ну, коли надо, то и ладно. Побудь, побудь... — деликатно зашелестел валенками, удаляясь, старик.

В Департамент полиции он прибыл, когда ранние петербургские сумерки уже зажгли первые газовые фонари. Директор Дурново принял его без проволочек. Разговор затянулся до глубокой ночи. Петр Николаевич призывал Тихомирова все силы бросить на борьбу с крамолой через официальную русскую печать. Необходимо в пух и прах разбить оставшихся нигилистов, сорвать с них маски. Разумеется, от раскаявшегося идеолога партии полиция ждет и некоторых услуг: положим, неплохо бы узнать — конечно же, по возможности — адреса, имена, клички оставшихся на свободе народовольцев, местоположение тайников и подпольных типографий, пути распространения нелегальной литературы и прочее, прочее.

— Что с вами? — поднял брови Дурново, видя, как зеленеет лицо Тихомирова.

— Никогда! Слышите, никогда я не выдам бывших товарищей! — почти закричал Лев. — Я не назову ни одной явки, ни одной фамилии. Я могу призвать их сложить оружие и послужить России, но... Уж лучше опять в крепость или...

— Полноте, Лев Александрович! — добродушно улыбнулся директор Департамента полиции. — Я лишь хотел, чтобы скорее развеялось недоверие к вам. Лично я ценю вашу ис-

кренность. Но есть в высших кругах и такие, кто настороженно относится к вашему.. Скажем, преображению. Даже сам Победоносцев...

— Боже мой! Это ужасно! — сжал виски Тихомиров. — Неужели люди русской истории, русского Царя не могут себе представить, что их дело, их идеи могут кого-нибудь искренне привлечь? Неужели они так уверены, что по совести можно сделаться только революционером?

— Да что вы такое говорите? Я бы вам...

— А знаете, Петр Николаевич, я ведь так и остался довольтцем, — словно бы не услышал его Лев.

— Вот как? — насторожился Дурново. — Но что за эпатаж?

— Да. Только я одно понял: истинная воля народа не в постоянном зуде социального переустройства, а в жизни согласно традиционным для России религиозности и нравственным идеалам Православия. Простите...

Он откланялся. Спешил в гостиницу: ждал от Кати телеграмму с датой выезда из Парижа в Россию. Но телеграммы не было. «А если что-то случилось? Все эти бывшие соратники... И Катюша с ними один на один. А вдруг Саша нездоров?..» — терялся Тихомиров в догадках.

Глава тридцать вторая

В один из ноябрьский дней 1918 года по Фуркасовскому переулку в сторону Большой Лубянки, семеня ногами в разношенных ботах, торопливо шла старушка, к слову сказать, очень знаменитая старушка — Вера Ивановна Засулич. До этого она долго спускалась по крутой лестнице с мансарды, где под самой крышей теперь занимала крохотную комнату; новая власть сперва уплотнила легендарную революционерку, поселив по соседству в ее просторной квартире каких-то ответственных комиссаров, а затем и вовсе переместила первую террористку к самому чердаку, повыше, совсем высоко.

И теперь из холодной каморки уважаемой Вере Ивановне было видно все. Перед ее слезящимися глазами наконец-то распахнулась справедливая жизнь, во имя которой она стреляла в генерала Трепова, бежала за границу, во имя которой погибали ее товарищи из «Народной Воли», взрывались бомбы и разбрасывались прокламации, а Плеханов создавал в Женеве марксистскую группу «Освобождение труда». И так упрямо создавал, что и основоположника не слышал, предостерегающего: не годится, мол, мое учение для России...

Но не просто спешила Засулич. Случайно проболтался один из соседей-комиссаров: ВЧК готовит массовые арес-

ты, и уже приказ отдан — взять в Сергиевом Посаде известного Тихомирова, подлого приспешника царизма. «Шлепнут, поди, старого контрика. Сколько он и вам крови попортил, а?» — бросил на ходу комиссар, вполне довольный новым жильем.

Вот и двери ВЧК — тяжелые; хорошо, какой-то солдатик помог. На пути — часовой. «Я — Засулич! Меня ждет товарищ Дзержинский!» — соврала старушка. Парень на политзанятиях слышал фамилию революционерки. Пока он соображал, Вера Ивановна уже семенила по коридору. Еще часовой, и еще.

До чего же просто было попасть в кабинет к градоначальнику Трепову! Хоть каждый день с револьверами являйся. А тут..

Прошла старая террористка, пробилась. В приемной главного чекиста она сразу рванулась к нужной двери, но в этот момент барышня из буфета как раз вносила в кабинет поднос с чаем. Избежать столкновения не удалось: барышня вскрикнула, стаканы с сахарницей полетели на ковер. Давя ботами хрумкие сладкие куски, Засулич влетела к Феликсу Эдмундовичу.

— Вы не смеете! Не смеете! — бросила на стол потрепанный ридикюль.

— Кто вы? Кто пустил? — нахмурился было хозяин кабинета, но тут же заулыбался — кислогато, точно зубы болели: — Вера Ивановна? Верить ли? Живая легенда революции... Что случилось?

— Мне известно... Впрочем, неважно. Я знаю: вы хотите арестовать и расстрелять Тихомирова. Это недопустимо, потому что...

— Кто сказал? — поджал тонкие губы Дзержинский: на лицо утечка сведений, и это плохо. — И почему сразу — расстрелять?

— Ясное дело, — двинула выпирающим подбородком старушка. — Я помню, еще не выжила из ума: там, где пролетариат применил массовый террор, там мы не встречаем предательства... Но он не предатель!

— Неужели?

— Да, он отошел, он отвернулся. Но он никого не выдал. Ни одного имени не назвал. Тихомиров поступил благородно.

— Интересно, интересно... — прищурился грозный председатель ВЧК.

— А посему я прошу, умоляю, я требую: не трогайте Льва!

Удивительно: не тронули. В Сергиев Посад так и не приехала машина с чекистами. Тихомиров делал наброски эсхатологической повести «В последние дни» и ждал ареста. Но ареста не было. Конечно, он и подумать не мог, кто за него вступился...

Наконец-то отозвалась письмом Катюша: у Сашурки был круп — всякая хвороба цепляется к ослабленному ребенку! — но теперь, слава Богу, он вполне поправился, и они ждут теплых дней, чтобы пуститься в дорогу. Почему раньше не сообщила? Не хотела его волновать; ведь известно, как Лев сходит с ума, если сыну нездоровится...

А Петербург по полицейскому предписанию Тихомирову пора было оставлять. Даже Дурново ничего не мог пока сделать.

Уезжал Лев Александрович шумно. На вокзале вскрыли багаж и ужаснулись: из ящиков посыпались сплошь революционные издания, запрещенные в Империи. Ну, хоть бы одна нормальная книжка... Попытался объяснить: это, мол, для литературной работы. Но сметливые филеры, дошлые в розысках, перемигнулись и ловко скрутили бывшего Тигрыча. Тычков под ребра он не помнил, но помнил враз охватившую его тюремную тоску, как оказалось, не совсем покинувшую измученное сердце.

Столичный градоначальник немедленно донес директору Департамента полиции. И получил нагоняй. «Отпустить! Извиниться. Багаж вернуть и впредь не задерживать!» — рявкнул Дурново.

Перед самым отъездом Петр Николаевич поддержал:

— Вашу брошюру «Почему я перестал быть революционером» прочел Государь. И весьма сочувственно отозвался. Это вселяет надежды. Пишите...

Но вот и Новороссийск, знакомый до мелочей дворик, мама в слезах и могила отца на старом кладбище, над которым все время посвистывает заблудившийся между небом и скалами ветер. И девочки, дочки его — Надя и Вера, бегущие к нему вдоль кромки пенистого моря; бегут, трогательно разбрасывая неловкие детские ноги, и вдруг замирают в нескольких шагах, смотрят нерешительно: а можно, дескать, обнять? а ты и вправду наш папа?

А вскоре и Сашурка кинулся взапуски со старшими сестрами: в мае они с Катей все же добрались до Новороссийска. Впереди — целое лето! И как все же славно быть снова не отверженцем, не отщепенцем, а русским. Ему всегда нужна была Россия, русская речь вокруг, русские люди, лица, горе, молитвы...

Одно беспокоило: сына надо было крестить, да Саша и сам хотел этого.

Ох, уж эта несуразная подпольная жизнь! Теперь она бьет и по ребенку. Ведь Лев венчался с Катей по подложному паспорту, где значилась вымышленная фамилия: Алещенко.

Побежал к полицмейстеру, затем к священнику. Пришлось отцу Михаилу, смущаясь, слать в столицу телеграмму — в Департамент полиции: «Прошу сообщить, Тихомиров и Алещенко одно ли лицо? Екатерина Сергеева жена ли его?» Участливый Дурново немедленно подтвердил: да, одно лицо; да, жена.

Но до чего дожил: даже имя свое потерял, и теперь с трудом возвращает его.

Записал в «памятной книжке»: «25 июня, воскресенье. В 6 часов вечера окрещен наш Сашура. Восприемники — Борис Дмитриевич Саблин, отставной поручик, инженер; восприемница (заочно) Ольга Алексеевна Новикова, а за нее присутствовала мама... Саша держал себя так умно, мило, так серьезно относился к св. таинству, что сердце радовалось... Слава Богу! Давно не было, и не помню такого счастливого дня, как сегодня...»

В Петербурге от Тихомирова по-прежнему ждали рецептов по искоренению революции. А он прислал статью для «Нового времени» — «Несколько замечаний на полемику с эмигрантами», где не просто возражал бывшим соратникам, но и рассуждал о православной монархии, о том, что к деспотизму может скатиться всякая форма власти, и демократия в особенности; писал о том, что тревожило в последние месяцы, — Россия еще далека от высшего фазиса монархического развития, что подлинное самодержавие — это творческая идея русского будущего. И работы тут невпроворот.

Публикация вызвала раздражение в правительственных кругах: не рано ли лезет вчерашний социалист-нелегал с советами по усовершенствованию государственности? Видите ли, идея у него: целую программу создать — положительных преобразований в России, дабы защитить, сберечь монархию от разрушительных замыслов радикалов-террористов. Пугает, пророчествует выскочка: революция только ошеломлена, но может воскреснуть хуже прежнего, если не воспользоваться 5—6 годами затишья...

Тогда Тихомиров пишет знаменитый «Очередной вопрос», напечатанный в «Московских ведомостях». И это была новая бомба, грохнувшая не так громко, как покаянная брошюра, но все же потрясшая консерваторов, привлекая внимание к имени автора.

Он говорил о почве, из которой вырастает чертополох революции. И почва эта осталась нетронутой: мало одних репрессий. С болью сердечной писал о молодежи, сбиваемой с толку духом «отрицания и сомнения», и предлагал — наступать, наступать! Нигилисты ведут агитацию, а у монархис-

тов должна быть своя агитация, русская, национальная, и не менее живая, горячая. Книги, доступные библиотеки, лекции благонамеренных профессоров... Да мало ли чего!

Упрекал консерваторов, стоявших у трона (не боясь: что значит — из отчаянных нелегалов!): мало делаете, господа, для противостояния революции и либерализму, вяло пропагандируете величие монархической идеи. Выходит, сами повинны в успехах социалистов. Пускай и косвенно.

И — началось: телеграммы, письма.

«Вас хотел бы видеть обер-прокурор Священного Синода Победоносцев...», «Директор департамента полиции Дурново с удовольствием прочел публикацию...», «Влиятельные лица ходатайствуют перед Государем о Вашем освобождении от гласного надзора полиции...»

Свершилось: в июле 1890-го Царь помиловал его. Тихомирову разрешалось жить в любом городе Империи.

К ликованию Саши они теперь вместе ехали в поезде с буфетом, где продавались золотистые калачи, печатные пряники, и вагоны весело тянул паровоз с длинной пыхтящей трубой.

Все ближе был Петербург, и все беспокойнее колотилось и ныло сердце: что-то ждет их, припавших к окнам, впереди?

А в столице — встречи, встречи...

На Литейный он приехал точно к назначенному часу. Легко нашел нужный дом, взбежал по лестнице. Лакей со строгой почтительностью распахнул перед Тихомировым дверь.

За окном сиял редким питерским солнцем августовский день, а в просторном кабинете царил полумрак, и из этого полумрака шагнул к нему навстречу худощавый, как юноша, человек — весь в темном, но со светлыми высоким челом, с пристальными умными глазами, вопрошающе улыбающийся за стеклами умными круглых очков. И какая-то настороженность и всезнающая печаль была в этом взгляде. И еще что-то было, но тут уж додумать Лев Александрович не успел, только мелькнуло: вот он какой, Победоносцев, обер-прокурор Священного Синода...

— Читал вас. Немало душеполезного извлек, — суховато начал хозяин кабинета. — Да только к князю Мещерскому не ходите. Ведь он звал вас в свой «Гражданин»?

— Звал, — поперхнулся чаем Тихомиров: откуда только известно? — Но почему же? Князь монархист, устои охраняет. Его газета...

— Да газета его — сброд чего угодно. Без идеи, без убеждения. Лавка битой посуды, выдаваемой с важностью за первый сорт! О России рассуждает...

Обер-прокурор отодвинул стакан, поднялся и мерно, бесшумно заходил от стены к стене.

— Что они о России знают! Россия... — почти выкрикнул, исторгая боль: — Да это же ледяная пустыня, и по ней ходит лихой человек! Понимаете?

Вздрыгнул: неужели прав Леонтьев, с которым наконец-то познакомились. Только руки пожали, приглядеться не успели, а тот сразу о Победоносцеве: вот, дескать, полезный человек, но как? Он точно мороз — препятствует гниению, но расти при нем ничего не будет. Не только не творец, но даже не реакционер, не восстановитель, не реставратор, он только консерватор в самом тесном смысле слова. «Мороз, я говорю, сторож, бездушная гробница, старая «невинная» девушка, и больше ничего!»

Но что же делать, чтобы росло? Где она — «цветущая сложность?» Творческая идея русского будущего?

— Я сам москвич, а Петербурга не люблю. Живу тут словно в гостинице, на вокзале, — опять сел рядом Победоносцев. — Холодно, бесприютно.

«Вот откуда — пугающая ледяная пустыня!»

— Переезжайте-ка в Москву. В «Московские ведомости» поступите. Я дам рекомендации... Это вам ближе. Там был Катков, теперь Петровский. Но Петровский и в подметки не годится своему предшественнику..

Снова двинулся — взад-вперед: телом невесомо-легкий, а ход тяжелый, усталый; шаг изработавшегося человека, верящего в свои многотрудные дела, но и в печалях надсаженного сердца осознающего их тщету; смиренно понимающего: мы проиграем, но бороться надо, потому что все равно победит Христос.

— Вы, Лев Александрович, в бездну нигилизма заглянули и отпрянули, — остановился над Тихомировым. — И парламент европейский видели. Вот уж орудие всякой неправды, источник интриг. Согласны?

И, не дожидаясь ответа, заговорил, торопя горячие, давно обдуманые слова. О том, что при демократии правителями становятся ловкие подбиратели голосов, со своими сторонниками, механики, искусно орудующие закулисными пружинами, и пружины эти приводят в движение кукол на арене выборов. Ах, уж этот парламент — самообольщение ума человеческого! Вахханалия тщеславия и личных интересов. И это выборное начало... Но кто по натуре своей способен к бескорыстному служению общественной пользе в сознании долга, — да разве он пойдет заискивать голоса, разве станет воспевать хвалу самому себе (это ж психиатрия! Ломброзо!) на выборных

собраниях, нанизывая громкие и пошлые фразы. Лучшим людям противна выборная процедура. От нее не отворачиваются лишь своекорыстные, эгоистические натуры...

А ведь прав он, тысячу раз прав! И еще наше многоплеменное государство, в котором все порывы эгоизма и раздражения в силах устранять только неограниченная монархия. Демократия не справится, нет; инстинкты национализма — вот разьедающий элемент, и он ослабит и со временем разнесет страну. Многие ли понимают это?

...Зимней ночью под законный шелест метели в гостинице «Виктория», что на Страстном бульваре, сидели и беседовали два человека — Лев Тихомиров и Константин Леонтьев, который жил теперь в Оптиной пустыни, но, наезжая в Москву, всегда останавливался в этом номере.

А Леонтьев — он из тех, у кого ангел и черт вечно сцепившись в отчаянной борьбе. Но у него этот ангел не изгнан, не уступает. Вот, вот: не уступает, нет!

В молодости пылкой на острове Крит ударил французского консула — хлыстом по лицу: оскорблял Россию. Это он, уже больной и хилый, в жутковатом прозрении предсказывал коммунистическую революцию. И еще предвидел всеобщую войну. Надеялся на эпоху Александра III и жил предчувствием катастрофического темпа истории.

Голоса в номере звучали глухо, негромко.

— Общество? Тайное? — поднял седые брови Леонтьев.

— Именно! Мы должны создать подпольную организацию, — завращал вспыхнувшими глазами Тихомиров. — Я же старый заговорщик, с опытом, — горько улыбнулся.

— Да неужто за прежнее взялись? Мало вам? — ахнул Константин Николаевич.

Прежнее, не прежнее, да только знал бывший Тигрыч, о чем говорил.

Он уже хорошо понимал, чувствовал, до боли сердечной чувствовал: над монархией, над самым божественным, самым человеческим способом правления, нависла смертельная опасность, и опасность эту пока не все видят — даже и те, кто верен престолу. Выходит, нужна, немедленно требуется организация консервативных сил — для борьбы за утверждение истинных идеалов самодержавия и православия, для жесткой схватки с революционерами и либералами. Увы, консерваторы старой закалки пока в полном разброде, а новые еще недостаточно определились, чтобы слиться воедино.

Чуткий Леонтьев, подумав, поддержал Тихомирова.

Конечно, действовать следует без правительства; его помощь скорее вредна, чем полезна, поскольку власть — и го-

сударственная, и церковная — не дает свободы, навязывает казенные рамки. И поэтому нужно создать особое общество, которое бы повсюду поддерживало людей монархического образа мыслей — в газетах, на службе, в частной деятельности, выдвигая самых способных и энергичных. И этот маленький круг националистов должен быть нелегальным.

— Как иезуитский орден? — посмеивался Леонтьев. — С двойным уставом?

— А почему бы и нет? — потирал руки Тихомиров, чувствуя себя в своей стихии. — Один для отвода глаз. И цели — самые банальные: научные, благотворительные. А другой тайный — с истинными задачами организации. И вид такой, что вроде и не кружок вовсе, а только-то — случайное единение знакомых между собой людей. Никаких протоколов, списков, никаких печатей. Предвижу трудности, но уверен, знаю: лишь нелегальное общество дает возможность сильного действия...

Кого пригласить в члены? Непременно Грингмута, Говоруку-Отрока (тоже из одумавшихся радикалов), Попова, Александра, возможно, Астафьева. Хорошо бы и Черняева: у него сильная работа «О русском самодержавии»; интересно, глубоко рассуждает о монархических убеждениях народа. О мистике, идеалах и поэзии царизма. Жаль только, что он в Харькове...

Теперь Тихомиров и Леонтьев встречались чаще. Говорили, спорили. Переписывались, когда Константин Николаевич уезжал в Оптину. Затеяли вместе сочинить брошюру — в развитие статьи «Социальные миражи современности», которую Тихомиров напечатал в «Русском обозрении». Предвидел, тревожился, убеждал: при коммунизме общество окажется еще более расслоенным, а социально-демократическая идея приведет к полному порабощению личности государством; и следующий шаг — деспотизм.

Так в православной Москве, в сильной самодержавной России, когда, казалось бы, революция отступила, рассеялась, когда Александр III мощной и умиряющей рукой вел страну вперед, да, именно тогда, в безмятежные и ясные дни, в монархической России создавался подпольный монархический кружок, призванный спасти царский престол, оживить его новым дыханием.

Но все рухнуло.

4 ноября 1891 года он получил короткое письмо от Леонтьева: «Простите, больше ни слова не скажу. Была лихорадка, ослабел, принял 12 граммов хинина. Теперь голова плоха». Через восемь дней Константин Николаевич скончался от инфлюэнцы.

Идея нелегальной организации умерла на корню.

А следом стали уходить другие — Петр Астафьев, Юрий Говоруха-Отрок...

И вот теперь Тихомиров стоял на ступенях Храма Христа Спасителя и смотрел на заполненную толпами площадь. Занкчивался май 1917-го. С Москва-реки тянуло теплой влагой, ласковый ветер играл красными, черными, еще какими-то знаменами; шел революционный митинг, из охрипших глоток вырывались лозунги, анархисты везли гроб, девицы повизгивали, когда их лапали пьяные солдаты и матросы — расхлябанно-расхлестанные, без погон и поясов, давно забывшие командирский пригляд и боевые атаки.

Рядом с Тихомировым стояли юноши — племянник Юрий и младший сын Николай, родившийся уже в России. Сын на три дня приехал из Петрограда, где служил в ротах электротехнического батальона и ждал скорого производства в прапорщики. На груди у будущего офицера краснел революционный бант. Узелок чуть развязался, и Тихомирову хотелось сказать Коле, чтобы он совсем снял этот раздражающе-нелепый лоскут; Лев Александрович уже и руку протянул к банту (ты же не такой, мальчик мой, не такой!), но осекся: сын смотрел на толпу почти восторженными глазами, оживленная улыбка играла на молодых губах. И от этого помертвело сердце — от неотвратимой беды, от скорбного предчувствия. Тихомиров понял: он уже не защитит Колю. Не спасет, не вытащит его всеми своими трудами из хмурого предзимнего утра 1920-го, которое еще не пришло, но уже надвигалось хрустом льда под сапогами нетрезвых расстрельщиков. Пуля убьет Николая сразу, а незнакомый штабс-капитан и сельский иерей будут стонать и их придется добивать штыками.

Красный бант горел на груди сына. Над мельканием разноцветных полотнищ, фуражек и нечесаных голов поднимались муть и накипь ворвавшейся в Россию революции.

Все худшие предсказания сбывались. А он писал, спорил, ошибался, терзался сомнениями — сколько времени ушло на это, сколько бумаги перевел! В одном сомнений не было: русское самодержавие родилось, крепло, развивалось вместе с рождением, укреплением и развитием русской нации; царская власть — это как бы воплощенная душа народа, отдавшего свои судьбы Божией воле. И еще знал он: демократия — разрушающий государство яд, и нет, кроме нее, ни одной формы правления, где бы воздействие народных желаний на текущие дела было бы так безнадежно пресечено. И если России суждено выжить, то нужно искать иных путей.

Он искал. Он находил.

Победоносцев то хвалил его статьи и книги, то ворчал. Сблизились со Столыпиным — тот прислушивался к тихомировским советам по рабочему вопросу. Но — умер обер-прокурор, убили премьер-министра.

«Монархическая государственность» вышла летом 1905 года. Великая книга тихо легла на полки. Только после революционной декабрьской встряски о ней вспомнили во дворцах и правительственных кабинетах. Поздно? Как знать, как знать...

Тихомиров грустил: его многолетний труд — эпитафия, надгробное слово на могиле некогда великого покойника — русского самодержавия. Впрочем, нет, не так. Он писал эту книгу уже не для современников. «Если пала корона, удержится ли фригийский колпак?» — вопрошал мглу бессонной ночи. Он, пробивая эту глухую мглу, тянулся к другим людям, к людям будущей новой породы, которые выстроят монархическую государственность на основе его идеальной конструкции. Потому что... Потому что гражданин Царства Небесного вначале должен стать гражданином царства земного. А настоящее самодержавие — дело грядущего, и его надо творить и творить.

В 1914 году он оставил пост главного редактора «Московских ведомостей». А до того — был удостоен Всемиловейшего пожалования: серебряной чернильницы фирмы Фабер-же с изображением герба Российской империи. Успел попросить Столыпина выхлопотать ему чин действительного статского советника, что позволяло облечься в белые панталоны с золотым галуном и форменное пальто на красной подкладке. И называться «ваше превосходительство»...

Галдел, рвал мехи гармошек, толкался революционный митинг. Тихомиров покосился на сына: стало стыдно за все эти пустяки — чины, панталоны...

Керенский — болтливый прохвост. Скоро придут люди покрупнее. Новые великаны сумрака?

А что же он, Лев Александрович Тихомиров? Что осталось ему? Мало, совсем мало. Он заканчивал свое жизненное странствие. По просьбе Фигнер, постаревшей «Верочки-топни-ножкой», большевики выделили ему паек — пуд и 12 фунтов муки, 16 фунтов гороха, 10 фунтов риса, 30 фунтов мяса, 4 фунта сахара, еще кое что.

При тусклом пламени свечки он завершал повесть «В последние дни». И погибали, бежали бесы, поражаемые небесными ратями. За окнами сергиево-посадского дома все было по-другому. Но он уже знал, что мирская тьма мнима, а свет — он есть, он победит, не рассеется...

Толпа все сильнее напирала на ступени Храма Христа Спасителя. Ораторы, сменяя друг друга, захлебывались в крике. Николай на мгновение оторвался от зрелища и взглянул на отца. Побелевшее лицо Льва Александровича было страшным.

Сын снял с груди красный бант и незаметно сунул в карман. В этот момент пьяные анархисты уронили свой черный гроб. Гроб упал на мостовую и рассыпался на куски.

Вместо эпилога

Вот и февраль. А у него два друга — метель да вьюга.

Метет в Подмоскovie, и в Ярославле, поди, задувает. И мне, дерзнувшему прикоснуться к этим судьбам, видится заснеженная Тугова гора, вырастающая сразу за Стрелкой, где Которосль впадает в Волгу. Мне видится старое кладбище на склонах и могила видится — с оградкой и памятником серого камня, о который с грустным шелестом трется усталая поземка, играет тихо лапами молодой елки, притулившейся справа от надгробия.

Туга — это печаль, скорбь. Лишь ближние улицы шумят, петляют суетно: Ямская, Базарная, Луговая...

«Господи, да будет воля Твоя!» — выбито сверху на камне. А внизу — тускнеющим золотом: «Епископ Тихон Тихомиров».

Здесь лежит старший сын бывших революционеров-народовольцев. Прежде его звали Сашей. Он родился в Париже.

В снежном мареве времени проступает улыбка кудрявого мальчика на деревянной лошадке; мальчик входит в русский храм на Дару, а после ест калач, хрустя золотистой коркой. И спрашивает, спрашивает отца: «Когда мы поедем домой?»

«Пора домой. Я отойду сегодня», — скажет он духовным чадам перед Прощеным воскресением в марте 1955 года. Благословит всех, попросит дать зажженную свечу и отойдет ко Господу.

Саша, Сашурка... Чудом исцелившийся от смертельной болезни, ребенком жил он под Богом. А после, приняв монашеский постриг, до последнего дыхания служил Ему, искупая бессонным молитвенным подвигом и постом отцовские грехи и заблуждения.

Москва, Сергиев Посад, монастыри — Кирилло-Белозерский, Иоанно-Предтеченский, Горицкий, Ферапонтов. Наконец, Нило-Сорская пустынь, ставшая оплотом противостояния обновленчеству...

Первый раз его арестовали в 1922 году, потом — в 1927-м. Архимандрит, епископ, ректор семинарии, настоятель обители, а в конце земного пути — мудрый старец, отзывчивый к людским скорбям подвижник благочестия, искусный духовный врач, исповедник.

Гонимый властями, жил в Ярославле скрытно, в потаенном затворе. После лагерей на коленях — сплошная рана: кожа стерлась от непрерывных молитв. Чуть подремлет сидя, и снова бодрствует. Трапезничал: смешает в стакане ржаные сухари, соленые грибы, чеснока немного — и все.

Говорили: когда владыка служил в храме — словно Небо спускалось на землю. А земля с его могилки исцеляет: разбирают люди, подсыпать приходится...

Видится все это сквозь зимние сполохи, и думаю я в сердечном сокрушении: отец был русским революционером; сын стал русским старцем. А старчество — особый вид святости.

Революционер и святой?

Только и выдохнешь: «Господи, да будет воля Твоя! Твои пути и судьбы неисповедимы...»

Сентябрь 2007 — февраль 2010

Основные книги Льва Тихомирова:

Воспоминания. М.-Л., 1927.

Критика демократии. М., 1997.

Монархическая государственность. М., 1998.

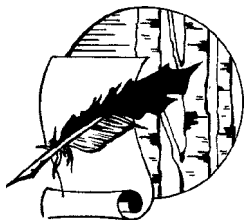
Религиозно-философские основы истории. М., 1998.

Апология веры и монархии. М., 1999.

Христианство и политика. М., 1999.

Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003.

В последние дни. Эсхатологическая фантазия. Роман. М., 2004.

Александр ХАРЧИКОВ

Александр Харчиков — известный бард, автор и исполнитель песен русского сопротивления, многократный победитель Конкурсов патриотической песни. Впервые его голос прозвучал на всю страну в передачах А. Невзорова «600 секунд». Но тексты его песен имеют и самостоятельное, поэтическое значение. Сегодня Александр Харчиков выступает в нашем журнале не как певец, а как поэт.

ПЕСНЯ БЕДЫ И НАДЕЖДЫ

ПЕХОТА

День и ночь, ночь и день опаленная стужей и зноем
По военным дорогам пехота идет на Берлин,
Фронтная судьба — испытание болью и боем
И еще — на виски прибавление ранних седин.

И на взятых высотах взвиваются красные флаги,
Обагренные кровью, прошедшие пламя и дым,
И плывут похоронки домой на казенной бумаге,
И последние письма несут почтальоны родным...

За могучим Днепром, за великою русскою Волгой
Наши братья легли, поменявшись смертями с врагом,
В поредевшем строю по велению сердца и долга
Все равно мы в Европу пробьемся огнем и штыком!

Наши павшие, вы, злого умысла в том не ищите,
Что не всех на ходу успевали мы вас схоронить;
Деревянных бушлатов не всем вам хватило, простите,
За себя и за вас мы сумеем фашиста добить!

И молчком, и стыдясь, и с проклятьями мы отступали,
Промесив сапогами пространство всеобщей беды,
И обратно дошли, доросли, доползли, добежали
И подняли с земли пограничные наши столбы!

Мы на Запад спешим, за плечами Россию оставив,
И не всем нам дожить и вернуться с победой назад,
Но невидимой птицей она над фронтами летает,
И за вспышками взрывов клубится далекий закат...

ПЕСНЯ БЕДЫ И НАДЕЖДЫ

По дорогам в пыли эту песню беды и надежды
Болью русской души я родимой земле пропою.
По дорожной пыли, по равнинам бескрайним, безбрежным,
Боже, дай донести ей тревожную песню мою.

Те ж над ней облака и под осень сырые туманы,
Те же в ней зеленеют весною леса и луга,
Но в могилах молчат, не выходят в поход партизаны,
Не кричит командир им: — «Ребята, громите врага!»

Ветер прошлых побед не полощет сегодняшних флагов,
И державная статья за бесценнок сдается внаем,
И сердца не горят беззаветной советской отвагой,
И все реже и тише мы песни родные поем.

И уже не таясь под личинами кумов и сватов,
Изуверы-шуты, лицедеи крутых перемен,
Взяли скипетр и трон, растащили казенное злато
И бесправным слепцам уготовили рыночный плен.

Глухо ропщет народ, облапошенный пятой колонной,
Черной тенью над ним распростерлась кровавая длань,
Межусобные воры страну разделили на зоны,
Новой, жадной орде переводится тяжкая дань.

Неужели голодным — пропасть, и за каждым забором
Хохотать и рыдать горькой пьяни, сошедшей с ума,
И нерусскую речь принимать белоснежным просторам,
Неужели у нас впереди лишь тюрьма и сума?!

Нет! Сквозь нашу Беду ясным светом забрезжит Надежда,
Жаром чистых сердец переможется стынь-тишина:
О лугах и лесах, о полях и равнинах безбрежных,
О родимой земле запоют и душа и струна!

Да! Мне хочется верить: как Феникс из пепла, воскреснет
Дорогая страна в пику смерти, назло всем врагам,

Вновь над ней полетят, словно лебеди, русские песни,
И чужие знамена повалятся к нашим ногам!

Если лопнет струна, эту песню беды и надежды
Я родимой земле болью русской души допою,
По дорогам в пыли, по просторам бескрайним, безбрежным
Дай мне, Бог, донести ей тревожную песню мою...

* * *

В суетливом метро пели флейта с гитарой:
Посреди перехода и подземного дня
Там незрячие двое сиротливо стояли
И невидящим взглядом провожали меня.

И старинная песня в полутьму уплывала,
И в делах и заботах мчалась мимо толпа,
Рокотала гитара и флейта роптала,
И ложилась на сердце густая тоска.

И в картонной коробке подаванием скудным
Мелочь смятых бумажек приютилась на дне,
Мельгешились слова в подземелии людном
И почти угасали в тоннельном окне.

К утомленному солнцу, к морю теплому звали
Двое бедных слепых от холодной стены
И так жалобно пели и так чисто играли,
И такую печалью песни были полны...

В переходе метро пели флейта с гитарой.
Голоса их тонули в чреве шумного дня,
Там незрячие двое сиротливо стояли
И невидящим взглядом прожигали меня...

БУДЬ РУССКИМ!

Когда Ярославич нас вывел на рать
С железной тевтонской свиньей,
Мы знали, что некуда нам отступать:
Все наше — за нашей спиной!
И стало спокойно, и сквозь эту тишь
Князь Невский, сверкнувши очами,
К дружине воззвал: «Бейся там, где стоишь,
Господние ангелы с нами!»

Все было у нас: быстрота, глазомер
И натиск могучий и скорый,
И русская удаль, и русский маневр,
И русский фельдмаршал Суворов.
Мы с ним покоряли крутой Измаил,
На снежные Альпы взбирались.
На наших условиях строился мир,
Покуда мы русскими звались.

Знамена, как тени, носились вокруг.
Орудия громом сверкали.
И руки бойцов, за редутом редут,
Французов в штыки принимали.
И Багратион — боевой генерал,
За НАШУ Москву умирая,
Племяннику юному тихо сказал:
«Будь Русским!... До смертного края!»

Мы насмерть — с приказом: «Ни шагу назад!»
Сражались в годину лихую
За НАШ Севастополь, за НАШ Ленинград,
За Родину НАШУ святую!
Мы — Русские Люди, у отчих могил
Врагов о пощаде не просим!
«Я — Русский!» — всегда о себе говорил
Стальной Император Иосиф!

Владимир ГРЕВЦЕВ

В минувшем году безвременно ушел из жизни талантливый русский поэт и беззаветный патриот Владимир Алексеевич Гревцев. Но его поэтический голос, его стихи и книги останутся с нами, наполняя сердца мужеством, надеждой и светом.

ТВОЯ ЗВЕЗДА

* * *

Люблю, Россия, твой мороз —
Безмолвный, звездный, вдохновенный,

Когда сияет во весь рост
Заснеженная ель Вселенной.

* * *

В тебе самом твоя звезда.
Одна — а больше и не надо.
Так в сумасбродстве листопада
Сквозит простора нагота.

Не знаю, как ее зовут —
Любовь, а может статья — совесть.
Но с ней идешь, не беспокоясь,
И в грязь, и на неправый суд.

В тебе самом твоя звезда.
Что́ перед нею звезды с неба —
Те, что ты жадно рвал и слепо,
Как волчьи ягоды с куста?

Ты забывал о ней порой,
Ты предавал ее, бывало.
Но подыматься сил хватало
Благодаря лишь ей одной.

В тебе самом твоя звезда.
Лишь оттого не пусто в круге —
Еще не все ушли подруги,
Не все потеряны друзья.

Она одна тебе не врёт.
И, дни прошедшие итожа,
Молись о том, чтоб жить ей дольше
Тебя — а не наоборот.

* * *

Валерию Хатюшину

Дети своей вдохновенной страны,
Вьюг ее, крови и света,
Мы изначально любовью больны.
Это и значит — поэты.

Между вселенских грохочущих бездн
С черными дырами злыми —
Русских племен, и времен, и небес
Выпало быть нам связными.

Грянет ли в выси труба журавля,
Женщина ль глянет тревожно...
Можно в Америках жить — не любя,
А на Руси — невозможно.

И, выходя на работу войны,
Отрешены и суровы,
Мы не злобой, а любовью больны —
То есть душою здоровы.

Смертным, нам грех себя в сече беречь
С нечистью, пусть и несметной,
Если откованы щит наш и меч
Русской любовью бессмертной.

Мы бесовщине не кажем спины,
Выйдя на ярое поле.
Русские — мы не любить не вольны.
Это и есть наша воля.

ПОРА СЕНОКОСА

Дух медовый тоски, но не тлена —
Крúгом, кругом идет голова...
Как ты пахнешь, подсохшее сено!
Так не пахнет живая трава.

Это скошенное разнотравье
Ветру душу свою отдает:
Каждый стебель пахнёт, умирая,
Будто лебедь предсмертно поет.

И с какою-то грустной силой
Сквозь цветение дней и минут
Годы детства, что время скосило,
Поздно понятым счастьем дохнут.

ОН БЫЛ ДОБРОДУШЕН...

Он был добродушен,
хотя и слегка неуклюж.
Решительно предпочитал
рыболовство охоте.
Жене своей был пусть ленивый,
но преданный муж —
Таким изменяют, зато от таких не уходят.

Не рвался к вершинам,
поскольку боялся упасть,
Культурно разгневан бывал
и прилично восторжен.
К нему применимо, конечно,
понятие «страсть»,
Но в том только смысле,
что страсть как он был осторожен.

Не принадлежал по занятию
к сеющим хлеб,
Но не относился и к тем,
кто хлеба выжигает.
Одно несомненно —
что был он любимцем судьб:
В любой катастрофе
такие всегда выживают.

В намереньях злых обвинять его
было б грешно,
Хотя он совсем не старался
быть прочих добрее.
Он даже на подвиг, наверно,
способен был, но
С условием, чтоб подвиг его
не отвлек от хоккея.

Он был потребителем пошлости и красоты,
Прогресса науки, стриптиза
и первого снега.
Он был пожиратель невинный
высокой мечты,
А стало быть — главный преступник
двадцатого века.

НОЧНЫЕ ПОЕЗДА

ПОБЕДИТЕЛЬ

Седой лохматый, словно лев,
И оттого еще сердитей
Сидит он, лавку подперев,
Войны последней победитель.

Один со своего двора,
А может быть, со всей округи...
Свисают с лобного бугра
Бровей насупленные дуги.

На нем помятый пиджачок,
На рукавах торчат оборки.
Но плотно сжат воротничок
Его армейской гимнастерки.

Сидит, бормочет о своем,
Кадык шершавый шевелится.
Он мнет приступок костылем,
Как будто в прошлое стучится.

Где он воспет и знаменит,
Где в черной свастике Европа,
Где он по ней в упор палит
Из сталинградского окопа...

Держись, хороший мой, держись!
Когда небесный свет поманит,
Я так надеюсь — эта жизнь
Тебя хоть в смерти не обманет!

* * *

У соседки облик ангельский,
Возле мочки завиток.
— Вы откуда?
— Из Архангельска...
Слышу слобный говорок.

А сама вольна, убориста,
Где положено — в обхват.
Для такой красы у поезда
Наш плацкартик бедноват.

Ей в ладью бы да под парусом
В моря Белого простор,
Чтоб навстречу ей «Икарусом»
Ветер крылья распростер.

Полететь бы ей гагаркою
На сосновый тот угор,
Где ее обнимет, жаркую,
Молодой рыбак-помор...

Мчит вагон. Леса, курумники
Гаснут в мареве дорог,
И дрожит в поспешном сумраке
Возле мочки завиток.

* * *

Не вслух, тем более, тайком,
Я не хотел быть моряком
И космонавтом тоже,
Когда я был моложе.
И офицерский блеск погон
Не затмевал мне свет икон
И пресный вкус просвиры
В избе у бабы Иры.
Но я любил лежать в ночи
На остывающей печи
И слушать ветра стоны,
Проникшего в заслоны.
Любил простой запечный дух,
Горбатый дедовский кожух,
Глаза коровы Зорьки,
Жующей после дойки.
Любил неспешно на подводе
Возить по солнечной погоде
Зерно на мельницу, гордясь,
Как ловко правлю через грязь.
Еще любил катать мальчишку,
Соседа нашего сынишку,
И все стыдился всякий раз

Смотреть в его стеклянный глаз.
...Давно нет бабки, нет и деда.
В чужой кирпич изба одета,
Взамен печи устроен газ.
И только два десятка телок
Пылят соломой за проселок,
И, не мигая, напоказ
Пастух несет стеклянный глаз.

СНОВА ОСЕНЬ

И снова осень. Стало быть
Душе моей грядет услада.
Я снова стану говорить
Речитативом листопада.

Я стану хрупким, как листок,
Как паутинка, легким, долгим.
Я запишу наискосок
Промокших улиц кривотолки.

И все-таки мне будет жаль
Гонимого ветрами ситца.
Что будет с вышивкою шаль
Другую женщиной носить...

О, эта странность бытия!
Погод, времен, столетий смены...
Невозмутимы, как судья,
Непоправимы, как измены.

* * *

В роду, по линии отца,
Как горький век ни правил,
Мальцы, велением Творца,
Звались Иван и Павел.
Иван и Павел, хоть убей,
Других имен не знали...
Такие вот далеких дней
Семейные скрижали.
А у меня, грешно сказать,
Одна всего лишь дочка...
Но это, смею полагать,
Житейская отсрочка.

* * *

Ты как будто мне не рада.
Да и я тебе не рад.
Ты ни в чем не виновата.
Я ни в чем не виноват.

Станем умничать на дрёму,
Как положено в дому:
Я все так же про Ерему,
Ты опять же про Фому.

Ни согласия, ни лада.
Да какой тут к черту лад!
Ты ни в чем не виновата.
Я ни в чем не виноват.

— Тьфу ты, вражеская сила!
Сплюну в сторону без сил.
Что за зелье ты вкусила,
Чью отраву я вкусил?

Нам поврозь бы лучше было,
Если б малость разум был.
Ты б другого охмурила,
Я б другую охмурил...

Ночь придет... и я сробею.
Вдруг метнешься во всю прыть.
Обовьешь меня за шею:
— Будем сказки говорить?..

НОЧНЫЕ ПОЕЗДА

Кое-как обжились — ну и ладно.
Скоро повзрослели — навсегда.
Но летят, гремят во мне обратно
Памяти ночные поезда
Неостановимо, длинно, жутко...
И кричу я в оторопь полей:
— Дайте мне на станции «Минутка»
Постоять на Родине моей!
Здесь когда-то следом за гудками,
Сидя на загровке черных шпал,
Мальчик с очень добрыми глазами

Уходящий поезд провожал.
И мигали в дымке семафоры,
И, ровняя кренившийся ход,
Всё кряхтели круглые рессоры,
Уводя состав за поворот...
Ничего в душе не позабылось,
Не оторвалось, не отлегло.
В самый дальний угол закатилось
И его глубины обожгло.

* * *

От каких таких дождей,
Наши судьбы разметало?
Оглянулся... а друзей
Будто сроду не бывало.

И пуста пространства жуть,
И накрытый стол не узок...
Хоть бы грохнул кто-нибудь
Кулаком промеж закусок!

Звякнул россыпью монет
На цветы ли, на вино ли...
Если вас со мною нет,
Стало быть, я сам виновен.

Крестят долгие дожди
Валуны на Валааме.
Где вы, светлые мои,
За какими облаками?

Анна ТОКАРЕВА

ОТДУШИНА

* * *

Проснувшись во двориках зябких,
Близ яблонь, заборов и стен,
Они золотистые шляпки
Надели, поднявшись с колен.

Немедля — вперед, за ворота!
Луга и поля полонив,
Покрыли они позолотой
Пространства невспаханных нив.

Незыблема связь поколений,
Незыблема к жизни любовь.
До буйства душистой сирени
Цвести одуванчикам вновь.

Представьте — все это бывало:
Как я, на простор убежав,
Славянка веночек свивала,
Пыльцою испачкав рукав.

БАННЫЙ ДЕНЬ

Горячая испаринка
Со лба, струясь, течет.
Плесну воды на каменку,
Чтоб было горячо!

От веника пахучего
Кружится голова.
За дверцею скрипучею —
Высокая трава,

Кипрей, вьюнок извилистый,
Тенистая ветла...
Прохлада речки илестой
Меня обволокла.

Ни страха, ни смущения —
Плыву, обнажена.
До головокружения
Пронзает тишина.

В предбаннике бревенчатом —
И сухо, и светло.
Тюрбанчик полотенчатый
Спустился на чело.

Заварка из лабазника
Прогонит хворь и лень.

За ощущение праздника
Люблю я банный день!

ОТДУШИНА

Был пастух со скотиною
И до неба — стога.
Порастают осиною
Да березой луга.

Ни крестьян, ни чиновников —
Пустыри да трава.
Уцелело пять домиков,
А стояло — сто два.

За лесной земляникою
Ребятня не спешит.
Беспредельную, дикую
Кто-то волю вершит.

Маслобойка порушена,
Нет зерна на гумне...
Но осталась отдушина —
Лик старушки в окне.

РУССКИЕ ИЗБЫ

От Оки до Двины и Онеги,
От московских до псковских дорог
Ладить лапти, лады и телеги
Мог любой на Руси мужичок.

В городах, деревнях — повсеместно —
Хоть парнишка, хоть вовсе малец
Мог держать и топор, и стамеску,
Был умелец во всем, удалец.

Были русские избы нарядны,
А ладони умельцев — грубы.
Украшались любовно фасады
Кружевами тончайшей резьбы.

У окошек Авдотьи и Феклы
Вышивали и пряли порой.

И сверкали в наличниках стекла
Словно девичьи очи весной.

Пятистенка, родная избушка,
Ты — праматерь часовен, церквей,
Что от пят и до самой макушки
Вырастали совсем без гвоздей!

На холмах, крутоярах, в селеньях,
Украшая излучины рек,
Возвышались над миром творенья —
Рукотворная радость навек.

Белый свет, он с избыю прекрасней.
За порогом — расступится тьма.
Словом, что ни деревня, то праздник —
Золотые из сосен дома!

* * *

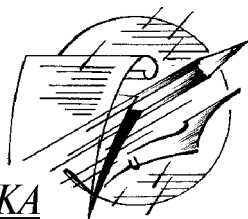
Сдуваешь с моего плеча
Листок опавший тополиный...
О, как глаза мои молчат,
Как смотрят кротко и невинно!

«Живи и Бога не гневи», —
Сама себе внушаю строго.
Но как же хочется любви —
Плоточек, капельку — немного!

Какая пытка — прятать взгляд
И рукава тянуть к запястьям,
И в этот ранний листопад
Не поддаваться зову страсти!

ДЕТСКИЙ ПОДХОД К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Известно, что российских интеллектуалов хлебом не корми, лишь бы у них была возможность давать советы верховной власти страны. Профессор и профессиональный советник Михаил Делягин, например, не только раскритиковал деятельность президента и премьер-министра РФ, но и предложил на страницах интернет-журнала «Геополитика» альтернативный вариант президентского послания Федеральному Собранию. Профессор Александр Керимов, юрист, тоже укоряет верховную власть, указывает на ее ошибки и в экономике, и в кадровой политике, и в отношениях с интеллигенцией, и дает советы, как эти промахи исправлять («ЛГ», №19, 2010). Так, он рекомендует подвергнуть российскую властвующую элиту процедуре «тщательного очищения», удалив «ту ее часть, которую ни при каких обстоятельствах нельзя охарактеризовать как национально ориентированную и национально ответственную». В итоге элита должна превратиться в корпорацию лиц, воодушевленных идеей безусловной приоритетности национальных интересов над какими бы то ни было другими, обеспечения процветания и благоденствия собственной страны» («ЛГ», №19, 2010). Вопрос о том, может ли не абстрактная, а реально ныне существующая власть в конк-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ретных условиях современной России выполнить это указание профессора, им даже не рассматривается. Работ с показом того, как неправильно действует власть и как ей надобно было бы действовать, бесчисленное множество, все мы в той или иной мере к этому занятию причастны, в каждом сидит комплекс «Если бы директором (президентом) был я». Но часто это несоответствие амбиций реальности у советчиков бьет через край.

Советы интеллектуалов обычно остаются без внимания, на что непрошенные советчики страшно обижаются, не подозревая о подлинных причинах пренебрежения их рекомендациями. А главная причина — в том, что советы эти несерьезны, основаны на субъективных представлениях того или иного автора, как правило, не имеющих никакого отношения к реальной действительности. Доказать это проще простого, взяв с закрытыми глазами первую попавшуюся статью любого из советчиков за последнее десятилетие. Но, поскольку нужно все-таки подтвердить данный неординарный тезис конкретными примерами, возьму в данном качестве две статьи такого рода — не потому, что они чем-то лучше или хуже других, а просто потому, что взяты из сравнительно свежих номеров общественно-политических изданий. Итак, речь пойдет о статьях политолога Алексея Кивы «Пора поверить в чудеса» («ЛГ», №14, 2010) и члена Совета по федеральным и региональным программам при председателе Совета Федерации Алексея Савицкого «Покаяние» (Интернет-журнал «Геополитика». 16.04.2010).

Советы политолога президенту РФ

А. Кива изронил свое очередное «золотое слово, со слезою смешанное». На этот раз на тему «Как нам модернизировать страну?», что, естественно, следовало бы только приветствовать. Построил он свою статью на противопоставлении двух типов модернизации. С одной стороны, это революционно-демократическая «президентская модернизация», которая требует концентрации всех сил и средств (и, видимо, высоких темпов) для осуществления прорыва в новое качество нашего бытия. А с другой — «консервативная модернизация» партии «Единая Россия» (и, очевидно, лидера партии — премьер-министра РФ). Эта, вторая, концепция предусматривает неспешное, постепенное наращивание инновационного потенциала в рамках существующего экономического и социального строя и сформировавшейся властной вертикали. А.Кива выражает сомнение: «Можем ли мы позволить

себе неспешную (единороссовскую) модернизацию?» Но тут же оказывается, что противопоставление этих двух подходов надуманное: ведь и идеолог «президентской модернизации» Владислав Сурков также говорит, что быстрых успехов ожидать не стоит. «Чтобы появились какие-то островки, очаги инновационной экономики, нужно 10–15 лет». Так что на вопрос, какая из двух концепций модернизации хуже, видимо, приходится отвечать (по аналогии с известным ответом Сталина): «Обе хуже».

А что же, по А. Киве, представляет собой современная Россия, которую и президентская, и премьерская команды собираются неспешно модернизировать? Вот некоторые ее черты:

— наша экономика находится примерно на уровне западноевропейской конца 60-х годов и Южной Кореи начала 90-х годов;

— многие либералы-западники стоят за сохранение сырьевой направленности экономики России и за инновации только в сфере топливно-энергетического комплекса.

— сторонники же комплексной модернизации либо делают упор на либерализм и демократию, либо считают, что инновационную экономику можно построить, перепрыгнув через этап реиндустриализации страны. (А это такая же утопия, как и «неспешная модернизация».)

Далее политолог спешит подкрепить свою позицию положениями статьи уже упомянутого В. Суркова:

— надежды либералов на невидимую руку рынка не оправдались, модернизация самотеком не состоится, здесь нужна направляющая рука государства, причем государства сильного;

— модернизацию могут потянуть только крупные компании (которые обычно обрастают многими сотнями и тысячами предприятий малого бизнеса);

— везде в странах запоздалого развития «модернизации делались дирижерскими методами»;

— модернизация — дело дорогостоящее, «это должны понять и население, и власти на всех уровнях» (значит, надо понимать, готовьтесь, граждане, затянуть пояса);

— модернизация требует поддержки со стороны общества: «Нужна позитивная созидательная энергия. Ее извлечение из общества — задача новой политики».

Ну, и какими же методами будет осуществляться модернизация?

«В президентском окружении, похоже, не теоретизируют о далеком будущем, а прорабатывают вопрос о создании научно-технических и производственных конгломератов по типу

сформировавшихся в США вокруг Стэнфордского университета и Массачусетского технологического института (MIT)». Этот подход, который по первому впечатлению воспринимается как деляческий (что неудивительно при приверженности российских лидеров прагматическому, то есть беспринципному, подходу), представляется А.Киве разумным, ибо он оправдал себя на опыте ряда стран, в том числе Японии.

Соглашаясь с В.Сурковым в том, что нам необходимо сохранение установившейся в стране стабильности и что «консолидированная власть в России — это инструмент модернизации», А.Кива сетует на то, что у нас не работает закон, нарушаются положения Конституции. «В стране царят бедлам и произвол. Борьба с преступностью неадекватна ее опасности для общества, а с коррупцией — больше похожа на имитацию борьбы... Режет глаз вопиющая социальная несправедливость. В стране нет реальной конкуренции не только в политике, но и в экономике. С такой вертикалью власти не извлечь позитивной энергии из общества и не осуществить модернизацию».

Нет и единого мнения по вопросу о том, что нам надо модернизировать. То ли те сферы, где мы можем давать мировому рынку конкурентоспособную продукцию (это — ядерные технологии, космические технологии, нанотехнологии). То ли модернизировать всю экономику, осуществляя, по сути, новую индустриализацию. Ведь если Россия хочет остаться великой и суверенной державой, то ей не обойтись без развитой электроники, биотехнологий, без развитой гражданской авиации и автомобилестроения.

Наконец, едва ли не самый актуальный вопрос: кто будет модернизировать?

Тут А.Кива категоричен: тем, кто присваивает природную ренту, смена экономического курса не нужна. Разложение многих звеньев государственного аппарата, подмена общественных интересов личными и корпоративными, потеря ответственности за будущее страны немалой частью верхов дополняется пофигизмом и асоциальным поведением немалой части низов. Такого падения духовности и нравственности страна давно не знала. Россияне в своем большинстве сбиты с толку и не осознают, какая судьба ждет страну, если нефтяная эпоха кончится раньше диверсификации экономики. Власть часто либо скрывает от народа правду об истинном положении дел в стране, либо так занята сама собой, что не чувствует приближения беды. А опасность распада России по типу того, как распался СССР, вполне реальна, если страна будет развиваться так, как развивалась до сих пор.

После всех этих печальных констатаций политолог переходит к советам руководству страны.

По его словам, о возможности худших сценариев развития страны надо открыто говорить народу. Ведь мы как народ пробуждаемся от апатии только в критических ситуациях. Однако если в стране сохранится вопиющая социальная несправедливость, то наши граждане не согласятся потуже затягивать пояса и проявлять энтузиазм в деле модернизации страны, какой, например, они проявляли в годы индустриализации. Все слои общества, включая олигархов и высших чиновников, — и даже в первую очередь они — должны нести бремя модернизации.

Кто же все это сделает? Кто создаст накопления для инвестиций (не забудем — в условиях, когда более 80 процентов экономики и вся ее наиболее прибыльная часть принадлежат частникам)? Кто выработает благоприятный для модернизации социальный и духовно-нравственный климат? Кто устранил социальную несправедливость, заставит олигархов и высших чиновников нести свою (и достаточно высокую) долю общих тягот? А.Кива полагает, что это вполне по силам президентской власти, ибо роль личности в истории невероятно велика. И если правящая элита почувствует твердость руки президента, а народ увидит, что модернизация делается в его интересах, то массовая поддержка ему обеспечена. А возможный саботаж со стороны части олигархов и сросшихся с ними чиновников должен быть преодолен. Хотя следует найти компромисс с теми и другими, дабы силы модернизации не убывали, а прибывали.

Вот так, все упование политолога — на всесильного президента, хотя тот не располагает ни материальными ресурсами, ни ясной идеологией, ни четким представлением об облике будущего страны. Я писал об этом в статье «Россия, вперед!» — это куда?» («Литературная Россия», №39, 2009), которую послал и на сайт президента. А несколько месяцев спустя многие ее положения повторил весьма либерально настроенный академик Николай Шмелев в статье «У модернизации России «нет картинки»» («МК», 30.03.2010). И вот этот президент, по сути бессильный, твердой рукой устранил социальную несправедливость, впряжет народного коня и олигархическую трепетную лань в одну телегу — и успех модернизации будет обеспечен. Вряд ли нужно доказывать, что политолог проявляет здесь совершенно детский подход к серьезному вопросу. Но чтобы показать это, следует сначала хотя бы пробежать глазами названную выше статью А.Савицкого, которая добавляет некоторые существенные штрихи к картине современной России.

А.Савицкий сложившееся положение дел в России и наметившиеся социальные тенденции видит в еще более мрачном свете, чем А.Кива, и, подходя к ним с точки зрения общественной безопасности, оценивает их негативно.

Например, система здравоохранения — одна из опор государственного суверенитета. А у нас подавляющая часть лекарств в аптеках — импорт, фармацевтическая промышленность деградирует. Интересы коррумпированного чиновничества и ассоциированного с ним бизнеса сошлись здесь с интересами крупного иностранного капитала.

Ответственность за такое положение несет и высшее руководство. У государственной политики в области здравоохранения отсутствовала серьезная концептуальная база, что лишь маскировалось разного рода масштабными «проектами», среди которых программа возведения 15 высокотехнологичных медицинских центров. В таких «проектах» сказались управленческий непрофессионализм, отсутствие системности мышления, хаотичность действия, не соразмеряющего ожидаемый эффект с социальными и экономическими реалиями. Центры возводились там, где активно действовала местная администрация, о кадровом же и инфраструктурном обеспечении не думали.

Этот «проектный» подход к сложнейшим вопросам экономики и социального управления, общая слабость управленческой мысли, нежелание или неумение работать, исходя из наличных условий, сочетались с легкомысленной готовностью брать за основу своих действий зарубежные образцы. Поспешные эксперименты и масштабные начинания последних лет словно бы замышлялись в безвоздушном пространстве. Не были продуманы условия их реализации и не учтены возможные социальные последствия. (Вспомним хотя бы эпопею, связанную с монетизацией льгот.) Результатом стали бездумная трата государственных средств и ослабление доверия населения к власти. Процветала коррупция среди чиновников, уполномоченных осуществлять госзакупки. Дело дошло до того, что они, ведя переговоры с западными контрагентами, добивались, чтобы была назначена самая высокая цена.

Атомная индустрия, которой некогда мы гордились, теперь из-за явных ошибок в управлении, «увядает». В условиях возрастающей конкуренции со стороны европейских и американских производителей это грозит вытеснением России с традиционных для нее рынков атомной энергетики Азии и Восточной Европы.

А сельское хозяйство? Импортная составляющая «продуктовой национальной корзины» — от 40 до 90 процентов.

Неудовлетворительно состояние силовых ведомств и, прежде всего, вооруженных сил страны. Конфликт в Южной Осетии показал, что качество управления в нашей армии далеко от соответствия требованиям современной войны. А если бы российской армии противостоял более серьезный противник? Проводимая армейская реформа не нашла понимания в армейской среде. В офицерском корпусе утвердилась коррупция, размах этих преступлений растет.

Министерство внутренних дел во многих отношениях стало походить на структуру, имеющую собственные цели. Оно грозит превратиться в свой антипод, в организацию, подобную тем, с которыми призвано бороться. Милиции у нас много — на душу населения в 8—10 раз больше, чем в Европе, и в 4—5 раз больше, чем в США, но можно ли говорить о ее эффективности?

В ходе реформирования МВД органы милиции должны заново почувствовать смысл своего существования, обрести представление о служении как внутренней сути своего социального статуса, преодолеть психологический надлом, разорванность сознания, не способного примирить служебные обязательства и корпоративный интерес. Отсюда и наши шумевшие эксцессы, когда произвол определенных сотрудников милиции оказывался уже за рамками не только закона, но и здравого смысла и норм здоровой психики.

В чем сходство в уроках, преподанных нам в Беслане и недавно в Москве? В том, что террористам удается пройти сквозь сеть контроля, тогда как при должном внимании их действия могли бы быть пресечены. Но для этого нужен не только профессионализм, но и то, что можно назвать личным призванием — всецелая нацеленность человека на свою миссию защитника. При нынешней двойственности сознания такая цель недостижима.

А что, например, представляет собой наша судебная система? Может ли сохранить в себе профессиональный и нравственный кодекс судья, который прирабатывает через юридическое «обоснование» рейдерской атаки?

Несовпадение предполагаемой социальной функции и фактического содержания деятельности пронизывает всю с таким трудом создававшуюся «вертикаль» управления и определяет многие стилевые особенности поведения элиты. Мы получили общество с массовым «отклоняющимся» поведением.

В бизнесе (особенно в крупном) административный ресурс стал преобладающим конкурентным фактором. Чиновники

высшего ранга заседают в советах директоров крупных компаний, преимущественно в энергетическом секторе, где выше дивиденды. Но и представители крупного бизнеса, не занимающие официальных государственных постов, связаны с властью настолько, что их следует считать «назначенцами» — лицами, назначенными политическим руководством на определенные хозяйственные посты. Только многие атрибуты *luxury-style*, ставшие чем-то абсолютно необходимым для большинства представителей российской элиты, были для советских партийных деятелей и директоров просто немыслимы. В плане своей частной жизни новая российская элита сплошь и рядом не связывает себя с судьбой страны. Их потребительский стандарт и жизненные перспективы имеют иностранную маркировку. Их типовые вложения частных накоплений — зарубежная недвижимость. Типовое воспитание младшего поколения элитного слоя — частные западные школы. В их сознании ослаблен национальный элемент, создаются два центра притяжения — «здесь» и «там». А это влечет за собой социальные и политические последствия.

В нашем общественном организме, в социальной и политической системе — множественные вывихи и переломы суставов, многие государственные и социальные институты начинают действовать несвойственным им образом.

Говорят, что все это можно поправить, нужна лишь политическая воля. Но для воли необходим разумный и нравственный ориентир, определяемый культурой. Без этого воля становится как «безумная пушка», палящая куда придется. Но у нас очевидны снижение уровня культуры, потеря какого-то важного умственного ориентира. Доказательство тому — появление нашумевшего манифеста «Россия XXI века: образ желаемого завтра» (Доклад ИНСОРа). В нем объявляется, в частности, что в нашу эпоху человеческое достоинство становится уже не этическим императивом, а «конвертируемым и ликвидным ресурсом» (!). Но если восторжествует такая манера мысли, словно забывшей обо всей многовековой мудрости человечества, то государство станет чем-то вроде гипермаркета, где на все человеческие качества навешаны ценники.

Способны ли такое общество и такая власть к модернизации?

А. Кива, и А. Савицкий рисуют картину полного разложения нынешнего российского общества. Можно ли из такого общества «высечь энергию»? Способно ли оно вообще к модернизации? Взглянем объективно на три его составляющие,

если можно так выразиться: на правящую элиту, на инициаторов модернизации из высшего руководства страны и на остальное население.

В том, что нынешняя правящая элита России — реальные олигархи, крупные предприниматели, мечтающие стать олигархами, и связанное с этими реальными и виртуальными олигархами чиновничество — в модернизации не заинтересована, упоминаясь выше (как и многие другие) советчики единодушны. Но для понимания сути процесса нужно заглянуть поглубже в историю, особо отметив еще один момент, о котором писал Борис Кагарлицкий в своей книге «Периферийная империя. Циклы русской истории» (М., 2009). Вот один из его выводов.

Свыше 400 лет элита торгует богатствами России, работая на экономику Запада. Сначала продавали лес и пеньку (это были тогда важные стратегические товары, Англия на них построила свой флот, позволивший ей стать единственной сверхдержавой). Потом — зерно (вспомним лозунг царского министра: «недоедим — а вывезем!»). Потом — все, что только можно. А ввозили — технологии и предметы роскоши. Ибо элита усвоила западные стандарты роскоши и видела в Западе образец во всем.

И все это время Россия «догоняла» Запад, причем, чем сильнее догоняла, тем больше от него отставала. Так, при Екатерине II Россия вышла на первое место в мире по производству железа, которое она вывозила в Англию, Францию и даже в Северную Америку. И Англия не могла обойтись без русского железа, потому что оно было дешевым — за счет использования труда фактически крепостных крестьян, закрепленных государством за заводами. А английское железо было дорогим, потому что производилось наемными рабочими, которым надо было платить весьма высокую, по российским меркам, зарплату. Но и Россия не могла обойтись без экспорта железа, потому что при нищете крестьянства (то есть большинства населения) внутренний рынок был крайне узким. При этом торговый капитал не желал вкладывать средства в инновации, в которых были заинтересованы лишь государственная власть (хотя бы из соображений обороны) и иностранный капитал, которому доставалась львиная доля прибыли. Так первая в мире по производству железа страна оставалась в экономическом отношении колонией более развитых стран Запада.

А как обстоит дело ныне? Россия вывозит нефть и газ, лес, кружак и металл, а ввозит продовольствие, ширпотреб, технологии, предметы роскоши. Какие же основания ожидать

от нынешней элиты иной манеры поведения, чем та, которая сложилась за 400 лет? Ведь наши олигархи только считаются промышленниками, производителями. На самом деле нефтехотеломысли и заводы достались им практически бесплатно и потому воспринимаются ими как некая даровая сила природы, вроде энергии ветра или морских приливов. То есть, по существу, они — не производители, а торговцы, продавцы свалившихся к ним с неба природных ресурсов. Если их и можно причислить к капиталистам, то только к компрадорам. Этим словом (происходящим от испанского *comprador* — покупатель), как известно, обозначают туземного торговца, посредничающего между иностранным капиталом и национальным рынком. Это — представитель слоя местной буржуазии, тесно связанного с крупной и монополистической буржуазией империалистических государств. Нынешние олигархи, поскольку они компрадоры, торговцы, тоже не хотят вкладывать средства в инновации. Это снова оказывается делом государства (но оно слишком бедное для этого) и иностранного капитала, получающего наибольшие прибыли от эксплуатации российских богатств.

Наших «элитариев» мало заботят судьбы Родины. Главные их устремления — заработать как можно больше денег и вложить их в зарубежные банки, обзавестись недвижимостью и вообще «запасными аэродромами» за рубежом. Они швыряют деньги за границей направо и налево, покупают шампанское ценой тысячи долларов за бутылку, когда в своей стране бедствуют, а то и голодают миллионы. Это красноречиво говорит об уровне их нравственности и культуры. Еще Симонид Кеосский в V веке до н.э. знал, что «для полного счастья необходимо иметь славное Отечество». Таких безразличных к судьбам Отечества «новых аристократов» вряд ли можно даже считать нормальными людьми. Хотя, конечно, у них своя групповая этика.

С другой стороны, почему российские аристократы времен Екатерины II и позднее стремились жить на западный образец? Потому что они там видели центр мирового развития — в Англии, во Франции... И им хотелось быть на уровне эпохи, в центре прогресса, Россия же считалась (а во многом и была) отсталой. Так же и сейчас амбициозные и энергичные россияне из провинции едут в центр, покорять Москву. Лариса Долина приехала из Одессы, Михаил Евдокимов — из алтайского села. И блистали, получив всероссийское признание. А попробовали бы они блистать и стать известными на всю страну где-нибудь в Урюпинске!

Вот и олигархи. Они видят, что центр развития — на Западе (а Россия — край застоя и деградации), и хотят стать сво-

ими там, войти в ряды мировой элиты. Стремление понятное. Только они допускают четыре ошибки. Первая: селятся они преимущественно в Лондоне, по старинке считая Англию мировым центром, тогда как она стремительно скатывается в «третий мир». Вторая: Россия ведь, как считают многие, в первые годы после Великой Отечественной войны была центром мирового развития. Если советский строй и не сделал страну мировым лидером, то сумел добиться хороших условий для решения этой задачи в будущем. А краем застоя ее сделали умышленно. Как писала замечательная поэтесса Татьяна Глушкова, «И был весь мир провинцией России. Теперь она — провинция его». Третья: российские олигархи элитой на Западе никогда не станут, и их там терпят, пока за их спиной — поддержка российского государства. Четвертая: чтобы понимать все это, надо все-таки обладать некоторым уровнем культуры... Как отметил Владимир Путин, «элитарии» часто уподобляются тем юношам-таджикам, которые вырывают у себя здоровые передние зубы и вставляют золотые, чтобы все видели, какие они состоятельные парни.

А.Савицкий назвал олигархов «назначенцами», которых власть назначила управлять собственностью. Но в действительности их роль совсем иная. По словам председателя комитета Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству Евгения Федорова, львиная доля крупной российской собственности находится под иностранной юрисдикцией (ТВЦ, «Момент истины», 26.04.2010).

Картина, какую рисует Е.Федоров, не для слабонервных. Либералы гайдаровского призыва в правительстве легко подписывали бумаги, отдающие российскую собственность иностранцам. И не всегда даже за взятку, часто за похвалу («Вы хорошие ребята, отдайте нам все!»). А потом олигархи вводили собственность за рубеж, боясь, что в России ее могут конфисковать. Так чьи же они на деле «назначенцы»?

Е.Федоров закликает нас выработать у себя трепетное, уважительное отношение к «священной и неприкосновенной частной собственности», хотя именно следование власти этому принципу и довело России до ручки. Вот приведенный им пример: заводы (в том числе стратегические и градообразующие) работают в Екатеринбурге, а деньги за их продукцию текут на Виргинские острова, на Кипр и в Панаму. Собственнику за морями показалось выгодным закрыть завод, и тысячи рабочих Урала пополняют ряды безработных, городской бюджет оказывается на мели, потому что лишился налоговых поступлений. В принципе собственность можно вернуть России, но только через международные суды, а эта про-

цедура займет годы и потребует огромных средств на оплату иностранных экспертов и адвокатов. Пока Россия на этом поприще бессильна.

Е. Федоров печется о частной собственности. Но ведь деньги — это тоже частная собственность. Вот денежные тузы и решают у нас всё, они могут отнять собственность у кого угодно. Кто хочет убедиться в этом, может проехаться по Подмосковию, где выросло множество вилл и элитных коттеджных поселков. Все они расположены на земле, отнятой у крестьян, которые обращались с мольбой о защите во все инстанции — от прокурора до президента РФ. Бесполезно.

Собственники практикуют перекрестное владение акциями и иные ухищрения, многократно перерегистрируют свои фирмы, да еще в условиях «коммерческой тайны», в результате чего власть часто не в состоянии установить, кто же реально владеет той или иной собственностью. Тем, кто хотел бы увидеть хотя бы тысячную долю нитей, которыми знаменитый «Русал» Олега Дерипаски связан с мировым капиталом, рекомендуется пробежать статью Вадима Медникова «Олигарх-лоббист» («МК», 08.04.2010).

Крупный российский бизнес, будучи криминальным изначально (как результат воровской приватизации), остается таковым и поныне. Там идет война всех против всех, конкурентов убирают с помощью заказных судебных приговоров, клеветы, а нередко решающим аргументом в «споре хозяйствующих субъектов» становится пуля киллера.

Наконец, почему же ревнители частной собственности не вспоминают о том, что государственная собственность — тоже священна, а в принципе должна быть священной вдвойне? А ее-то и рвут всевозможные хищники, но заступиться за нее некому. Не забудем также, что многие министры и парламентарии РФ — сами олигархи.

Теперь коротко о высшей государственной власти. Если А. Кива уповает на политическую волю президента, то А. Савицкий показывает, что и высших руководителей страны отличают непрофессионализм и многие иные качества, обладателям которых противопоказано заниматься государственной деятельностью.

Он, правда, стесняется сказать, что инициаторами и монетизации льгот, и нацпроектов (в том числе и программы строительства медицинских центров), реформ Вооруженных сил и МВД, как и других экспериментов и начинаний, «словно бы замышлявшихся в безвоздушном пространстве», были бывший и нынешний президенты РФ. И они до сих пор этими деяниями и достижениями гордятся.

Да и куратор ИНСОРа, доклад которого так возмутил А.Савицкого, — сам президент РФ.

И в XX веке, и в начале XXI, руководители России тоже все время «догоняют» Запад. Ленин ставил задачу «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны по объему производства на душу населения. Сталин стремился догнать их по мощи государства («иначе нас сомнут»). Хрущев хотел догнать США по мясу и молоку. Брежнев стремился восстановить утраченный при Хрущеве паритет с Западом в военном отношении. Но эти стремления все же были в основном разумными.

Горбачев задумал догнать Запад по уровню внедрения общечеловеческих ценностей, сделать СССР частью «цивилизованного мира». Ельцин, облетев дважды вокруг Статуи Свободы, воспылал жадной сделать Россию свободной. Путин поставил задачу — догнать Португалию (к сожалению, и это не получилось). Медведев догнал и даже перегнал лидеров Запада по владению Интернетом. Все это очень далеко от подлинных нужд страны.

Нередко задают вопрос: а зачем нам вообще кого-то догонять? Надо строить свою, российскую цивилизацию, перенимая отовсюду то, что нам полезно, но опираясь на свой опыт, традиции, национальный характер и менталитет... Но если кто понимает проблему периферии, рвущейся к центру, то он не будет удивляться догонянию, понимая это естественным и неизбежным. Проблема совсем в другом: периферия стремится выбиться в центровые, не теряя себя, она хочет остаться субъектом, тогда как мощный идейный напор предлагает ей под видом заимствования перестать существовать, т.е., по сути, геополитическое самоубийство.

Я выделил руководителей России из рядов элиты, потому что они заявляют о стремлении модернизировать страну, в то время как остальная элита подобным желанием не горит. Они сами противопоставляют себя «коррупцированным чиновникам и ничего не предпринимающим предпринимателям», но чувствуют свое бессилие перед этой ордой пенкоснимателей и воров. Путин в начале своего президентства хотел провести инвентаризацию всего, чем располагает страна, но потерпел неудачу, потому что в условиях частной собственности и «коммерческой тайны» эту задачу решить невозможно. Потом он потребовал отделить власть от денег, но и эта задача при сохранении рыночной экономики оказалась неразрешимой. И Медведев замахнулся на многое — инновации, модернизацию и пр., но не встретил ни малейшей поддержки со стороны «элитариев» и предался либеральным мечтаниям

о будущем России. В итоге, как выразился Михаил Веллер: пока российская политика «обслуживает экономику элит». Ему вторит Станислав Белковский: «Наше государство давно превратилось в орудие удовлетворения интересов бизнеса» («МК», 25.04.2010).

Конечно, словам политиков не всегда можно верить. Может быть, лидеры России и в самом деле хотели бы модернизировать ее. Но в таком случае пока они отчасти уподобляются Тартарену из Тараскона, который был Дон-Кихотом и Санчо Панса в одном теле. Возможно, им приходится выжидать, пока в обществе сложатся силы, на которые можно будет опереться, чтобы обуздать «элиту». Но пока они остаются формальными лидерами страны, в которой реальная власть принадлежит не им, а охарактеризованным выше советниками «элитариям», а потому «в стране царят бедлам и произвол», процессы деградации по-прежнему преобладают над процессами созидания. (Хотя созидательные тенденции отрицать тоже глупо.)

Ну, а об остальном населении что и говорить. Советчики отметили его пофигизм, но не объяснили причин оного. А они лежат на поверхности. Народ видит, что в России установилась власть богатых и для богатых. Власть принимает решения в основном в интересах правящей элиты. Иначе чем объяснить, что за год кризиса число российских долларовых миллиардеров удвоилось, и одновременно резко увеличилась численность неимущих. (Что естественно, ибо в обществе, можно сказать, действует закон Ломоносова—Лавуазье: если у кого-то что-то прибавилось, то у кого-то что-то на ту же величину убавилось.) Народ в обсуждении принимаемых властью решений участия не принимает, а потому как бы мысленно говорит ей: «У вас свои дела, а у нас свои». В парламенте страны нет ни одного рабочего или крестьянина, даже рядового инженера, которые выражали бы интересы рядовых граждан. Некому высказать и мнение когнитариата, который в принципе должен был бы стать главной силой в процессах инноваций и модернизации. Там либо миллиардеры, либо политики, либо звезды кино, театра, спорта, и их интересы далеки от интересов рядового человека из «низов», каждый день начинающего с мысли о том, чем он будет кормить семью.

Если посмотреть поглубже в корень, то надо признать: народ действительно (как и полагается в обществе собственников) оторван от политики. Но главное — у него нет идеала борьбы, без которого не может быть никакого прорыва. Лживым идеалом — борьбы всех против всех ради личного преус-

пеяния быстро наигрались, а какую-то другую борьбу объявить не решаются. А раз нет цели борьбы, значит, нет и развития. Разумеется, такое положение не может сохраняться вечно.

Ну и как модернизировать Россию при такой ситуации в элите, высшей власти и основной толще народа? Разве не ясно, что интеллектуалы-советчики обречены на бесплодное прожектерство (или, как писал Ленин, на «пустопорожнее производство тезисов»)? Чтобы понять, насколько нелепы их рекомендации, представим себе, что Медведев огласил бы не свое послание Федеральному Собранию, а альтернативное, «от М.Делягина». Вероятнее всего, он в тот же день перестал бы быть президентом. И дело не только в его личной карьере. Вероятнее всего, «элита» произвела бы тогда такую «зачистку» в стране, чтобы в ней не осталось ни одного носителя «ереси модернизации».

Могут сказать, что послание М.Делягина и не было предназначено для оглашения нынешним президентом, оно должно послужить стержнем документа, с которым выступит будущий «патриотический глава государства». Но если когда и случится такая «смена власти», то новая сила заявит о себе не через послание парламенту.

Я люблю читать книги Максима Калашникова с гимнами достижениям СССР в разных сферах жизни. Но он высыпает, словно горох из мешка, множество новейших технологий, иногда реальных, порой фантастических. Взять, например, пропагандируемую им идею струнного транспорта. Технически, конечно, возможно подвесить на опорах канаты, по которым удастся тянуть громадные емкости (вместо нынешних вагонов) с грузами. Но ведь задача-то не в том, чтобы доставить громадное количество грузов на тысячи километров из пункта А в пункт Б, а в том, что на этом пути расположены ныне сотни станций и разъездов, почти к каждому из таких остановочных пунктов примыкают подъездные пути предприятий,строек, учреждений. И на один подъездной путь, например, металлургического комбината, поступает за сутки несколько маршрутов с углем или рудой (ну, и разная мелочевка, конечно), а на другой один вагон, и то не ежедневно. Железная дорога может, хотя и не без труда, обеспечить распределение самых разных грузопотоков между этими клеточками народнохозяйственного организма, а как будут «питаться» эти клеточки, когда мимо них станут мчаться только подвешенные на канатах громадные посудины с тысячами тонн грузов, среди которых нет места маленькой отправке в полторы тонны? Да и вообще нынешнее бедственное поло-

жение России порождено отнюдь не недостатком технологических идей. А главный конек Калашникова — это «прорыв в нейромир», выведение породы сверхчеловека, который и вытаскивает Россию из пропасти на позиции безусловного мирового лидера. Калашников работает вместе с кружком прогнозистов-футурологов, мечты которых идут еще дальше. Но сверхлюди из «нейромира» если и появятся, то, видимо, через десятилетия, а вытаскивать страну из болота застоя и деградации нужно сейчас, иначе никто из россиян до того счастливого момента не доживет. И делать это надо, используя тот человеческий материал, который есть, при всем его несовершенстве (так красочно расписанном советчиками). К тому же если и отыщутся несколько гениев, они почти наверняка будут придерживаться совершенно разных взглядов по любому вопросу (иначе какие же они гении?). И президент станет руководствоваться их туманными и противоречивыми рекомендациями? Правда, одно из предложений Калашникова попало на сайт президента, и тот поручил главе своей администрации ознакомиться с этим материалом. Но, насколько можно судить по телевизионному кадру, говорил это президент не без иронии. И я его вполне понимаю.

Я много лет был знаком с клубом Сергея Кургиняна, бывал на его заседаниях. К каждому заседанию там готовится доклад, к которому вычерчивается множество схем и графиков, и складывается впечатление, что проведена солидная аналитическая работа. С.Кургинян — один из самых востребованных в СМИ аналитиков, он завсегдатай многих телевизионных программ. Бывает — включишь одну программу — там Кургинян, переключишь на другую — и там он же. Послушаешь его комментарии на текущие или исторические сюжеты — вроде вполне разумные рассуждения. Его отличает от других аналитиков стремление (или хотя бы призыв) искать прежде всего смыслы событий, ценности, стоящие за ними. К тому же пропагандируемая им идея «красного проекта» мне симпатична. Но... Как сказал мне когда-то один из постоянных участников этих встреч, основная черта прогнозов маститого политолога — это катастрофизм. Интересно то, что времена Ельцина были сами по себе катастрофическими, но политолог делал упор не столько на текущую катастрофу, сколько на грядущие, гораздо более страшные. Помнится, с каким драматизмом на одном из заседаний рисовалась картина конфликта Запада и Востока, когда Россия оказывалась между этими враждующими силами со всеми вытекающими из этого трагическими для нее последствиями. Надо ли говорить, что, к счастью, ни одно пророчество

маститого аналитика, по большому счету, не оправдалось. А большие его работы, занимавшие десятки полос в газете «Завтра», выходявшие в сборниках клуба и отдельными книгами, рисуют картину современной политической жизни в России, весьма далекую от действительности. (Для него, например, вполне возможно связать в одну цепочку Рабле, Бахтина, Кожина, Лосева, Андропова и др. так, что одни оказываются носителями светлого начала, а другие — чуть ли не служителями преисподней, хотя в действительности различия между ними второстепенны по сравнению с тем, что их объединяет.)

Сказанное относится и к прочим политологам и советчикам из «патриотического» лагеря, будь то Михаил Леонтьев, Андрей Фурсов или Валерий Соловей (с женой Татьяной как соавтором), хотя имя им (разного масштаба) легион. Один пытается соединить патриотизм с либерализмом, другой — прогрессист, евроцентрист и русоцентрист одновременно, третий — глубокий пессимист, четвертый, напротив, безудержный оптимист, пятый... Люди они неглупые, эрудированные (иногда даже, пожалуй, чересчур, загнут такое иностранное словечко, что я даже в словарях найти его не могу), складно говорящие (особенно при наличии телесуфлера), и вообще исполненные разных достоинств. Но они общаются между собой на некоем птичьем языке, который мало понятен рядовому читателю, зрителю, слушателю с обычным средним или даже высшим, но не гуманитарным образованием. Этот язык — своего рода современная галиматья. Так назывался изысканный придворный стиль речи в средневековой Испании («Король ударил в барабан отставки палочкой удаления от дел»). Народ не понимал этого стиля, и название изысканной манеры речи стало восприниматься как некая бестолковщина. Вот и идеи современных российских интеллектуалов не овладеют массами, а значит, не станут силой. Но главное все-таки в том, что российские интеллектуалы не следуют завету Василия Розанова: «Надо открывать действительность. Самое трудное — это открывать действительность».

Да, это трудно. И дело здесь даже не в большой затрате усилий: собирать реальные материалы, сопоставлять данные разных источников и пр. Обращение к действительности бывает губительно для карьеры, а часто и просто опасно для жизни, журналисты знают это очень хорошо. (Достаточно вспомнить, сколько их было репрессировано властью, и сколько погибло из-за того, что слишком углублялись в предмет своих исследований.) Куда легче — делиться своими фантазиями с читателями, устраивать пикировки на стра-

ницах газет или в телеэфире (например, в передаче «Судите сами» и ей подобных), на «патриотических вечерах». И легко, и приятно, и выгодно (популярность!) — и безопасно!

Открывать действительность — это еще и вскрывать тенденции развития, выявление которых тоже часто бывает крайне нежелательно ни для власти, ни для «элитариев».

Еще труднее «открывать действительность» «придворным» (вроде Глеба Павловского) и «припарламентским» советчикам (таким, как Сергей Марков или Игорь Бунин). Тут надо и попытаться сказать что-то свое, и тень на действия патронов не навести. В каких отношениях с действительностью может быть преуспевающий при всех режимах Александр Ципко? Или Александр Проханов (человек редкостного дарования и писатель-публицист огненного стиля), которому нужно лишь, чтобы Россия была империей, а будет ли она коммунистической, монархической или фашистской — не суть важно? У него и святой холм на стыке границ трех славянских республик, и монастырь, где подвизался автор идеи «Москва — Третий Рим», и русский космизм, и коммунизм, и физическое бессмертие, и Новый Адам, и земной рай, и высокие технологии — все вместе. Впрочем, сам Проханов определяет себя как романтика (а также красно-коричневого сталиниста и пр.), а потому какой с него спрос? Но может ли ответственный руководитель государства руководствоваться таким винегретом?

О либералах и говорить нечего. Я пытаюсь порой представить, как поступила бы подлинно патриотическая власть с Российской академией наук, которая не исключила из своего состава вдохновителя разрушительной «перестройки» академика Александра Яковлева. Да и другие трубадуры рынка, ликвидации «неперспективных деревень» и пр. беспечально там пребывают, более того — даже критикуют власть: не так она поступает. Уже упоминавшийся академик Н. Шмелев свыше 25 лет назад написал в «Новом мире» статью «Авансы и долги», которую считают первым развернутым манифестом рыночников. И вот теперь он критикует Д. Медведева за нечеткость картины будущего России. А откуда ей быть четкой, если либералы завели страну в безысходный тупик? Так же ведет себя и рыночник академик Н. Петраков. Вот к кому обратился бы с призывом покаяться автор статьи «Покаяние»! А тот же доклад ИНСОРа, как и инициативы советника Аркадия Дворковича, показывает, что либералы готовы утянуть Россию не только назад, во времена Ельцина, но и (если их вовремя не остановить) вообще в каменный век.

Все советчики любят толковать о «политической воле», которую понимают как твердо высказанное пожелание президента. Существуют ли в стране предпосылки для проявления такой «воли», отвечает ли ей реальное соотношение классовых и иных общественных сил — на это в их рассуждениях нет и намека. Все они учились в советское время, постигали, что существуют объективные законы развития общества, но выбросили это знание из голов вместе со всеми другими элементами наследия прежней системы. К тому же они постоянно воюют друг с другом, проявляя свою индивидуальность и конкурируя между собой за место под солнцем. И как руководству страны разобраться в этом котле, отделить овец от козлиц?

В чем причины эпидемии прожектерства?

Беда интеллектуалов-советчиков — в том, что они не поняли четырех вещей.

Во-первых, они приняли вашингтонско-московско-петербургский консенсус, согласившись с либералами, что альтернативы нынешней рыночной экономике, вообще строю, основанному на частной собственности, в нынешней России нет. Как выразился один из приближенных Ельцина (если не ошибаюсь, Владимир Шумейко), «в России может быть любая власть, кроме советской». Однако это всего лишь гипотеза, и надо надеяться, что она в скором времени окажется опровергнутой.

Техника в мире становится все сложнее и — при неправильной ее эксплуатации — все опаснее, разрушительнее, отдельные технические системы сливаются в комплексы глобального характера. Разве можно будет в ближайшее время допустить, чтобы они оставались в частных руках? Процесс социализации стал всемирным, и рынку в этих условиях места нет. Точнее, без рынка вообще обойтись нельзя, как не может быть механизма без трения, но тенденция состоит в том, чтобы свести его к минимуму. Плановое хозяйство становится объективной необходимостью. Частной собственности и на Западе приходит конец (в тех пределах, в каких это там может происходить при сложившемся типе западного человека). Проще говоря, она будет становиться все более фиктивной. Тем более недолго ждать ее крушения в России. (Подробнее об этом — см. мою книгу «Капитализму в России не бывать!») Но советчикам подобная мысль и в голову не приходит. Так, мелькнет иной раз словечко о «красном проекте» или о «красном рае» и снова канет в небытие.

Во-вторых, интеллектуалы, много рассуждая о рыночной экономике, ничего в ней не поняли. Они требуют, например, чтобы власть обуздала коррупцию, тогда как коррупция — не отклонение, а суть нынешней рыночной системы, реальная борьба с ней при сохранении рыночных отношений невозможна. Ведь рыночное общество — это общество, где все продается и покупается, критерий значимости человека — большие деньги. В рыночной экономике главное — купить дешевле и продать дороже. Как остроумно заметил М. Веллер, самый эффективный рыночник — это бандит, который отбирает товары на рынке бесплатно.

У нас же официально признано, что учитель перестал быть просветителем народа и воспитателем юношества, он — поставщик образовательных услуг, то есть торговец знаниями. Как и врач — не целитель, ответственный за здоровье граждан на своем участке, а продавец медицинских услуг. Если хирург требует деньги с больного, которому собирается делать операцию, или терапевт рекомендует лекарства определенной фирмы, от которой за это получает мзду, то это вполне рыночный подход. Так почему же от милиционера требовать защиты правопорядка и соблюдения закона? Или от армейского офицера — служения на поприще защиты Отечества? Они тоже хотят быть значимыми и потому иметь как можно больше денег, такое стремление в рыночном обществе должно быть общепризнано.

Нынешняя российская рыночная экономика — это вовсе не капитализм, ибо капитализм — все же строй хоть и людоедский, но производительный. В России же строй — не капиталистический, а буржуазный, ориентированный не на производство, а на грабеж и паразитическое элитарное потребление, преимущественно предметов роскоши. Сами строители нынешнего российского строя часто зовут его бандитским капитализмом. Президент и премьер учились в советском вузе, поэтому стесняются называть этот строй капитализмом и предпочитают говорить: «рыночная экономика». Если же кто спросит, почему же на Западе, при капитализме, не царствует коррупция, то сама такая постановка вопроса ложная. На Западе коррупция процветает (таких масштабов воровства и коррупции, какие выявлены в США во время нынешнего кризиса, мир еще не знал, недаром попавшиеся коррупционеры получили сотни лет тюремного заключения, если не предпочли добровольно уйти из жизни), только она введена в определенные рамки. А рамки стали возможны потому, что на Западе капитализма давно уже нет, только российские обществоведы, политологи и советчики

прозевали этот момент, «заблудились в эпохе» и отстали от реального мира на полсотню лет. Еще Юрий Лужков говорил, что XX век был не временем соревнования мира капитализма и мира социализма, а периодом соревнования советского и шведского социализма. И победила в нем шведская модель. Ныне на Западе существуют неокорпоративные государства разного рода, не капиталистические, но и не социалистические (поскольку там не отменена частная собственность на средства производства). Об этом говорится в другой моей книге «От лжекапитализма — к тоталитаризму» (М., 2008), которая прошла незамеченной, во всяком случае, советчики о ней публично не высказались.

В-третьих, интеллектуалы-«патриоты» согласились с властью в оценке положения России, и у тех, и у других существует нечто вроде негласной договоренности, будто Россия — благополучная среднеразвитая страна, которая в силу каких-то обстоятельств на какое-то время утратила лидирующие позиции на мировой арене. И чтобы вернуть их, нам надо лишь осуществить некоторый прорыв: разработать нанотехнологии, внедрить новейшие информационные технологии и — «Гром победы, раздавайся!», «Россия, вперед!»

В действительности ситуация совершенно иная. **Россия — страна, разгромленная в «холодной войне»**, отброшенная на обочину Истории. Восстановление нам придется начинать практически с нуля, и оно будет гораздо более трудным, чем после Великой Отечественной войны. Никакие зарубежные нобелевские лауреаты нам в этом не помогут, да у них нет и не может быть подобного желания. Если у нас и будут разработаны какие-то сверхпроизводительные и экономные технологии, то российскому бизнесу они не нужны, а государству нечего будет с ними делать, потому что оно раздало промышленность частникам, которые довели ее до упадка. А производство лаптей (и другой продукции, которая еще производится в России) нанотехнологий и прочих инноваций не требует. И весь вопрос в том, понимаем ли мы все это и сломлен ли наш дух. Вот за этим-то и следит внимательнейшим образом Запад. Весь его идеологический аппарат и «агенты влияния» в России стремятся не допустить осознания нами реального положения вещей и возрождения духа народа-победителя, какой был обретен советскими людьми после Великой Победы. Именно он и обеспечил тогда невиданный и неслыханный в истории взлет нашей Родины, превращение ее в мирового лидера. На мой взгляд (на который я имею право), **в том, чтобы россияне не осознали истинное положение дел в стране и мире, и заключается социальная функция (которую**

они, возможно, и не осознают) наших идеологов, политологов и советчиков. При этом надо осознавать, что положение России в мире катастрофически осложнилось буквально на днях, чего интеллектуалы, естественно, не заметили. Скажу об этом всего в нескольких словах.

На закате СССР великий советский ученый и конструктор академик Глеб Лозино-Лозинский, отец «Бурана», создал также и космический самолет-челнок «Спираль» — оружие, какого не было нигде в мире и которое гарантировало бы нашей стране полную безопасность от возможной агрессии извне. Но Горбачев уже договорился с Рейганом о ликвидации наших самых мощных видов вооружений — ракетных комплексов «Сатана», «Ока» и др. Была уничтожена и «Спираль», превращен в аттракцион и «Буран». А в «Спирали» было использовано столько новейших технологий, что Лозино-Лозинский уверял: ничего подобного за рубежом не создадут в течение многих десятилетий.

Но во времена Ельцина двери всех наших самых секретных заводов и институтов были для американских консультантов (по большей части разведчиков) широко открыты, и, видимо, документация о «Спирали» стала им доступной. Даже возможно, что была продана ее хранителями. И вот 22 апреля 2010 года США запустили в космос космический беспилотный челнок-самолет X-37B, весьма похожий на наш бывший «Буран». Теперь США уже объявили, что имеют возможность безнаказанно наносить удары из космоса по любой точке планеты неядерным оружием (которое не подпадает под ограничения, установленные договором СНВ-3). Легко представить, насколько у США возросли возможности шантажировать весь мир! Бывший командующий военно-воздушными силами России генерал Дейнекин заявил, что России необходимо срочно создавать космическую оборону, адекватное противоружие. Но нынешняя Россия, сама уничтожившая свою науку и конструкторские коллективы мирового уровня, ничего этому новому американскому сверхоружию противопоставить не сможет.

Только теперь в России забили «воздушную тревогу»: «Лица, ответственного за суверенитет страны в воздушно-космическом пространстве, в России сегодня нет»... Мы потеряли более 300 супертехнологий в авиации и противоракетной обороне... эффективность защиты воздушного пространства существенно снизилась, даже над Центральным регионом страны... из 100 самолетов противника без воздействия ПВО могут пройти до 80». Такие угрожающие данные озвучили военные профессионалы — члены Вневедомствен-

ного экспертного совета по проблемам Воздушно-космической обороны (ВКО) РФ («МК», 14.05.2010). А если налетят не самолеты, а космические челноки?

То, что РФ признала поражение в «холодной войне» и, по сути, подписала акт о капитуляции перед Западом, вряд ли у кого вызывает сомнение. Но нашей общественности неизвестно, как выглядит этот акт о капитуляции, был ли он подписан или заключен на словах, но под солидные гарантии, какие ограничения были наложены на Россию. Но, по крайней мере, одно из этих ограничений очевидно.

В 1993 году Ельцину намекнули, что Россия может быть принята в НАТО, а значит, от друзей у нее не должно быть секретов. Россия должна уничтожить свои ракетные комплексы с разделяющимися боеголовками, каждый из которых (равный по мощности двумстам «хиросим») мог бы в дребезги разнести половину США (не говоря уж о Европе), А главное — их было невозможно уничтожить даже ядерным ударом (они находились в шахтах 40-метровой глубины), засечь радары при запуске и сбить в полете. И таких комплексов у нас было более 300. Запад буквально дрожал от страха, пока у России было такое оружие. Вот тогда независимость нашей страны была надежно обеспечена, и не только напасть на СССР, но и просто угрожать ему нападением могло только государство-самоубийца. Президент США Форд специально приезжал к Брежневу просить, чтобы СССР снял с боевого дежурства хотя бы одну такую ракету. Подписав договор СНВ-2, Ельцин распорядился все эти комплексы уничтожить, и министр обороны России Грачев доложил министру обороны США Чейни о выполнении этого распоряжения. Вместо них России разрешили иметь 90 «пукалок» (как их назвал Михаил Полторанин, который и предал гласности детали данного договора) «Тополь-М», которые нам демонстрируют на парадах. А это все равно, что махать кулаками после драки.

Может быть, отчасти поэтому власть старается особенно подчеркнуть, что нынешняя Россия — независимое государство и почти мировая держава, с мнением которой считаются при решении всех планетарных проблем. Юридически это правильно, поскольку РФ входит в Содружество Независимых Государств, наряду с Киргизией и Молдавией. Но в действительности может ли быть независимым государство, являющееся сырьевым придатком Запада и Востока, зависящее от поставок из-за рубежа продовольствия и медикаментов, ширпотреба и технологий, даже вооружения? Увы, РФ, по сути, остается криптоколонией, и национальную независимость ей еще предстоит завоевать.

В-четвертых, советчики, отмечая вопиющее социальное неравенство в России, невиданный в развитых странах разрыв между самыми богатыми и самыми бедными, все же не рискуют назвать наше общество классовым. Только все тот же М. Веллер, отвечая на вопросы радиослушателей, твердо произносит: «Наше общество классовое, капиталисты эксплуатируют наемных работников» и пр. Главное — не в том, что оно классовое, а в том, что оно антагонистически классовое и в нем происходит классовая борьба, которая, надо думать, скоро даст о себе знать во всю мощь. Конечно, это не старые классы, не буржуазия и пролетариат, как и не рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция. Но от этого их борьба не станет менее острой, набирающие силу общественные интернет-движения — это лишь первая ласточка. Но у советчиков не замечено ни малейшей попытки проанализировать новое классовое деление общества (а оно принесет немало сюрпризов как «правым», так и «левым», и породит такие проблемы, с какими мир еще никогда не сталкивался), выявить те силы, которые выходят ныне на острие прогресса.

Строго говоря, называть нынешнее российское общество классовым — пустая игра в термины. Как и до революции, под видом классового разделения в сильной степени происходит разделение геополитическое. Буржуй обязан играть по правилам глобального миропорядка, пролетарий мечтает о «славном Отечестве», сиречь о великой державе. (Возможно, и буржуй об этом может помечтать, но мечтать не вредно.) Вот почему это два еще более антагонистических класса.

А какую цену могут иметь ныне рекомендации, не учитывающие эту новую реальность?.. Значит, нынешние российские советчики — никакие не политологи, не аналитики, не прогнозисты, а интеллектуально развитые выразители обывательских взглядов, «пикейные жилеты». Все «научные обоснования» их рекомендаций можно свести к одной фразе: «Я так хочу!» Но главная их слабость — в том, что они представляют интересы тех общественных сил, у которых нет будущего.

Несколько слов о перспективах России

Если высшее руководство действительно намерено модернизировать страну, тогда ему придется учитывать (а всему народу — понять), что **ныне в России существует двоевластие**. Экономическая мощь, СМИ и пр. находятся в руках охарактеризованной выше советчиками правящей элиты (к тому

же ее поддерживает Запад). А некоторые властные рычаги — у президента и премьера, опирающихся на крайне узкий и пока еще слабосильный круг сочувствующих им. О соотношении сил этих двух субъектов власти можно судить по следующему примеру.

Первый заместитель губернатора и министр финансов Подмосковья Кузнецов, женатый на американке, сбежал в США, прихватив с собой два миллиарда долларов и повесив на область долгов еще примерно на такую же сумму (не говоря уж о том, сколько сверхсекретных сведений может передать американской разведке). Ныне он приобрел элитные дома в Нью-Йорке и скупает отели в Куршевеле, где встречается и с российскими «элитариями». Несмотря на разные сигналы, правоохранительные органы не спешили заводить по данному факту уголовного дела и сделали это только тогда, когда СМИ, по сути, устроили большой скандал. Однако расследование дела идет ни шатко ни валко, а главное — молчат об этом и губернатор Московской области Борис Громов, и президент, и премьер. Трудно предположить, чтобы они об этом вопиющем деле не знали. А не расследуют дело, видимо, потому, что Кузнецов воровал не один, и у него во власти весьма влиятельные покровители, которые в случае успешного расследования могут превратиться в подельников. Если верховная власть и хотела бы наказать Кузнецова и его сообщников, то, видимо, у нее руки коротки или связаны. Ну, и в чьих руках реальная власть и ведется ли реальная борьба с коррупцией? Тюрьмы переполнены преступниками мелкого масштаба, совершившими мелкие кражи, а вор, похитивший миллиарды долларов, как и его подельники, не осуждены. Прав был Салтыков-Щедрин, писавший, что для того, чтобы воровать, нужно обладать проворством и жадностью, но главное — жадностью, потому что за мелкую кражу можно попасть под суд.

Вот и сенатор Сергей Лисовский удивляется: «Чиновники, не стесняясь, носят часы за полмиллиона, иностранные компании сообщают суду, кому из них давали взятки, но все остаются на своих местах. Современного чиновника можно уволить, только если выяснится, что он младенцев ест по утрам. Все остальное — в пределах нормы. В государственных кабинетах появились люди, главная цель которых — набивать карманы. «Дербанить» страну» («МК», 24.04.2010).

Но ведь тогда выходит, что разговоры о борьбе с коррупцией носят ритуальный характер: достаточно лишь посмотреть на виллу, автомобиль и прочие атрибуты благосостояния почти любого высокопоставленного чиновника, сто-

имость которых несопоставимо высока по сравнению с его официальными доходами, чтобы без излишней волокиты отдавать его под суд. Рассказывал мне один советский государственный деятель, как Сталин, узнав, что один из заслуженных граждан построил себе излишне роскошную дачу, спросил его, что же он не приглашает в гости. А приехав и осмотрев дачу, сказал: «Неплохое помещение для детского сада». И уже через неделю переустройство дачи под детсад началось. Хорошо еще, что этому дачевладельцу не было предъявлено обвинение в трате на строительство казенных денег или материалов, иначе, конечно, дело выделением другого участка под дачу не обошлось бы.

Я не предлагаю президенту и премьеру поставить в свой график работы посещение вилл хотя бы нескольких самых высших чиновников, о непомерных тратах которых, по сравнению с их зарплатами, широко известно общественности. Порой спрашивают: почему бы не запросить данные иностранных банков о счетах российских чиновников? (Некоторые из этих банков сами предлагали прислать такие данные, однако государство эта информация не заинтересовало.) Но этот пассаж наивен в свете рассуждений о рынке и коррупции.

Предполагать, что лидеры страны заодно с коррупционерами, не хочется. Тогда, видимо, они хотели бы обуздать коррупцию, да не по силам им пока такая задача. Вот и получается: они ищут коррупционеров и не находят, а задачи борьбы с коррупцией подчас ставят как раз перед теми, кто в ней замешан.

Кстати сказать, и в борьбе с коррупцией надо знать меру. Если рассматривать каждую шоколадку, подаренную пациентом врачу или просителем чиновнику как взятку, карающуюся тюрьмой, то вся хозяйственная жизнь в стране будет парализована. А между тем, по свидетельствам авторитетных наших сограждан, именно так дело и обстоит. За взятку в виде коробки конфет уже заведено немало уголовных дел, тогда как многомиллионные «откаты» предметом уголовного расследования пока не стали. А ведь у коррупции есть объективные критерии, и ими не следует пренебрегать.

Но режим двоевластия не может быть прочным и продолжаться долго. В конце концов вопрос встанет остро: кто — кого? И исход этой борьбы еще не предreshен, о чем открыто говорил Путин.

Борьба эта — не пустые словеса, в ней сойдутся настоящие враги. Так, либералы гайдаровского призыва, распродавшие богатства России, — это были враги, и весь их курс

был вражеским. (Вспомним: предлагалось все наши значимые месторождения полезных ископаемых передать иностранцам для разработки на основе «соглашений о разделе продукции», что фактически означало для России, что она их лишается, да вдобавок и остается должна иностранным благодетелям, согласившимся присвоить ее ресурсы.) По таким преступлениям не может существовать срок давности.

С того момента, как коррупция превратилась в угрозу национальной безопасности, коррупционеры тоже становятся врагами. Эти собственники административного ресурса должны быть ликвидированы «как класс» (именно это выражение употребил Путин, обличая коррупционеров в Мурманске). Тут даже президент вынужден был признать, что, например, коррупционеры на Кавказе превратились в пособников террористов и сепаратистов, то есть во врагов народа и государства.

По радио России в рассказе о Параде Победы напомнили, что первым к подножию мавзолея был брошен штандарт Адольфа Гитлера, а последним — власовский триколор. Что это — случайное воспоминание или «оговорка по Фрейду»? Вскользь брошенная мысль о том, что вслед за восстановлением мелодии советского государственного гимна пора восстановить и Красное знамя в качестве государственного флага РФ?

Следовательно, перспективы России зависят именно от исхода этой борьбы, и они предстают в виде двух основных сценариев.

Если власть захочет и сумеет обуздать зарвавшуюся элиту (точнее, сменить ее), у России останется небольшой шанс на восстановление, на обретение мощи, на занятие достойного места в мировом сообществе. Но надо иметь в виду, что нажим на российскую элиту вызовет бурную негативную реакцию со стороны Запада (да и прочих сил, паразитирующих на наших ресурсах). Весьма вероятно, что против России введут разного рода санкции, Запад может опустить перед ней «железный занавес», хотя, к счастью, в современном мире есть еще и Восток, бывший «третий мир» и пр., так что в полной блокаде мы не окажемся (будем надеяться, что до попыток военного подавления нашей страны дело не дойдет). От народа России потребуются готовность противостоять давлению враждебных сил изнутри и извне, мобилизация всех ресурсов и громадные усилия для спасения страны.

Думается, тут не обойтись без использования разных сторон советского опыта, от которого российские лидеры шаркают, как известно кто от ладана. Неприязнь к советско-

му строю порой принимает воистину анекдотический характер. Так, президент ставит задачу создания системы отбора талантливых детей, подобную той, что существует «в других странах». А ведь лидеры этих самых «других стран», в частности, Джон Кеннеди, в качестве такой системы избрали... именно советскую.

В своем неприятии советского опыта президент зачастую хочет быть «святее папы». Ведь даже наследник российского престола великий князь Георгий Михайлович говорит: «В советский период в жизни нашего народа было много светлого и героического... Российский Императорский Дом уверен, что монархия — это современный и прогрессивный государственный строй, у которого есть будущее. Он способен к синтезу положительного опыта всех периодов нашей истории, в том числе и советского» («Завтра», №7, 2010). А глава Дома Романовых великий князь Николай Романович пошел еще дальше: «Россия не будет ни такой, какой была при Романовых, ни такой, какой она была при Советской власти. История состоит не из фрагментов, ее страницы не делятся на хорошие и плохие. Были чистки 30-х годов, нравится мне это или нет, но и эта история России — моя история. Первый человек в космосе — тоже моя история».

Мне кажется, что в такой установке президента сказывается то, что он — выходец из традиционно прозападной петербургской интеллигенции, «профессорский сын», жизнь которого проходила по стандарту: «студент — аспирант — доцент — преподавание», пока не попал в администрацию Собчака, но и там как юрист занимался преимущественно юридическим оформлением документов. И вот с таким академическим опытом Медведев оказался в администрации президента, затем в правительстве в качестве первого вице-премьера, откуда уже и перешел на высший пост в государстве.

Между прочим, Ленин, сам профессиональный юрист, соглашаясь с Бебелем, писал в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский», что юристы — это насквозь реакционные люди. Будем надеяться, что это относилось только к дореволюционным юристам. Но все же в деятельности президента явно просматривается уклон в сторону «юридизма», чрезмерная вера во всемогущество закона, которая в истории России неизменно посрамлялась.

К тому же наклонность президента к усвоению и внедрению в России западных либеральных ценностей часто представляется излишне пылкой, а их восприятие — некритическим. В связи с этим кажется нелишним напомнить некото-

рые высказывания нового предстоятеля Русской Православной Церкви Патриарха Кирилла, который считает, что западное общество переживает сейчас глубокий духовный кризис: «Там не было того атеизма, через который мы прошли. Там было внешнее благополучие, в том числе и благополучно выглядела религиозная жизнь, но в какой-то момент все стало рушиться. И вот это духовное обрушение основ жизни сегодня очень ослабляет западное общество, которое проходит тоже через стрессы, через переживания... И христиане на Западе, к сожалению, не всегда способны поддержать свой народ».

Патриарх Кирилл призвал российских дипломатов не унижаться перед иностранными наблюдателями и судьями. Он считает недопустимой оценку внешними силами жизни в России по чужим цивилизационным и культурным меркам. Он также выразил уверенность, что россияне будут слабыми и не смогут защитить свою страну, если им насаждать либеральные идеи.

По словам патриарха, российская внешняя политика достаточно долгое время была ориентирована на стремление «доказать сторонним наблюдателям, что мы хорошие мальчики, мы живем по тем же критериям, просто у нас есть некоторые недостатки».

«Дипломатия унижительно объясняла судьям, накладывающим собственный критерий на нашу ситуацию, что мы такие же, как они, мы такие же хорошие, и просто у них ошибочная информация, и нас неправильно поняли».

Патриарх считает, что критерий оценки, характерный для иной культурно-исторической среды, «не может быть непрекращаемым для оценки ситуации в России». В противном случае, неизбежно будут появляться обвинения в том, что в России «якобы существует угроза клерикализации» в документах, подобных ежегодным докладом Госдепа США о ситуации со свободой совести, отметил он.

Также патриарх заявил, что современный европеец, «ориентированный на успех, благополучие и комфорт», уступает той «пассионарной силе, под которой сегодня оказываются исламские общины в Европе». Он напомнил, что для мусульманских стран религиозный фактор в общественной жизни всегда играл первоочередную роль, тогда как в Европе ситуация обратная, и многие европейцы теряют «способность идти на подвиг, отдать свою жизнь за Родину».

«Если мы будем последовательно осуществлять либеральные идеи в общественном сознании... то на выходе мы также получим слабого человека, не защищающего ни Родину, ни

ближнего». Для такого человека характерной будет следующая логика: «Я плачу деньги, я плачу налоги, и пусть те, которые получают зарплату, Родину и защищают, а я пока уеду на Багамы».

Патриарх в особых симпатиях к советскому строю не замечен, но все же он судит о причинах революционных событий в России в XX веке более трезво, чем большинство нынешних российских политиков и политиканов:

«То, что произошло в то время с нами, есть наказание за грехи нашего народа. Элита общества, интеллигенция, те, кто владел умами людей, отвратились от Бога». В современной России даже трудно представить, с каким презрением относились к вере в среде интеллигенции в преддверии трагических событий. «Даже профессора университетов, те, которые сохранили веру, боялись сказать об этом коллегам... даже в духовных семинариях проходили забастовки и убийства преподавателей». Наказанием за этот грех стала революция и Гражданская война, и он был искуплен страданиями и кровью народа, пролившейся в XX веке («МК», 19.04.2010). Дело, как видим, не в кознях и интригах большевиков. Такова позиция Церкви, верным сыном которой президент стремится казаться.

Среди либералов распространена точка зрения, согласно которой Великую Отечественную войну выиграл не Сталин, а народ. Либералы с православным уклоном говорят, что Россию спас Бог. Я вполне с этим согласен, но с одним уточнением. Бог спас Россию не непосредственным Своим вмешательством, а через людей. И этими людьми оказались советские граждане во главе со Сталиным.

Хотя вряд ли Путина можно сегодня по-прежнему «без всякого преувеличения, считать успешным продуктом патриотического воспитания советского человека», каким он был по окончании средней школы, все же его отношение к СССР гораздо более взвешенное. Думается, в немалой степени потому, что он был из рабочей семьи, жившей бедно. В начальных классах школы считался хулиганом, даже, по его собственному выражению, «шпаной» (см.: «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным». М., 2000. С. 19, 39). Поэтому он назвал распад СССР величайшей геополитической катастрофой XX века, инициировал восстановление советской музыки государственного гимна РФ и пр.

Путин тоже юрист, но, если можно так выразиться, «юрист поневоле». Он с детства мечтал стать разведчиком, подобным герою фильма «Щит и меч», и, еще учась в 9-м классе, обратился в КГБ с просьбой принять его в ряды чекистов. Но

ему ответили, что там «инициативников» не берут, и посоветовали сначала получить высшее образование. Естественно, он спросил, какой факультет был бы наиболее предпочтительным для такой карьеры, и получил ответ: «юридический». Тогда, вдохновленный своей мечтой, он употребил все свои силы и способности на подготовку к вступительным экзаменам, подал заявление на юрфак ЛГУ, выдержал серьезнейший конкурс (около 40 человек на место) и был принят (там же, с. 25, 27).

Книга Вадима Кожевникова «Щит и меч» вышла в 1965 году, фильм по ней, естественно, был снят позже. Так что становление Путина происходило в 1970-е годы, когда антисталинская истерия хрущевцев уже сходила на нет, а усилиями Брежнева СССР восстановил стратегический паритет с НАТО. «У советских собственная гордость» тогда еще подпитывалась объективной обстановкой в мире, хотя «застой» уже начинал переходить в разложение. Медведев на 14 лет моложе Путина, и его юность пришла уже на эпоху ежегодно помиравших лидеров партии и государства и на горбачевскую капитулянтскую «перестройку», так что его негативное отношение к советскому строю объяснимо обстоятельствами личной биографии.

Устоять в предстоящей страшной всемирной борьбе мы сможем лишь при условии выработки новой идеологии, в основе которой будут лежать принципы равенства и социальной справедливости. А ельцинская Конституция запрещает существование государственной идеологии, то есть оставляет страну духовно безоружной. Власть пытается заменить идеологию Православием, что бессмысленно (это, помнится, популярно объяснял на страницах газеты «Завтра» упоминавшийся выше глава императорского дома Романовых). Не следует забывать и то, что религия учит пути достижения жизни вечной в потустороннем мире, идеология же — это средство достижения сугубо мирских целей. Новая идеология, когда она будет выработана, неизбежно окажется конфронтационной по отношению к Западу. Мы обострений отношений с ним не хотим, но всякая попытка освобождения от паразита всегда вызывает ожесточенное сопротивление с его стороны. И потому инициатором обострения будет сам Запад.

Я понимаю желание руководителей России устанавливать и поддерживать нормальные, чуть ли не дружеские отношения с лидерами Запада, но дружба с ними возможна лишь до тех пор, пока не задеваются их интересы. А они непременно будут задеты, и очень сильно, как только Россия заявит свои

права на свои собственные природные ресурсы и на самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. При всех условиях о быстром росте народного благосостояния мечтать не приходится, хотя некоторое улучшение возможно за счет «раскулачивания» олигархата и коррупционного чиновничества, которое, по словам Путина, подлежит ликвидации, «как класс».

Элите никакая мобилизация страны на борьбу за восстановление национальной независимости не нужна. Власти мобилизоваться не хочется, населению тоже. Но придется. Иначе России смерть.

Ведь если борьба с паразитической элитой не начнется или сведется к компромиссам с ней, то гниение страны продолжится и в очень скором времени Россия исчезнет с исторической арены (о чем также хорошо сказано в упомянутом докладе Г.Малинецкого). Будем надеяться, что в той или иной форме восторжествует первый сценарий, и Россия вновь обретет себя. На Западе одолеет левая идея, в России утвердятся новый советский строй, пройдя предварительно через стадию корпоративного государства. Тут не повредит призыв вспомнить опыт Веймарской республики и начать тайно готовиться к будущему реваншу.

О советизации РФ

Когда я говорю о возвращении советского строя в РФ, обычно законопослушный и благонамеренный читатель или слушатель воспринимает это с ужасом. Дескать, вот, опять завелись революционеры-подпольщики, которые готовы снова свергнуть страну в хаос революций и репрессий. Но у меня и мыслей подобных не было.

Советизация России уже идет и будет идти все быстрее, независимо от желания или нежелания власти или иных общественных сил. В обществе уже возобладало представление о том, что, какую бы отдельную сторону его жизни мы ни взяли, оказывается, что в советское время дела там обстояли лучше, чем обстоят теперь. Советская система образования была лучше ныне насаждаемой копии западной системы. Советские учебники были несравненно более качественны, чем нынешние. То же говорят и о системе здравоохранения, причем говорят авторитетнейшие медики страны. Академик Олег Богомолов признает, что производительность труда в нынешней России «ниже, чем в советское время, но в основном из-за того, что в постперестроечное время возник целый ряд паразитических структур, которые снижают по-

казатели в национальном масштабе» («ЛГ», № 19, 2010). Аналогично отзываются и о Вооруженных силах, и о милиции, и о преемниках (преемницах) КГБ, и о многом другом. Только люди не решаются от этих частностей перейти к общему выводу о бесспорном преимуществе советской системе, опасаясь, что их «не так поймут».

Приведу лишь несколько примет сегодняшней действительности, разных по масштабу и значению, которые уже воспринимаются общественным сознанием как проявления советизации.

А. Чубайс признал, что либералы из команды Гайдара проводили приватизацию, раздавая тем, кто был назначен олигархами, громадные куски государственной собственности практически бесплатно. Поступали так они потому, что их задача заключалась не в наполнении бюджета, а в создании класса собственников, чтобы сделать невозможным возврат к советскому строю. Каждое приватизированное предприятие Чубайс рассматривал как еще один гвоздь в крышку гроба коммунизма. Потом Чубайс провел реформу электроэнергетики, разрушив величайшее достижение СССР — Единую энергетическую систему страны (до чего США, например, и сегодня еще очень далеко). При этом законом были запрещены все попытки объединять разорванные части энергосистемы. Однако в условиях кризиса в Архангельской области и в ряде других регионов нашли лазейку в законе и стали объединять энергопредприятия на принципах государственно-частного партнерства. Как только этот почин получит распространение, начнется процесс воссоздания ЕЭС.

Создание в экономике вертикально организованных холдингов также вызывает память о сталинских наркоматах. Всякая, даже робкая попытка власти обуздать произвол олигархов в экономике или разгул насилия на телевидении вызывает в либеральной среде вопли о возвращении советского тоталитаризма. А государственное регулирование экономики все же усиливается, как и контроль над СМИ. В разных концах страны стихийно возникают добровольные народные дружины и тимуровские команды. И уж в последнюю очередь речь идет о новых памятниках Сталину и его соратникам, открытии музеев и установке мемориальных досок в их честь. А власть пришла в панику от одной лишь возможности появления на улицах Москвы плакатов с изображением Сталина.

Советизация будет идти не потому, что я этого хочу, а потому, что к ней будет вести любой шаг, направленный на преодоление нынешней разрухи. И проводить ее в жизнь будут руководители государства, даже если они на дух ее не принимают.

Моя деятельная жизнь до выхода на пенсию прошла в советское время. Я по своей работе еще встречался с последними представителями героического поколения советских людей, участвовавших в индустриализации страны, и с некоторыми видными государственными деятелями, принадлежавшими к когорте творцов экономической и военной мощи СССР. Сегодня никого из них уже нет в живых. И я думаю, что, будь они живы ныне, им многое не понравилось бы в нашей современной жизни. Не о таком будущем для страны они мечтали, не такое общество строили.

Я не идеализирую советский строй, зная, что идеального общества не было, нет и никогда не будет ни в России, ни где-либо еще на нашей планете (как и вообще в реальном мире идеальное невозможно). Люди несовершенны по своей природе (в религиозном смысле — это «падшие» существа), людские пороки, которые бичевались и в библейские, и в евангельские времена, не только сохранились до наших дней, но некоторые как раз сейчас и расцвели пышным цветом. Гомосексуалиста Библия приказывала побить камнями до смерти, а теперь в «демократических странах» проводятся гей-парады, геев венчают в церквах, их браки признают юридически законными, им позволяют усыновлять детей и пр., и скоро, видимо, подвергаться гонениям будут как раз люди традиционной сексуальной ориентации. И так во всем. Как из гнилого леса нельзя построить прочный дом, так и из несовершенных людей невозможно построить идеальное общество.

Человеческое общество принципиально иерархично. В любом обществе есть правящая элита (типа партхозактива или 500 семейств) и народная масса. Всегда элита пользовалась, пользуется и будет пользоваться определенными привилегиями, пока народ признает их характер и размеры справедливыми. Всегда элита стремится замкнуться в своем кругу, почувствовать себя «избранным меньшинством», «солью земли» и пр., оградить себя от проникновения в этот круг «чужаков», что порождает постоянную угрозу вырождения «элитариев» и особенно их потомков. Следовательно, неизбежны и социальные эксцессы того или иного масштаба на этой почве. Советское общество не было исключением и в этом отношении. И все же из всех попыток установить общественный строй, максимально приближенный к идеалам равенства, справедливости и ответственности, которых много было в истории, советский опыт был самым впечатляющим, хотя и несовершенным (и незавершенным).

Всегда в обществе будут силы, стремящиеся в будущее (оказывающееся на деле, как правило, далеко не таким свет-

лым, как представлялось романтикам), силы, которым и в настоящем хорошо, и силы, которые хотели бы вернуть жизнь в прошлое. Всегда будут сосуществовать «просвещенное меньшинство», «средний (во всех отношениях) класс» и грубая, невежественная публика, которой наплевать на всякое просвещение. А потому всеобщая гармония и бесконфликтное общество были и останутся мечтой идеалистов.

Точно так же не идеализировал я и Сталина. В его деятельности было много ошибочного, но только критиковать его нужно вовсе не за то, за что его обливают помоями либералы. Превратить отсталую страну в передовую промышленно развитую — это подвиг, не имеющий аналогов в мировой истории, это спасение страны, которая иначе давно бы стала добычей империалистических хищников. И эта задача была решена всего за 10 лет, что потребовало проведения форсированной индустриализации, а она была невозможна без коллективизации села.

Говорят, что за ее решение была заплачена слишком высокая цена. Хотел бы я посмотреть, как ее решил бы, без жертв и лишений народных, любой из нынешних критиков Сталина.

Индустриализацию и коллективизацию приходилось осуществлять, преодолевая сильнейшее сопротивление как неистовых «сторонников мировой революции», так и приверженцев политики «врастания кулака в социализм». В этой борьбе Сталин и его сторонники в Политбюро («узкий круг руководства», по терминологии историка Юрия Жукова, получившего доступ к ранее секретным архивам Политбюро) часто оказывались на грани смещения со своих постов, поскольку в составе «широкого круга руководства» (ЦК, НКВД, партхозактив разных уровней) большинство принадлежало их противникам. Не раз Советская власть висела на волоске. Это была классовая борьба, прямое продолжение Гражданской войны, и репрессии там были неизбежны — как для обеспечения победы сталинцев, так и в случае, если бы верх одержали их противники (только масштаб их был бы еще большим).

Известно, что в стране сложилась такая обстановка, когда миллионы граждан, руководствуясь самыми разными побуждениями (как идейными, так и корыстными или карьеристскими), писали доносы на врагов и конкурентов, что и обусловило массовый характер репрессий, за что вину возлагать на Сталина было бы неправильно.

А вот действительная вина (или беда) Сталина была в том, что он не был идеологом, теоретиком, который мог бы совершить идейный прорыв в мировоззрении и отбросить марк-

сизм, уже ставший гирей на ногах становящейся русской советской цивилизации. Сталин до конца жизни оставался приверженцем коммунизма, я мог бы привести убедительные тому доказательства, но это выходит за пределы данной работы. (Частично об этом сказано в главе «Прозрения и просчеты Иосифа Сталина» в уже упоминавшейся книге «Капитализму в России не бывать!».) Не понимая этой задачи, Сталин слишком много перенес в советскую действительность из наследия дореволюционной России. Он стал не столько собирателем, сколько «приобретателем» земель, стран, цивилизационно чуждых России, которые всегда стремились стать «своими» на Западе и в конце концов там и оказались.

Став в начале 1950-х годов научным работником, а потом писателем-публицистом, я много ездил по стране, и в своих статьях отмечал многие недостатки советского строя, нашей тогдашней плановой экономики, ее гримасы и извращения. О них я упоминал в статье «Заметки недовольного», напечатанной (со значительными сокращениями) в «Литературной России» (№9, 2009). Бывал я и в колхозах — и в передовых, председатели которых носили звезду Героя Социалистического Труда, а порой и две. И в едва выбивавшихся из отсталости, где люди только начинали получать более или менее приличное вознаграждение за свой труд. Словом, я не отрицаю, что в советской жизни было много недостатков и нерешенных проблем. Но все же многие стороны жизни нынешней России выглядят несравненно хуже. Добавлю буквально несколько строк к тому, что уже было сказано выше советчиками.

В городах, по сути, уничтожена промышленность, царит безработица. Наемные работники оказались в зависимости от работодателей, которые начинают уже покушаться на такие социальные завоевания трудящихся, как 8-часовой рабочий день. В селах нередко крестьян лишали земли земельные спекулянты, либо продававшие ее под застройку коттеджами новой элите, либо ожидающие, когда она подорожает и ее можно будет выгодно перепродать. Такой колоссальной разницы в доходах, как сегодня, история России после 1917 года не знала. Неслыханно снижается уровень грамотности, причем все это не случайные явления, а сознательно осуществляемые либеральными реформаторами. Наркомания, проституция и другие пороки приобрели невиданное и неслыханное ранее распространение.

Но это не отменяет того факта, что советизация — это генеральная линия (или, как говорят интеллектуалы, «мейнстрим») развития России. И относительно этой линии все по-

литики, политологи, политические партии, аналитики, советчики, — «правые» (не в смысле «правильные» или «праведные», а в смысле «реакционные») силы. Это — сплошной «Союз правых сил», разделенный на ряд борющихся между собой за влияние фракций. Революция, конечно, нужна, но это будет революция в головах. Что последует за ней — это зависит от того, насколько упорным будет сопротивление отживших сил.

Мешает делу то, что ныне в СМИ и в заявлениях видных политиков деятельность целых поколений советских людей и тогдашнего руководства страны объявляется бессмысленной, а порой и преступной. А ведь пока современная Россия живет (и это признают ее высшие руководители), проедаая советское наследство, а своего ничего сравнимого с достижениями того периода не создала. А что касается руководителей страны, то стоит лишь представить себе, что было бы со всеми нами, если бы в июне 1941 года во главе государства стояли не тогдашние вожди, а Горбачев, Ельцин (далее по выбору).

Мои критики не без основания могут сказать, что я — человек прошлого. Это так. Но если учесть, что Россия пойдет по пути советизации, то столь же определенно можно считать, что я — и человек будущего, чего никак нельзя сказать о моих оппонентах и критиках.

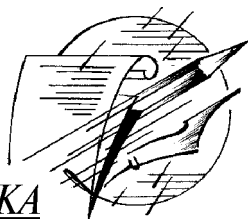
ЖАРА И КЛИМАТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Наследие «холодной войны»

Сокрушительный зной, обрушившийся прошедшим летом на Россию, побил все возможные рекорды. А лесные и торфяные пожары, вызванные по большей части аномальной жарой, стали настоящим бедствием для многих российских районов, оставив после себя тысячи гектаров уничтоженных зеленых легких страны, десятки сгоревших деревень и сел, сотни и сотни лишившихся крова людей.

Все это породило множество версий с объяснениями причин возникновения природного катаклизма. Среди них весьма широкое распространение получила и версия о том, что тепловой удар по России нанесли Соединенные Штаты, испытывая свое климатическое оружие. Кстати, точно так же в 2005 году за океаном обвиняли нашу страну в том, что она с помощью разработанного еще в Советском Союзе секретного климатического оружия, основанного на принципе электромагнитного генератора, вызвала и направила в сторону Америки ураган «Катрина», нанесший огромный ущерб штатам Новый Орлеан и Луизиана.

Естественно, ни в том и ни в другом случае каких-либо конкретных примеров в подтверждение этих версий не приводилось, а все их авторы выстраивали

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

и строят свои предположения и умозаключения на основании имеющихся фактов о шедшей в ходе «холодной войны» подготовке к использованию в будущем принципиально новых видов оружия. Считалось, что их применение может привести к достижению важнейших политических и экономических целей без непосредственного соприкосновения войск противостоящих сторон и без ведения боевых действий в их традиционном понимании.

Одним из таких средств и должно было стать геофизическое оружие, которое, в свою очередь, подразделяют на метеорологическое, климатическое, озонное и магнитосферное. Каждое из них, действуя на определенные сферы природной среды, должно было вызывать стихийные бедствия (землетрясения, ливни, цунами и т. п.), а также разрушение озонового слоя атмосферы, предохраняющего животный и растительный мир от солнечного излучения. При необходимости геофизическое оружие должно полностью парализовать гражданские и военные электронные системы слежения и управления, в том числе связь в масштабах любой страны, и даже активно влиять на психику целых народов. Считается, что применение этого оружия противник не сможет обнаружить и уж тем более осознать. И это позволит обойтись минимальными затратами и не задействовать вооруженные силы и обычное оружие.

Первыми начали Соединенные Штаты

Пальма первенства, явно не почетная, в разработке и создании геофизического оружия, как и других средств массового поражения, принадлежит Соединенным Штатам. Еще в 1958 году представитель Белого дома заявил, что департамент обороны «изучает возможности манипулирования состояниями земли и неба, таким образом изменяя погодные условия». А в августе того же года американцы провели первый ядерный взрыв на высоте семидесяти километров, вблизи нижней границы ионосферы, который дал непредвиденный результат.

По первоначальному замыслу электромагнитный импульс взрыва должен был сжечь всю электронику в радиусе нескольких сотен километров — этот эксперимент проводился в интересах изучения возможности прорыва советской ПВО. Однако космический ядерный взрыв вызвал устойчивое ионосферное возмущение, которое не только надолго нарушило радиосвязь на расстоянии многих тысяч километров, но в Южном полушарии, на архипелаге Самоа, в трех с поло-

виной тысячах километров от атолла Джонстон в Тихом океане, над которым проводился взрыв, в дневном тропическом небе вдруг вспыхнуло яркое «полярное сияние». Оказалось, что заряженные частицы, рожденные ядерным взрывом, устремились вдоль магнитной линии, которой связаны Самоа и Джонстон, в так называемые магнитно-сопряженные области, в противоположное полушарие и прожгли дыру в ионосфере Земли.

Вслед за этим испытанием последовали еще два — «Аргус» и «Старфиш». В ходе «Аргуса» было проведено три ядерных взрыва в космосе с целью изучения их воздействия на природу. Их результатом стали целые серии климатических катастроф на Земле, продолжавшиеся несколько лет. Во время «Старфиш» было проведено два взрыва — однокилотонный на высоте 60 км и одномегатонный — на высоте нескольких сотен километров. На этот эксперимент Земля «ответила» землетрясением на Аляске, которое измерялось в 8,5 балла по шкале Рихтера, и сползанием в океан большей части побережья в Чили.

Испытывал Пентагон геофизическое оружие и в боевых условиях. Это произошло во Вьетнаме, где одна за другой были проведены операции «Шпинат», «Римский плуг» и «Рука фермера».

Операция «Шпинат» проводилась в течение пяти лет и включала обработку облаков над Вьетнамом особыми реагентами, вызывающими обильные ливни, с целью уничтожения рисовых полей, а также так называемой тропы Хо Ши Мина — пути снабжения южновьетнамских партизан оружием и снаряжением. Результат проведения «Шпината» — тысячи километров заболоченной, непригодной для жизни и земледелия земли. Во время проведения операций «Римский плуг» и «Рука фермера» 200 бульдозеров со специальными ножами сняли верхний слой почвы, а особые реагенты вызвали «красные дожди», на долгие годы превратившие 65 тысяч квадратных километров страны в выжженную землю. Для верности над этой территорией распылили еще и 90 тысяч тонн гербицидов.

В 1969 году на острове Эспаньола, принадлежащем одновременно Гаити и Доминиканской Республике, Пентагоном был практически проверен проект «Яростная буря», разрабатываемый с целью управления ураганами. С помощью йодистого серебра и углекислоты было проведено «тушение урагана» — резкое уменьшение его интенсивности и изменение направления движения в сторону Панамы и Никарагуа. По мнению специалистов, этот эксперимент доказал реальность

управления ураганами. На создание геофизического оружия нацеливал и доклад ЦРУ «Потенциальные последствия тенденции в мировом населении, производстве продовольствия и климате», который был обнародован в 1975 году. В докладе говорилось, что искусственное изменение климата в СССР, Китае и ряде слаборазвитых стран «предоставит США степень власти, которой доселе они никогда не обладали». А Збигнев Бжезинский примерно в это же время в своей книге «На рубеже двух веков» предсказывал: «Технология даст лидерам великих держав методы ведения тайных войн, для которых не потребуются спецвойска... технологии влияния на погоду смогут вызвать продолжительную засуху или ураганы...»

Естественно, СССР не мог не учитывать ведущиеся в США работы по созданию геофизического оружия. Он вынужден был разрабатывать контрмеры. Как правило, большинство из них носили двойное назначение — раскрытие от туманов и низкой облачности аэродромов, акваторий портов, вскрытие ледового покрова. Но были и целевые — изучение возможности противодействия вероятному противнику, как в то время принято было говорить, через погоду, изменяя ее электронными и оптическими средствами, спутниковыми системами. Утверждается, что для этого в СССР была создана собственная система «управления погодой», получившая название «Дятел».

Информация об успешных советских опытах по изменению погоды вынудила США пойти на подписание в 1977 году Конвенции «О запрещении военного или иного использования средств воздействия на природную окружающую среду». Она предписывала странам-участницам воздержаться от военных или иных модификаций погоды, которые могут привести к широкомасштабным и длительным изменениям атмосферных процессов. Вместе с тем конвенция не препятствовала использованию средств воздействия на природную среду в мирных целях. А под эту сурдинку можно было разрабатывать все что угодно.

И здесь появляется «ХААРП»

Поэтому довольно скоро в США появился проект под безобидным названием «Программы активного высокочастотного исследования авроральной (полярной) области» — High Frequency Active Auroral Research Program (HAARP — «ХААРП»). Для его реализации на Аляске, в 450 километрах от Анкориджа, в местечке Гакона в безлюдной долине, прикрытой горами, среди тайги началось строительство сверх-

секретного объекта. Его обнесли колючей проволокой, периметр стали охранять вооруженные патрули морской пехоты, а воздушное пространство над ним закрыли для всех видов гражданских и военных самолетов. После событий 11 сентября 2001 года вокруг объекта были установлены и противозвудушные комплексы.

Сегодня здесь на полутора десятках гектаров земли находится мощная газовая электростанция, шесть дизель-генераторов и поле с установленными на нем 180-ю 22-метровыми антеннами и 360 радиопередатчиками. Антенное поле и электростанцию соединил прямой, как стрела, отрезок широченной автострады, используемый в качестве взлетно-посадочной полосы. Излучение этой системы превышает мощность естественного излучения Солнца в диапазоне 10 мегагерц на пять—шесть порядков. Соответственно и наносимый ею ущерб тоже будет больше во столько же раз.

Так, утверждается, что эта мощность и направленные в зенит антенны позволяют фокусировать импульсы коротковолнового излучения на отдельных участках ионосферы и разогревать их до образования высокотемпературной плазмы. И это можно использовать для того, чтобы изменять климат в том или ином регионе планеты, вызывать, в частности, торнадо, засуху или наводнение.

Однако это лишь одна грань технологии «ХААРП». Считается, что лучи антенных сооружений будут затем отражены от ионосферы обратно на Землю как электромагнитные волны чрезвычайно малой частоты (ELF). А они способны проникать в мозг людей и животных, предотвращая любое их движение или защитную реакцию. Волны ELF могут использоваться для точного отслеживания и обнаружения ракет, самолетов и других летательных аппаратов на другой стороне планеты, а также решать другие задачи.

В принципе это признает и один из идеологов «ХААРП» Бернارد Истлунд, который еще в начале строительства объекта говорил: «Есть данные, что с помощью нагрева ионосферы можно изменять, скажем, розу ветров на больших высотах. А значит, «ХААРП» способен до некоторой степени влиять и на погоду». Позже он уже заявлял более открыто, что «антенное сооружение на Аляске в действительности — громадное лучевое оружие, способное уничтожить не только все сети связи, но также ракеты, самолеты, спутники и многое другое. Оно способно вызывать желательные и нежелательные последствия, включая климатические катастрофы по всему миру или как минимум в некоторых регионах, и смертоносное космическое излучение в определенных районах, от которого нет защиты».

Поскольку магнитный полюс Земли смещен в сторону Канады, а значит, и Аляски, «ХААРП» оказывается расположен под самым куполом магнитосферы. И это положение иначе как стратегическим не назовешь. Развертыванием комплекса и исследованиями на нем занимается «лаборатория Филипс», расположенная на базе ВВС США в Кэртленде, штат Нью-Мексико. Ей подчинены лаборатории астрофизики, геофизики и средств поражения Центра космических технологий военно-воздушных сил США.

И это не единственный такой объект у американцев. В Тромсе (Норвегия), также в субполярной области, находится «ЭЙСКАТ», который, правда, по мощности в три раза меньше, чем «ХААРП». Еще менее мощный — «СПИЭЙР» — расположен на архипелаге Шпицберген. Сообщается, что еще один излучатель планируется возвести в Гренландии.

Следует отметить, что и в Советском Союзе был создан комплекс, аналогичный «ХААРП». Он получил наименование «Сура» и расположен в 150 километрах от Нижнего Новгорода. На этой совершенно уникальной установке, по мощности в 15 раз уступающей американской, были получены крайне интересные результаты поведения ионосферы, в том числе открыт эффект генерации низкочастотного излучения при модуляции ионосферных токов, названный позднее по имени основателя стенда «эффектом Гетманцева». На первых порах исследования на «Суре» финансировались в необходимой мере, но после развала СССР такие работы прекратили финансировать.

Сейчас «Сура» принадлежит Научно-исследовательскому радиофизическому институту, одному из ведущих НИИ СССР. К сожалению, из-за недостаточного финансирования он представляет собой несколько проржавевший и потрепанный, но все еще функционирующий стенд. На площади в 9 гектаров стоят ровные ряды 20-метровых антенн, поросших снизу кустарником. В центре антенного поля расположен огромный рупор-излучатель — с его помощью ученые изучают акустические процессы в атмосфере. На краю поля — здание радиопередатчиков и трансформаторная подстанция, чуть вдалеке — лабораторный и хозяйственный корпуса.

После ввода в строй «ХААРП» было отмечено появление катастрофических наводнений в Германии, Франции и Чехии, смерчей у берегов Италии, где подобных природных катаклизмов никогда ранее не бывало. Они дали специалистам и экспертам основание для предположения, что это стало следствием испытания американцами геофизического оружия. Кстати, и на счет урагана «Катрина» высказывалось мне-

ние, что его появление вызвал неудачно проведенный эксперимент на «ХААРП».

В феврале 1998 года комитет Европарламента по международным делам, обороне и безопасности направил в Вашингтон официальный запрос, требующий независимой международной экспертизы НААРР. Но Вашингтон ответил выразительным молчанием. Точно так же он отреагировал и на позицию Государственной Думы РФ, обнародованную в 2002 году. В прошлом году Российский государственный метеорологический университет обратился к научным структурам США с просьбой содействовать получению материалов о проекте «ХААРП», мотивируя ее возможными разрушительными последствиями от деятельности станции при полном отсутствии контроля со стороны международных структур. И опять тот же результат.

В то же время Мишель Чосудовский, профессор экономики из Оттавского университета (Канада), изучивший официальные документы военного ведомства о программе «ХААРП», не сомневается в том, что это настоящее оружие и оно готово к действию. «Существуют недвусмысленные заявления представителей ВВС США о том, что технология изменения климата уже разработана, — утверждает он. — Заявлять, что «ХААРП» имеет хоть какое-то применение невоенного характера, — значит грешить против истины. Не думаю, что ее можно использовать в мирных целях. Это оружие массового поражения, способное вызвать серьезные изменения климата. Особое изящество проекта заключается в том, что враг может вообще не догадаться, что против него применялось оружие».

Эксперименты продолжаются

Между тем параллельно системе «ХААРП» и на других объектах в США велись и, надо полагать, продолжают вестись работы по изучению возможностей воздействия на климат, созданию соответствующего оружия. Так, с 1968 года и до сегодняшнего дня в 50 км от города Фэрбанкс (штат Аляска) действует исследовательский центр Покер Флэт. Сообщалось, что только в 1994 году здесь было проведено 250 запусков ракет, начиненных различными химическими реагентами, для того, чтобы понять, как можно вызвать глобальные климатические изменения.

В 1980 году в ходе выполнения «проекта Ватерлоо» этим центром было разрушено северное сияние. А в феврале 1983 года он запустил две ракеты «Блэк Брант-Х» и две ракеты

«Найк Орион», которые на больших высотах выпустили барий и создали искусственные облака. Эти облака наблюдались от Канады вплоть до Лос Аламоса в Нью-Мехико.

Из открытых источников информации также известно, что Пентагоном разрабатывается геофизическое оружие более локального и краткосрочного действия. Например, для провоцирования ливней, образования наводнений и затоплений территорий с целью затруднения передвижения войск и тяжелой техники противника. Или для рассеивания облаков в районе бомбометания в интересах обеспечения прицеливания по точечным целям. В качестве примера действия этого оружия приводится война в Югославии. В частности, белградская газета «Политика» писала: «Вечером 5 апреля небо над Нисом было обложено, мы ждали, что вот-вот польет дождь. Донесся гул самолета, после чего небо вдруг покраснело, облака начали сворачиваться и исчезать, выглянуло солнце. В ту ночь Нис разбомбили. Вечером следующего дня то же самое повторилось над Неготином и Праховым».

В 1996 году в США был опубликован доклад «Погода как умножитель силы: подчинение погоды к 2025 году», выполненный по заказу ВВС. По сути, он стал программой действий США по подготовке к ведению климатической войны. В ней, в частности, говорится: *«Делая аэрокосмические силы США «хозяевами погоды» с помощью соответствующих технологий и концентрируя исследования на их военных применениях — от поддержки собственных операций до срыва операций противника и от локальных воздействий на местные погодные условия до установления глобального господства в средствах связи и противодействия космической разведке, методы воздействия на погоду создают широкие возможности для поражения и принуждения противника. Поэтому для США технологии воздействия на погоду, скорее всего, станут составной частью политики национальной безопасности, включая как внутренние, так и международные аспекты. И правительство, исходя из наших интересов, должно проводить такую политику на всех уровнях».*

В связи с этим авторы доклада рекомендуют Вашингтону выйти из Конвенции «О запрещении военного воздействия на окружающую среду» и подчеркивают, что по своему значению климатическое оружие произведет в мире такой же переворот, как первые атомные бомбы.

Следует также отметить, что над разработкой геофизического оружия работают еще ряд стран. Например, по данным, которые приводит автор книги «Климатические войны» Джерри Смит, Китай тратит 40 млн. долларов ежегодно и со-

держит штат из 35 тысяч человек, чтобы «вызывать дождь» для спасения посевов от засухи или града. А газета «Индепендент» писала в 2001 году, что и британское министерство обороны готовится к климатическим войнам. В средствах массовой информации утверждалось, что аналогичная подготовка ведется в Израиле, Японии и Южной Корее.

Что же касается аномальной жары, которая нынешним летом охватила центральные районы России, то у специалистов и ученых нет пока единой точки зрения на то, что ее спровоцировало. Большинство из них сходятся во мнении, что причиной долгой жары стал гигантский антициклон, зависший над европейской частью России и насыщавший атмосферу раскаленным воздухом из Средиземноморья и Центральной Азии. И что раньше такие циклоны никогда не наблюдались. А вот в объяснении причин, его породивших, разброс мнений велик.

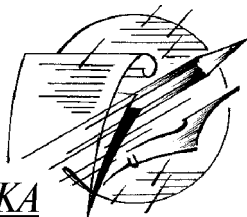
ОПЫТ «ИННОВАЦИОННОЙ ОПРИЧНИНЫ» 1945—1953 гг.

Почему в 1953-м — вслед за Сталиным — убит Лаврентий Берия? Не потому ли, что созданная под его руководством модель «инновационной опричнины» обеспечила реальный прорыв в развитии СССР, став опасной и для безответственной партбюрократии, и для могущественных владык Запада? Ответы на эти вопросы искали участники семинара в Институте динамического консерватизма.

ВСЕ-ТАКИ — УБИТ

Все началось с обсуждения новой книги Арсена Мартиросяна «Сто мифов о Лаврентии Берия». Один из его выводов: Берия погиб сразу же, в ходе так называемого ареста. А официальная версия о том, что Лаврентий Павлович (далее — Л.П.) сначала был арестован 26.06.53, потом полгода содержался в тюрьме, а потом был осужден и казнен 23 декабря 1953-го — ложь от начала и до конца. Убийцей Л.П. стал его первый заместитель по Министерству госбезопасности (МГБ) СССР Сергей Круглов. С.Круглов в свое время создал специальную группу (11-й отдел), которая ворвалась на охраняемый объект и застрелила Берию.

Операция была организована так: Круглов позвонил Берии, сказав о том, что ему сейчас фельдпочтой в особняк

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

на Качалова доставят секретные документы. (В деле, как пред-полагает А.Мартirosян, принимал участие и Саркисов — начальник охраны Берии. Ибо Саркисов оказался единственным из ближнего окружения Л.П., который не был рас-стрелян после переворота 1953 года.) Вместо курьеров при-ехали спецназовцы из Балашихи (тот самый 11-й отдел). Они застрелили и Берию, и троих его телохранителей. После Круг-лов моментально объявил себя и.о. министра (объединенного ведомства внутренних дел и госбезопасности) и «зачистил» всех опасных для себя людей Л.П. Но не тронул сначала тех, кто сидел на канале связи с Западом: Судоплатова и Эйтин-гона, например...

ТАЙНА ПОСЛЕВОЕННОГО ПРОРЫВА

Директор Гражданского центра прикладных исследова-ний Сергей Горяинов (в 1980-е годы — сотрудник академи-ка Анатолия Басистова, главного конструктора противо-ракетной обороны Советского Союза в ОКБ «Вымпел») счи-тает: именно Л.Берия стал автором беспрецедентного науч-но-технического, инновационного прорыва Советского Союза в 1945—53 гг. Ни до, ни после в нашей истории не было ничего подобного.

К марту 1953 года член Политбюро Л.П.Берия не был ше-фом госбезопасности страны, он работал заместителем пред-седателя правительства (вице-премьером, если говорить ны-нешними терминами), возглавляя так называемый Спецко-митет (СК) при Совмине СССР. В составе СК действовали три управления — Первое (ядерное оружие, атомные энерге-тика и промышленность), Второе (ракетная техника) и Тре-тье (высокоточное оружие той поры — электроника, радары, зенитно-ракетные комплексы, управляемые ракеты). Спец-комитет функционировал как параллельное (опричное) пра-вительство развития, де-факто не подчинявшееся обычному, бюрократическому правительству (Совету Министров). Структура СК была уникальной: в его состав входили и не-которые части Минобороны, и подразделения разведки (не-которые отделы Информационного комитета МИД СССР), предприятия и институты разных министерств (например, тяжелой промышленности или сельхозмашиностроения). При этом такие структуры де-факто не подчинялись своим министерствам, управляясь прямо из СК. Министры, кото-рым формально подчинялись все эти структуры, на самом деле понятия не имели о том, что там делалось. И права спро-сить об этом министры не имели!

При этом, как убедительно показал С. Горяинов, сам СК выгодно отличался от обычных бюрократических, громоздких, иерархических ведомств как той, так и последующих эпох (о нынешних министерствах РФ и говорить не приходится.) Работу Спецкомитета организовали небюрократическим (делократическим) способом. Здесь практиковались горизонтальные связи (по сути дела, сетевые, межведомственно-междисциплинарные принципы организации проектов), подбирались кадры фантастической работоспособности, применялся метод награждений по достигнутым конечным результатам.

Результат оказался налицо. СССР в рекордные сроки (в 1949-м) создал ядерное, а затем (1953 г.) — и термоядерное оружие. Позже, когда СК распустили, а его рабочие структуры раздали по обычным бюрократическим ведомствам, инерция бериевского ускорения оказалась настолько велика, что страна раз за разом демонстрировала фантастические прорывы. 1954 г. — пуск первой в мире АЭС. Успехи в строительстве электронной промышленности, в создании первых ЭВМ — компьютеров. Ввод в строй пояса зенитно-ракетной обороны Москвы — системы С-125 «Беркут» (Берия-младший и Куксенко), способной сбивать не только реактивные «летающие крепости», но и сбрасываемые ими на парашютах ядерные бомбы (межконтинентальных ракет у США тогда еще не имелось). 1957-й — запуск в космос первого в мире спутника первой в мире баллистической ракетой Р-7, способной доставить ядерную боеголовку из Евразии в Северную Америку. 1960 год — первое в мире успешное применение зенитно-ракетного мобильного комплекса С-75, уничтожившего высотный самолет-разведчик США U-2 (дело Пауэрса). 1961 год: первое в мире испытание системы противоракетной обороны (Кисунько). Его ракета В-1000 уничтожила «баллисту»-цель, по сути дела попав пулей в пулю. США подобное сделали лишь в 1984-м. И в том же 1961-м СССР первым в мире запускает в космос пилотируемый корабль с Юрием Гагариным на борту. В те же годы страна овладевает управляемым тактическим ракетным вооружением (в воздухе, на суше и на море), приступает к строительству атомного подводного флота и сверхзвуковой авиации. Любопытная деталь: именно СССР в 1950-е строит первый в мире успешный реактивный пассажирский лайнер — Ту-104, показывает успехи в компьютеростроении и создании АСУ — автоматизированных систем управления.

Нетрудно заметить, что успех всех этих проектов прямо вырастает из «кадки» Спецкомитета Лаврентия Берии. Поз-

же (несмотря на бюрократизацию процесса, ведомственный бардак и проч.) птенцы «гнезда Бериева» сумеют создать и ПРО Москвы, и систему раннего предупреждения о ракетном нападении на СССР, и истребители вражеских спутников, и систему морской спутниковой разведки и целеуказания (МРКЦ) «Легенда» — Савин, Басистов и т.д. (Добавлю к этому противокорабельные крылатые ракеты Челомея и других, орбитальные станции «Алмаз» и «Салют», тяжелые многозарядные ракеты-межконтиненталки «Сатана/Воевода», ядерные ракетные двигатели, электрореактивные космические двигатели. — М.К.).

По мнению Сергея Горяинова, если бы Спецкомитет не расформировали после убийства Лаврентия Берии, то страна начала бы пилотируемые космические полеты уже в конце 1950-х, а первая в мире система противоракетной обороны возникла бы уже в 1960-е годы. По мнению автора этих строк, в таком случае развилась бы — с 1966 года — авиационная многоэтажная космонавтика с воздушным стартом (Микоян и Лозино-Лозинский, система «Спираль»).

ВРЕМЯ АСИММЕТРИЧНЫХ ОТВЕТОВ

Автор этих строк на том же семинаре дополнил С.Горяинова. Действительно, время работы «опричного» Спецкомитета и несколько последующих лет — время на редкость умных ходов СССР в гонке вооружений. Именно тогда мы эффективно применяем относительно недорогие ходы, сводящие на нет многомиллиардные военные проекты Запада. В последующем такого уже не было, экономично-инновационный подход убирается на второй план. Высшее политическое и военное руководство СССР переходит к самоубийственной, идиотской практике зеркального копирования того, что делается в Соединенных Штатах. Невзирая на затраты. Тем самым американцы получают возможность втянуть нас в заведомо проигрышную гонку оборонных затрат (они-то богаче!), заодно подкидывая Кремлю «дезу» о перспективных фантастических проектах вооружений. Тем самым усугубляя экономические трудности Советского Союза. В конце концов сей идиотизм приведет к горбачевскому позорищу.

Зато в годы «инновационной опричнины» Берии и в первые годы ее инерции (при Хрущеве) СССР вместо того, чтобы строить «зеркальное отражение» американских воздушного и океанского флотов (армады дорогих многомоторных «летающих крепостей» и еще более дорогих авианосцев), делает ставку на сравнительно дешевые межконтинентальные

ракеты, на зенитно-ракетные комплексы и самолеты-перехватчики, на морскую ракетноносную авиацию с крылатыми самолето-снарядами — убийцами авианосцев. То есть, на пресловутые асимметричные ответы.

В отличие от советских верхов после Сталина Берия мог правильно распоряжаться информацией. А вот позднесоветские верхи довольно легко поддавались манипуляции. И «грозный» Андропов в данном случае ничего не делал.

БРОСИВШИЙ ВЫЗОВ

— Итак, Берия, создав революционно-новую, опередившую свое время систему Спецкомитета и добившись быстрых успехов в создании новой мощи СССР, нарушил планы могущественных сил, — продолжил Сергей Горяинов. — Считается, что передача научных, технологических и даже инженерных разработок по атомной проблеме с Запада в Советский Союз — успех нашей разведки. Что наши героические агенты завербовали ведущих западных ученых. Похитили важнейшие секреты, да еще в условиях противодействия западных разведок и т.д.

Это — версия для публики. Американцы знали о перекачке секретов и даже санкционировали ее. Неформально, конечно. Советский Союз решением влиятельных англосаксонских клубов должен был стать ядерной державой. СССР должен был получить те виды оружия, которые Берия разрабатывал в своем СК, но в определенное время. Гораздо позже. Так, чтобы Союз стал «жупелом коммунизма», на который они, англосаксонские клубы, могли бы дальше опираться в своей политике. Это был «программируемый противник».

Но Берия понимал, кто выступает истинным заказчиком этого проекта. Создав структуру, опередившую время, он смог добиться того, что по скорости изготовления и ядерных зарядов, и баллистики, и систем ПВО (автоматически перераставших в систему противоракетной обороны), мы обставили заказчиков этого проекта с Запада. Чудеса Л.П. вызвали на Западе сильный испуг. А если эти русские и дальше понесутся вперед с такой прытью? Испуг был тем больше, что во главе проекта стоял лидер, ставший самостоятельным игроком. Берия осознавал, какая мощь оказалась в его руках...

То есть реальные владыки Западного мира ужаснулись. Ведь ядерное оружие (и эти расчеты Запада сейчас прекрасно известны) должно было появиться у СССР только в начале 1960-х. Все это, как доказывает С.Горяинов, совмещалось с недопустимым для Запада планом Берии: создать еди-

ную Германию, не входящую в НАТО. Без идиотского социализма по Вальтеру Ульбрихту, без него самого и его твердолобого коммунистического окружения. Люди Л.П. уже выходили на западногерманского канцлера Конрада Аденауэра. В итоге могла получиться сильная Германия под эгидой Советского Союза, обладающего ядерной мощью. Это кардинально изменяло весь ход мировой истории в нашу пользу.

— Это ставило жирный крест на всем замысле Второй мировой войны, который продвигали те самые англосаксонские клубы, — говорит эксперт. — Вслед за этим — я здесь согласен с Арсеном Мартиросяном — рассматривался проект превращения рубля в мировую резервную валюту, альтернативную доллару. И если бы этот проект был реализован, то в 1960-е годы вместо «Anglo-American PLC» в Африке мы бы увидели «Русише-Дойче ГМБХ». Глобализацию по-русско-немецки...

А ведь план был вполне реален. Есть очень любопытное исследование одного из исследователей сталинской эпохи Алексея Чичкина «Забятая идея без срока давности». Еще в апреле 1952 г. в Москве состоялось международное экономическое совещание, на котором СССР, страны Восточной Европы и Китай предложили создать зону торговли, альтернативную долларовой. Тогда нас были готовы поддержать не только Югославия, но и многие некоммунистические страны: Иран, Эфиопия, Аргентина, Мексика, Уругвай, Индонезия. Своих делегатов прислали и те европейские страны, которые отвергли план Маршалла: Швеция, Австрия, Финляндия, Ирландия и Исландия. Сталин предложил создать свой «общий рынок», последней стадией которого стало бы введение межгосударственной расчетной валюты.

Увы, смерти Сталина и Берии помешали нанести удар по долларовой системе и вывести Советский Союз на позиции мирового авторитета. Идиотские, узколобые партийные аппаратчики, захватившие власть в СССР, отправили эти победоносные для нашей страны планы в архив... (Не узколобые, а просионистские. — Ред.)

Таким образом, уничтожение уникальной системы «инновационной опричнины» (параллельного правительства развития) вместе с ее создателем (Л.Берия) колоссально затормозило Советский Союз и сбило его на порочную траекторию движения. А в конечном итоге — привело к его поражению в холодной войне.

К сожалению, отмечает С.Горяинов, у созданной Л.П. уни-

кальной системы форсированного развития имелось одно очень уязвимое место: сам Берия. Он замкнул всю систему на себе и своей личности. По нему и нанесли удар.

КРУГЛОВ — ЗАГАДОЧНАЯ ФИГУРА

Итак, непосредственный организатор ликвидации Лаврентия Берия — его первый заместитель по МГБ Сергей Круглов. Фигура, по словам Сергея Горяинова, весьма загадочная.

Напомним ход событий: после гибели Сталина 5 марта 1953 года Берия забирает Сергея Круглова с поста главы МВД и делает своим первым заместителем в суперведомстве, соединяющем и МВД, и госбезопасность. Тогда же Берия передает ГУЛАГ из ведения МВД в ведение Министерства юстиции (это будет отменено после убийства Лаврентия Павловича и вновь сделано лишь при президентстве Путина).

Родился Круглов, по официальным данным, в 1907 г. в глухой тверской деревне. Был трактористом, заведовал клубом-избой, возглавлял сельсовет. Учился бессистемно: педагогический институт, японское отделение Института востоковедения, но нигде ничего не закончил. Но этот выходец из самых что ни на есть сельских низов прекрасно говорил по-английски с оксфордским акцентом. Во время войны командовал 4-й инженерно-саперной армией. Позже — организатор крупных строительных проектов по линии ГУЛАГа.

— И вдруг он назначается руководителем систем безопасности Ялтинской и Потсдамской конференций, — рассказывает С. Горяинов. — Хотя опыта подобной работы у него вроде бы не было. Во время указанных конференций он тесно общается с высшим эшелоном спецслужб США и Англии. Причем без переводчиков. Он получает британский Орден Бани и Медаль Конгресса США. В 1953-м, когда Берия возглавляет объединенное министерство госбезопасности и внутренних дел, Круглов назначается его первым заместителем...

Как поведал эксперт, все участники ликвидации Лаврентия Павловича кончили плохо, никто из них не умер в собственной постели. Включая и самого Круглова, ставшего первым в истории человечества кавалером Ордена Бани, на смерть сбитым в 1977-м подмосковной электричкой. Будучи в отставке в чине генерал-полковника, за две недели до гибели он написал личное письмо генсеку Леониду Брежневу. Видимо, напоминал о прошлой заслуге. Как считает Горяинов, Круглова просто убрали — ибо он слишком много знал и слишком часто напоминал верхушке о том, что сделал. В

пользу версии убийства говорит и то, что дачу отставного генерал-полковника нашли открытой, и в Москву, по словам его жены, он в тот день не собирался. Круглова после 26 июня 1953 года все время понижали в должностях, и у него явно было чувство обиды.

ИСТИННЫЙ ЗАКАЗЧИК ЛИКВИДАЦИИ

Но в 1953 году именно он стал организатором убийства великого менеджера-инноватора. И заказчиками действия, судя по всему, были именно деятели западного финансово-политического закулисья.

— Обратите внимание: 26 июня 1953 года была арестована вся генеральская верхушка МГБ—МВД. А из системы Спецкомитета взяли только одного человека: Серго Лаврентьевича Берию. Сына... — рассказывает С.Горяинов. — Спецкомитет распылили по министерствам, работа оказалась резко заторможенной (что Западу и нужно было). Но работа все-таки продолжалась, ибо англосаксонским клубам все равно был нужен внешне мощный, но управляемый ими противник. Клубам было все равно, кто станет во главе СССР: Хрущев, Маленков или Булганин. Наплевать! Главное — лишь бы к власти не пришел Берия. Он-то явно стал самостоятельной фигурой, а вот остальные поддавались управлению...

Они не боялись Хрущева, несколько лет спустя картинно молотившего ботинком по трибуне ООН и грозившегося «зарыть капитализм» — ибо знали цену истинным способностям Никиты. Но они прекрасно понимали, кто реально мог «зарыть» Запад.

КТО БЫЛ НА ЭТОМ «КОНЦЕ ПРОВОДА»?

Но кто тогда обеспечивал связь между западными спецслужбами (англосаксонскими закулисными клубами) и партийной верхушкой СССР? Ведь Круглов был не один.

Сергей Горяинов считает, что на советском конце «провода» между партократической верхушкой СССР и англосаксонскими клубами сидел бывший (по состоянию на 1953 г.) заместитель наркома иностранных дел В.Майский.

Майского арестовали в феврале 1953-го, накануне гибели Сталина. Горяинов считает Майского крайне недооцененной фигурой в отечественной истории. Что Майский делал пять лет в Англии (1912—1917 гг.) — никто толком сказать не может. Но известно, что общался он с крупными фигурами британского истеблишмента, познакомившись даже с Черчил-

лем. После февральского, 1917 г., переворота он работает в правительстве Керенского, становится депутатом Учредительного собрания, отмечен в составе антисоветского правительства эсеров в Самаре. Ведет переговоры с корпусом белочехов. Он побывал и министром в правительстве Колчака, и советником барона Унгерна в Монголии. И — о чудо! — его никто не трогает ни в 1920-е, ни в 1930-е годы, ни в войну. Хотя, казалось бы, он — первый кандидат под каток репрессий. Но он (бывший колчаковский министр!) входит в советскую номенклатуру, при Сталине дорастая до заместителя наркома иностранных дел! 1937 год для него — как с гуся вода.

— Майский выступал для советской верхушки как канал общения с англосаксонскими клубами, с закулисой. Кто персонально находился на западном «конце провода», сказать сложно. А то, что информация шла через Майского, сомнению почти не подлежит. Он ведь и послом СССР в Британии работал в 1932—1943 гг. Людей, выступающих каналом информации или даже передатчиками управляющих импульсов, никогда не трогают, — говорит С. Горяинов.

Майского берут под стражу за три недели до смерти Сталина. Тогда, когда Берия формально (но не фактически!) еще не имел отношения к спецслужбам, продолжая всецело отдаваться работе в Спецкомитете. Отдать легальную команду на арест Майского Л. П. формально не мог. Но в своих воспоминаниях Майский сообщает какие-то садомазохистские подробности: Берия-де его лично допрашивал, истязая плетью и собачьей цепью. «Хорошо еще, что Лаврентий Павлович при этом не надел кожаные шорты!» — смеется эксперт. На самом деле, Майского поселили на конспиративной квартире, дали прислугу, обеспечили связью по классу «люкс» того времени. От мира он отрезан не был.

— Скорее всего, Берия зафиксировал Майского как канал передачи информации и таким образом давал понять людям на том конце провода: «Я — потенциальный лидер СССР после смерти Сталина, и со мной надо считаться!» Он показывал: я — самостоятельный игрок.

12 июня 1953 г. Президиум ЦК КПСС принимает решение о курсе на объединение Германии, и именно это становится моментом вынесения приговора Берии на Западе. 26 июня Круглов организует уничтожение Берии, а 29 июня Президиум ЦК дезавуирует собственное решение 12 июня о смене курса в германском вопросе. СССР больше не претендует на объединение Германии. Вторым пунктом идет решение о роспуске Спецкомитета. Предприятия и КБ распахиваются по

разным министерствам, начинается бардак. Инновационные темпы замедляются в разы, — говорит эксперт.

Таким образом, все сходится. Хрущев и Микоян выступают лишь как пособники-союзники англосаксонской закулисы. И здесь, как считает глава Центра методологии и информации ИДК Андрей Фурсов, есть полные параллели с горбачевской перестройкой. Интерес партноменклатуры к разделу и приватизации наших национальных богатств совпал с интересом Запада к ослаблению СССР. Поэтому, считает Андрей Ильич, бессмысленно изучать историю России (СССР) XX века в отрыве от мировой капиталистической системы и ее закрытых структур.

Роковой ошибкой Берии стал Круглов. Равно как и Саркисов. Но, видимо, нагрузка на Лаврентия как на главу Спецкомитета (по сути дела — опричного инновационного «правительства развития») оказалась настолько велика, что он проморгал угрозу. Просто не хватило времени на все.

ВСЕ ПОЗНАЕТСЯ В СРАВНЕНИИ

Итак, Берия как страшная угроза и Западу, и безответственной партноменклатуре, был уничтожен. Причем не только физически: память о нем настолько избита, что на ней, по выражению А.Мартиросяна, буквально живого места нет. Его демонизировали по полной программе. Чего стоят только рассказы об изнасилованных женщинах, которые потом растворялись в серной кислоте или исчезали в камнедробилках. Даже мертвый Берия оставался опасен. Примечательно, что даже в спецслужбах случилась та же демонизация. Ветераны советского спецназа держат на столах портреты Андропова и ведут свою историю с 1979 года (подразделения «Альфа» и «Вымпел»), хотя, по справедливости, создателем советского спецназа необходимо считать именно Лаврентия. Отдельная мотострелковая бригада особого назначения создавалась-то в 1941-м...

Его новаторский опыт в управлении (Спецкомитет) предали забвению и не изучали. А ведь он позволил успешно действовать в условиях жесточайшего дефицита времени и ресурсов. И этот опыт нужно изучать. Ибо скоро его придется применить. Сходные обстоятельства, как известно, диктуют и сходную методику действий...

Как и при Сталине, у нас — серьезнейший вызов существованию народа. Дефицит времени и ресурсов. Дилемма: развиваться — либо погибнуть. При неопишемом инновационном сопротивлении бездарной «элиты», этих «новых бояр»,

сформировавшихся после 1991 года. Тем внимательнее нужно присматриваться к опыту Сталина и Берии, к организационным находкам Спецкомитета — прошлой «инновационной опричнины». Тем паче, что мир, судя по всему, входит в полосу смерти старой либеральной демократии, в новый Жестокий век.

Те самые клубы западной закулисы периодически проговариваются об уготованной нам участи, вбрасывают в социум леденящие кровь идеи.

В 90-е мы узнали, что будущее — за крушением национальных государств и торжеством интернациональных «новых кочевников». Затем нам сказали, что развитие технологий делает лишними 80% населения Земли, включая и развитые страны. В любом качестве: и как потребителей, и как дешевую рабочую силу. А развитие технологий так называемого Шестого уклада превратит в ненужную биомассу еще больший процент землян. Потом нам сказали о скорой гибели многих «новых независимых» государств ради создания крупных «федеральных округов» мирового правительства. Ну а недавно кое-что зловещее прозвучало на Родосском форуме «Диалог цивилизаций». Вот что поведал на нашем «Берия-семинаре» участник родосских дискуссий Сергей Батчиков:

— Струоб Тэлботт, который в 1994—2001 годах был заместителем госсекретаря США и куратором дел на остатках СССР, заявил: мы идем к неоантичности. Будет класс жрецов, вооруженных тайным знанием, а все остальные пойдут строить пирамиды...

Это очень здорово коррелирует с выводом, который делаем мы в Институте динамического консерватизма: впадая в кризис, капиталистическая система рискует сорваться в новую архаику. В некий либеральный фашизм с делением людей на сорта. Или, как считает Андрей Фурсов, в новое кастово-рабовладельческое общество.

Выбор сегодня объективен, но жесток. Либо русские станут рабами для стройки неопирамид, периодически прореживаемыми ради избавления планеты от лишних ртов. Либо — выстроят свое национально-имперское (именно так!) государство, используя для этого механизм новой опричнины — временный, но крайне эффективный. Благо, уже есть опыт для критического изучения и творческого развития. И горе тем, кто этого еще не понял...

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

УКРАДЕННАЯ ВЕСНА

— Танечка! Ты куда? Сходи к «Тюринскому», продай тапки? — Мать вынесла дочери газетный сверток, и в полутемной прихожей не видела, что девочка покраснела. — Рублей восемьдесят проси. Они крепкие, из кирзы, такие сейчас не шьют.

— Может, не надо? — пролепетала Таня. — Это память о дедушке, ты сама говорила...

— Продай, что уж там. Денег нет, а они лежат.

— Мам, не надо...

— Ну, что ты заладила! На люди встать боишься? Не бойся. Это раньше торгашей презирали, а теперь им самый почет. Видишь, как у Тюрина губа выпятилась! Как у племенного барана!

— Мам, не пойду, — заплакала дочь.

— Ворованное, что ли, несешь?! Это Тюрин всю жизнь воровал. Иду мимо его магазина и пионерский лагерь наш вспоминаю. Мы, дети, саговой кашей давились, а он тушенку домой таскал. Наверно, всё еще той тушенкой торгует. Иди, Таня, иди, все равно что-то есть надо. У нас и на хлеб уже денег нет.

— А вдруг папка пришлёт?

ПРОЗА

— Прислал! Эх, жизнь ты, жизнь! Безработицу сократили: семья тут, а мужик за тысячи верст. Кто придумал, самих бы отправить на эти вахты, чтоб от семьи рожки да ножки остались. Да иди ты, Таня! — подтолкнула дочку к порогу.

Глотая слезы, девочка вышла из дома. Кругом лежали сугробы, и там, где они начинали таять, натекая лужами на асфальт, за ногами тащилась грязь. Зима в этом году отхватила половину весны. По календарю была середина мая, а на дворе — март. В последние дни хоть солнце светило — и то уже было в радость. Таня гребла ногами по размазанному песку, которым зимой подсыпали дорожки, тоскливо смотрела по сторонам, и вдруг у одного из домов, близко к фундаменту, увидела сверкающую на солнце монетку! Золото!

Как кошка, крадучись и оглядываясь, начала пробираться к ней. Сердце колотилось от страха, что кто-нибудь тоже заметит, что она не успеет, а если успеет, то у нее отнимут! Вот, вот... вот сейчас! Сколько же у людей денег! Вспомнился кошелек, набитый валютой, найденный в прошлом году материной подругой.

Это был яркий цветок мать-мачехи. Не дождавшись, когда стает снег, он выскочил к солнцу.

Таня села возле него и заревела.

Напротив, посреди тротуара, остановились две женщины. Не обращая внимания на ее плач, одна убеждала другую:

— Мы живем в страшное время. Магнитопатология, гепатология, социум... Если не принимать меры, мы все погибнем. Моя дочь работает менеджером в секретной фирме, которая торгует...

— Не надо мне пищевые добавки!

— Да какие добавки? Приставка к мобильному телефону. Видишь, маленькая «лепешечка»? Приложишь сбоку...

— Не надо, я никому не звоню!

— А тебе-то звонят! Ты подносишь телефон к уху, и на тебя ужасные волны! А «лепешечка»...

Таня, шмыгая носом, выбралась на асфальт, отряхнула пальто и пошла к «Тюринскому». Встала под деревянный навес, построенный специально для мелкой торговли, расстелила на лавке газету, поставила на нее тапки. Рядом женщины торговали картошкой, квашеной капустой и солеными огурцами.

— Мужчина, покупайте картошечку! — окликали прохожих. — Девушка, капустки, капустки!..

Таня не знала, как ей тут быть! Народ шел с работы, могли оказаться знакомые — она, как затравленная зверушка, вглядывалась в людские лица. А женщины расхваливали свой

товар, перебрасывались новостями, и Таня узнала, что «Тюрин за миллион отмазал дочь, которой корячилось лет пятнадцать», что «сама она тоже сидит на игле и скоро, наверно, загнется, как сынок у Рафика Ахмадеева, крутого нашего бизнесмена», что «Валька уже продает семечки по пятерке», — и о многом другом. Когда мимо прошла знакомая школьница, Таня с перепугу присела: «Завтра же всем расскажет, что я продавала тапки!»

— Кто тут хозяин? — послышалось над ее головой.

— Я, — обомлев, откликнулась Таня.

— Сама мастеришь? — рассмеялся мужчина, когда она опасливо поднялась.

— Нет, это дедушке сшили. Новые тапки, он ни разу не надевал.

— За сорок возьму.

— Нельзя, мама велела...

— Ну, ну, — он сразу же отошел.

— Ах ты, хлыщ, перекупщик! — окатили его руганью женщины. — Всё б за грош покупал да за рубль продавал!

Но больше тапками никто не заинтересовался, и Таня в отчаянии провожала глазами прохожих. У нее мерзли ноги. Она стучала ими одна о другую, ей до страсти хотелось домой, но знала, что мать рассердится, и завтра снова отправит ее сюда. «Да еще не поверит, что тапки не взяли, скажет, у подружки сидела, врешь! Когда она сердится, всегда такая несправедливая».

Надвигался вечер, женщины стали сворачивать торговлю. Ободранный кот, вымазанный зеленкой, шмыгнул в открытую дверь магазина, откуда выходил старик, нагруженный сумкой. Старик пошагал мимо Тани, но, увидев тапки, остановился.

— Откуда такой раритет, дочка?

— Дедушке друг пошил, фронтовик, — Таня едва разлепила замерзшие губы.

— А где он, твой дедушка? Тапки как раз на меня.

— Умер.

— Много ли хочешь?

— Мама сказала: восемьдесят...

— За столько и китайские теперь не возьмешь. На, дочка, — вынул из кошелька две сотенные.

— Да вы что! Мы же не спекулянты!

Старик насильно вложил ей деньги в ладонь.

— Не стыдись, дочка. Теперь честные люди все в таком положении. Воевал, значит, твой дедушка? Вот и я воевал. Прямо со школьной скамьи оказался на фронте. Раненым был, в Ленинграде в госпитале лежал...

Они и не заметили, как пошли рядом.

— Всё минует, — успокаивал Таню старик, — всё наладится потихоньку. Жизнь сама отторгнет, что ей мешает. А вот чего мне жаль, дочка, так это... моей и твоей весны.

НЕРАВНЫЙ БРАК

Нарядная и уже готовая к выходу в театр, Эмма Гавриловна едва дождалась мужа с работы.

— Чего ты так долго? Опаздываем!

— Авария была, взорвался баллон с газом. Разнесло мастерскую. Прокопенко чуть не погиб, проходя мимо.

— У вас все время что-нибудь приключается!

— Слушай, продай мой билет. Я страшно устал. Милиции понаехало... Затаскают теперь, раз главный инженер. Я бы поужинал и уснул. После стрессов спать хочется.

— Ну да! Быстрей собирайся. И так придется ловить такси.

Юрий Петрович вздохнул, сходил в ванную, побрился. Надел парадный костюм и, как приговоренный, пошел за женой.

Когда они вошли в зал оперного театра, уже заканчивалась увертюра. Отыскивали свои кресла, сели. Испания, Севилья, Кармен... Юрий Петрович смотрел на сцену, пытался слушать певцов, но ничего не видел и не слышал. «Один баллон с газом — это еще семечки. А вот как взорвется шестнадцать цистерн! Газонаполнительная станция и не имеет ограждения! Любой террорист подходи к железной дороге, кидай гранату... Мало их, дураков, что ли, смертников всяких? «Денег нет на ограждение». А куда они деваются, если ежедневная выручка миллионы рублей? Уйду я с этой работы! Не смерти боюсь: погибну, то еще ничего, но если сметет половину города, а я вдруг буду в командировке и цел останусь...»

— Юра, Юра! — подсунула ему жена бинокль к глазам. — Посмотри, какой у нее костюм!

Он вздрогнул.

— Да ты что, спишь, что ли? — зашипела она. — Ты за этим в театр пришел? Никакого стремления к культуре! Ты же начальник, ты в высоких кругах вращаешься, ты должен соответствовать!

Юрий Петрович взял бинокль и уставился на Кармен, которая пела, что сейчас станцует для своих друзей сегидилью. Голос ее напоминал голос соседки Наташки. Наташка была поэтессой, и когда напивалась от слишком долгого присутствия музыки, заваливалась к ним в квартиру, неистово голоса:

«У любви, как у пташки крылья, ее никак нельзя пойма-а-ать!.. Аа-а-а!.. Лю-ю-бовь!» От ее фиоритур у Юрия Петровича воспалились барабанные перепонки. Но Эмма Гавриловна варила для Наташки кофе, слушала пение, а после того — стихи. Стихов у Наташки было сотни четыре, и все она помнила наизусть.

— Твой мужик никогда человеком не будет! — заявляла она. — В деревне вырос, деревенщиной и останется. Эй, технарь! Куда спрятался? Съездил к родственникам-то? Сала привез? И брусники привез?! Ну-у! Тогда жарь и наводи морс.

— Юра! Юра! — схватила его за руку Эмма Гавриловна. — Какой голос! Ах, какой голос!

Кармен пела: «У любви, как у пташки крылья...»

Он опять воззрился на сцену. «Завтра наедет инспекция, и я не буду молчать! Хватит потакать алчности. Взрывоопасный объект, и без ограждения! Сколько можно надеяться на авось? Все выскажу! Пусть даже с работы уволят, выскажу! Я до прокурора дойду!..»

Юрий Петрович едва дождался конца спектакля. Но у раздевалки Эмма Гавриловна не торопилась одеться. А всю дорогу к дому пилила мужа:

— В тебе совершенно отсутствует тонкость чувств. Тебя не интересуют ни музыка, ни поэзия. Ты даже к природе равнодушен. Как можно: идем среди лохматых деревьев, переливов огней под темным пологом неба, вдыхаем бодрящий зимний воздух... а ты как бревно!

— Подожди, — прервал он ее. — Кто это у нашего подъезда? Ба-аа! Лариса с Таней. Давно ждете? — быстро подошел к сестрам.

— Не очень, но ждем. На сессию приехали.

У Эммы Гавриловны вытянулось лицо: снова, значит, у них окопаются! Могли бы комнату снять, полно комнат сдается.

Юрий Петрович взвалил на плечо рюкзак, подхватил сумку, укорив сестер:

— К чему столько тащили?

— Да мама опять настояла. Гусятина вам, клюква, мед, белые грибы — солили на костре, как вы любите. Вишенник добавляли, чтобы запах дыма был тоньше. А мед брали у Родиона, у него честно.

— Ну, спасибо! Эмма, это тот самый Родион, который крышевал, отсидел; помнишь, я тебе рассказывал?

Когда они вышли из лифта, все еще разговаривая, на их голоса приоткрыла дверь поэтесса Наташка.

— А-а-а, родня ученая! Эмма, зайди на минутку.

Эмма Гавриловна вошла к ней.

— Ужасно! — стала жаловаться на золотовок. — Весь кофе у меня теперь выпыют. Сидят по ночам за конспектами и, видите ли, без кофе не могут. Но я же самый дорогой покупаю... — развела руками.

— Быстро его сюда. Ну, как опера?

— Эскамилью не понравился.

— Ладно, иди за кофе, потом расскажешь. Кстати! Слушай мое новое стихотворение:

*Пришла любовь! И всё во мне запело
И всё внутри рванулось в облака!
Нет для моей любви иных пределов,
Как только взгляд твой и твоя рука.
Я натываюсь на твои глаза,
Как мотылек на пламя в тихой ночи!
О, как мой путь тобою укорочен!
О, как чиста моей любви слеза!*

— Супер!

— Борис Рыжиков тоже говорит: «Супер!» Он издал уже тридцать первый свой сборник. Подарил мне экземпляр. Подписал: «Гению от гения». Такие стихи-и-и, Эмма, такие стихи!

*Сверкала, перешептываясь, Висла.
Над нею — что в Париже вечера!
Луна скатилась с полотна Матисса
И вытянула лик из-за бугра...*

— Ладно, шуруй за кофе, будем пить, я тебе почитаю.
И Эмма Гавриловна повеселела.

НЕУДАЧНИЦА

С соседом Леней Лиза училась в художественной школе. Не обнаружив у себя крупного дара, затосковала и вскоре бросила учебу. Поступила на экономический факультет университета. Предлагала и Леониду найти занятие по способностям:

— Ну, какой ты художник? Такую белиберду может писать и сантехник: клади под ноги ватман, потопчи грязным сапогом, поплрой на следы и разотри. Зачем тебе унижать себя?

— Неправда! Я мыслю, когда пишу.

— Мне твоя мысль не передается.

— Я мыслю абстрактно!

— Послушай, оправдать свою несостоятельность можно хоть чем.

И все-таки Леонид окончил школу. Поступил в художественную академию. Встречаясь с Лизой, рассказывал ей о своих успехах, приглашал посмотреть работы, но Лиза по-прежнему оставалась к ним равнодушной. Лишь раз, увидев у него весенний пейзаж, улыбнулась:

— Прелесть какая! Пахнет майской грозой.

Леонид отмахнулся:

— Ничего хорошего нет. От безделья написал. Это, Лиза, не живопись, если вызывает ассоциации. Настоящая живопись должна действовать без проводников.

И он накладывал футуризм на сюрреализм, фовизм на экспрессионизм, подмешивал к ним классицизм — старался придумать такое, что «без проводников» продирало бы до хребта.

Он, в конце концов, добился своего. О нем заговорили, как о крупном явлении в живописи, он становился модным. Картины с удовольствием брали художественные салоны, Леонид купил дом, выстроил мастерскую. Изредка звонил Лизе и однажды пригласил ее на открытие выставки.

— Это особая выставка, совсем не то, что ты видела прежде. Здесь совершеннейшая свобода. Раскрепощен художник, и раскрепощен зритель. Лиза, ты по-настоящему отдохнешь!

Он сам встретил ее у входа. Повел по залам. Лиза смотрела на изломанные деревья, обнаженных скелетообразных женщин, на мужские половые органы в анфас и профиль, на кубы, квадраты и полосы всех мастей, изображающие, как было подписано под картинами: «Землетрясение», «Секс в ночном море», и так далее.

— Ну, как? — поинтересовался Леонид.

— Ничего, разнообразно.

— И это всё?

— Ты меня спрашиваешь? — удивилась Лиза.

Спрятав усмешку, обращенную то ли к ней, то ли к авторам выставленных произведений, Леонид провел ее туда, где висели его картины под общим названием «Кодекс рая». Мусорные свалки, одичавшие люди выискивают пищеотходы, огромные крысы, бездомные собаки с остатками шерсти... Все это было перемешано с красно-синими пятнами и беленькими зигзагами.

Лиза открыла рот.

— Что? — довольный спросил Леонид. — Усекла?

— Черви ползают на падали. Придет же в голову такая зараза!

— Не прикидывайся. Прекрасно всё понимаешь. Черви на трупе — это тончайшая эстетика! Я выставял эту серию во Франции, Норвегии, Румынии. Меня завалили наградами!

— Право?!

Леонид покраснел от досады.

— Завистница! Ты просто завистница!

— Да чему завидовать-то? — удивилась Лиза. — Убожество. И у тебя, и у всех тут. Нового сказать ничего не можете, а — хочется. Если б ты жил на помойке и действительно получал наслаждение от червей и трупов, я бы, может, и поняла тебя: мало ли извращенцев? Но ты живешь в доме, да еще с палисадником.

— Так значит, современная живопись — блеф?!

— Блеф, — убежденно сказала Лиза. — И ваши знаменитые праотцы — тоже блеф. — Развернулась на каблуках и пошла к выходу.

«Дрянь! — зарычал ей вслед Леонид. — Неудачница! Поздно я тебя раскусил!..» Но увидел приближавшуюся телекамеру и сразу поправил лицо.

СТОЛИЧНАЯ ВЕЛИЧИНА

В захудалый свой городок Виктор Ильич наезжал только по приглашению. На вокзал за ним присылали «Волгу», везли в гостиницу, устраивали в отдельный номер и, дав отдохнуть, возили затем по школам, в колледж и техникум.

Широко и захватывающе он рассказывал о Москве, о своей работе на телевидении. Земляки внимали каждому его слову, записывали и сберегали для будущего.

Но на этот раз получилась казус. Молоденькая преподавательница истории вцепилась в него, как клещ в собаку:

— Почему в школьных программах так мало места отводят отечественной истории? Галопом скачем по Европам, Америкам и родной стране! Почему так серо излагается этот важнейший предмет? И кто решил, что из жизни надо изымать жизнь, а голый скелет преподносить учащимся?..

— К сожалению, это не в моей компетенции, — отрезал он.

— А вы бы об этом передачу сделали. Пусть бы задумался кое-кто! — Глаза исторички сверкнули зеленым светом, и вдруг — накрыли его, как морской волной!

Так было однажды в Гаграх: волна захлестнула его и потащила от берега; чудом выкарабкался, пропахав животом дно и цепляясь руками за что только можно. Историчка еще спрашивала его о чем-то, он что-то отвечал, но единственное, что

помнил — мерцающую зелень глаза и то, что попросил у девушки номер домашнего телефона. Кажется, пообещал ей вечером позвонить.

Опомнился Виктор Ильич лишь в гостиничном ресторане. «Странная девушка», — первое, что подумал. И опять увидел ее глаза — они были любящими! Да, да, любящими! И голос ее дрожал не только от гнева на составителей учебников по истории.

«А со мною-то что такое? — усмехнулся. — Как после выпивки натошак...»

Вынул из кармана записную книжку, прочел: Люба Курочкина. Хм, при такой фамилии, и морские глаза.

Вечером ужинал в компании местных чиновников. Чтобы не хватали за рукава и панибратски не слюнявили поцелуями, держался прохладно. «Как вы умеете быть господами и шестерками одновременно!» — думал о них.

— У вас, наверно, постоянная занятость, — сочувственно сказал ему зам главы города.

— Да, конечно.

— И все же не забывайте нас!

Его спрашивали о зарубежных поездках, о теледивах, просили похлопотать о ком-то, он отвечал, кивал, но был счастлив, когда «братва на прокорме», как мысленно называл их, соизволила откланяться.

Любе Курочкиной звонить было поздно.

Наутро за Виктором Ильичем заехал заведующий спорткомитетом.

— Проснулись? Замечательно. Позавтракаем в тайге. Вот спортивный костюм, переоденьтесь, мы на снегоходах помчимся.

Отдохнуть в таежной избе, где есть банька и еще не замерзла речка, для Виктора Ильича было в радость. Он с детства любил тайгу, куда ходили с отцом и матерью по грибы и по ягоды и где в сладкой истоме отдыхали у родников.

— Сколько нас будет? — спросил.

— Четверо.

Зазвонил телефон; у Виктора Ильича колыхнулось сердце: Люба?

Да, так и было.

— Я... Мне... — запинаясь она. — Мне очень хочется видеть вас! Вам странно мое желание? Но я всю ночь о вас думала: «Только б увидеть! Пусть на минуту, пусть даже меньше...» Ну, что скрывать: я влюбилась. Если вы позовете, я без раздумий пойду за вами: хоть куда, хоть сколько буду идти, не замерзну, с голоду не умру..

— Люба, — строго заметил он. — Так нельзя. Это обяы-
вает. «Да уберись ты к черту!» — мысленно послал заведу-
ющему спорткомитетом, потому что хотелось сказать де-
вушке совсем не то. Хотелось сказать, что он тоже, навер-
ное, влюбился, что зеленые глаза встречаются редко... На-
говорить ласковой чепухи и назначить встречу в укром-
ном месте.

— Извините, — пролепетала Люба. — Вы же такой боль-
шой, а я... — Трубка запикала.

Виктор Ильич развел руками перед спортсменом: вот, мол,
какие нелепости бывают.

Но, переодевшись и выходя из номера, знал, что удоволь-
ствия от тайги он в этот раз не получит.

ЛЮДИ... ЧЕЛОВЕКИ...

Большое окно больничной палаты. Оно без занавесей, но
в палате тускло. Апрель, весна, уже отметили День космо-
навтики, а на улице все еще снег, и кажется, что уставшая без
солнца природа навсегда лишена желаний.

Изголовьем к окну стоят две кровати. От него дует, бата-
рея под ним еле теплится, женщины лежат одетыми в шер-
стяные носки и кофты, на головах вязаные платки. Молчат и
ждут обхода врача. Из ванной комнаты, дверью в палату,
шлепают валенками старушка Степановна — бледная, слов-
но принимала мышьяк.

— Нет горячей воды, — жалуется она. У нее на ноге экзе-
ма, которую мажут чем-то желтым и липким. — Хотела вот
смыть, чтобы наново наложили...

Соседки не отвечают. Одна лежит, отвернувшись к стене,
другая с головой закуталась в одеяло. Только девочка лет
шести участливо поглядывает со своей кровати, припертой к
двери, и чешет бритый затылок — у нее там лишай.

— Бросила тебя мать-то? — с бессознательной жестокос-
тью говорит ей Степановна. — Конечно, зачем ты ей? Себя
прокормить не может. На вот печенинку...

Она лезет в тумбочку, шебаршит там и не видит, как у ре-
бенка униженно сжимаются плечики.

— Мягкое печенье, бери. Я когда в детдоме работала, мы
для своих в больницу пайки носили: пряники и консервы. А
теперь не носят, по себе разбирают. По себе, по себе, — меря-
ет она валенками палату. — Соседка моя поварихой в детдо-
ме. Сама, как пышка, и родственники все сыты.

А врача всё нет...

— Видать, в палате у сифилитиков задержался. Как-то в наше время их мало было, а теперь страсть развелось!

— Да не ной ты! — глухо отзывается из-под одеяла женщина; она сама лежит с подозрением на сифилис.

— Не ною я, Зин, не ною, а только куда же врач-то запропастился?

Степановна подходит к окну, смотрит на далекий безжизненный лес и шепчет: «Господи, спаси и помилуй! Господи, помилуй ты нас!»

— Вот только выйду отсюда, — внезапно вскакивает с кровати Зина — молодая, но с зажеванным каким-то лицом, — сразу вдоволь красной икры наемся! Всё лапша да лапша, лапша да лапша!

— Не брехала бы! — отзывается ее соседка.

— Лид, я не брешу. Я икру сама делаю. Беру в магазине рассол от селедки, добавляю в него томатную пасту, постное масло, насыпаю манку; час — и готово.

— Так просто? — оборачивается Лида. — Сколько рассолу? — Встает и кидает девочке шаль: — На, погрейся.

— Всё на глаз. Только не переборщи.

Зина и Лида приободряются, — одна от воспоминаний о красной икре, другая от перспективы изготовить ее; но тут входит постовая сестра.

— Сегодня Геннадия Александровича не будет.

— Три дня уже нет! — ругается Зина. — Может, пришел бы да выписал! Может, я зря тут лежу!

— На уколы идите.

В процедурном, куда они приходят все четверо, медсестра кипятит шприцы. Лицо у нее красное, глаза мутные, руки не слушаются.

— Садись, — бросает она Степановне.

Старушка садится на стул, она затягивает ей руку жгутом и тычет тупой иглой в вену. Не попадает, капает кровь, старушка не выдерживает и вопит:

— Не надо сегодня!

— Надо!!! — настаивает сестра. — Тебе же хлористый прописали, нельзя прерывать!

Зина выскакивает в коридор, бежит в его дальний конец, где инфекционное отделение, и, влетев в раздевалку, требует свои вещи.

— Отдайте мою одежду. Слева... Второй крючок.

Гардеробщица кидает на стойку то, что она сдавала при поступлении, и уходит к закипевшему чайнику.

— Какая это больница?! — судорожно одевается Зина. — Врач бывает в неделю раз, иголки тупые, медсестры пьяные,

дизентерийные вместе с кожниками и сифилитиками... Кто тут когда-нибудь вылечится?!

— Ну, так и сиди дома. Чего ты к врачу-то ходила? — слышит она за своей спиной.

Это санитарка пришла протереть полы...

КАРТОФЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Весна в этот раз расщедрилась на тепло, и в мае мы уже посадили картошку. Плохо, что мой огород далеко за поселком. Часть картошки выкопали бомжи. Помочь, подсобить их не дожدهшься, а украсть — они тут как тут.

В субботу я обзвонила приятелей, прося дать с ведерко на допосадку; однако жмутся — не знают, что у самих через день-два будет. Ну... нет, так нет. Пошла на почту, где у меня абонентский ящик. Вижу, бывший мой одноклассник Вовка Смирнов выглядывает из окна коттеджа. Его коттедж — гордость улицы. Кругом одни пятиэтажки.

— Есть картошка с ростками? — кричу.

— Есть.

— Одолжишь?

Вовка захлопнул раму, и вскоре открыл передо мной дверь гаража, встроенного в коттеджный полуподвал.

— Скорей, скорей! — затащил меня. — Со всех окон пялятся! Наплетут моей Валентине. Она в Сосновку уехала. Лезь в коляску мотоцикла. Да пригнись, пока со двора выезжаем. Нет, лучше я брезентом тебя накрою. А права не возьму! — заявил как-то храбро. — Всего-то литр пива выпил, но гаишники все равно прицепятся. Мы к картофельной яме проулками доберемся.

— А где она?

— У заводских дач.

При первой же машине ГАИ, которой тоже зачем-то понадобилось в проулок, Вовка резко свернул, и мы «припарковались» в лопухах, украшавших давнюю кучу щебня.

— Подтолкни мотоцикл, — потребовал он, когда вылезли.

— Лучше бы ты права взял.

— А все равно бы отняли.

— Зато бы я ноги не исцарапала. Смотри, как сильно! — с правой лодыжки бежала кровь.

Вовка пошарил в кармане и протянул мне носовой платок.

Дальше ехали уже спокойно. Остановились напротив картофельных ям, где из земли торчали ржавые трубы с намертво примотанной к ним колючей проволокой. Вовка по-джентльменски подал мне руку.

— Вылезай.

Я выкарабкалась из коляски. Подол легкого платья отнесло ветром, и он повис на колючках; хотела отцепить, но Вовка взвизгнул:

— Манька идет!

Часть подола осталась на проволоке.

— Всё Вальке расскажет, всё! Ты иди, как будто меня не знаешь, иди вон к той горке... — шипел одноклассник.

Жалясь о крапиву, которая одна только и произрастала тут, я пошла. «Как платье-то жалко!» — злилась на Вовку.

Он скоро догнал. Глаза были страдальческими: очевидно, Маньку провести не удалось. У двери ямы нашарил припрятанные разводные ключи и велел мне оттянуть с замка резиновую нашлепку.

Замок представлял собой болт и четыре гайки. Я добросовестно оттягивала резину, Вовка одним ключом придерживал болт, другим отвинчивал гайку, и вдруг — у меня из глаза чуть не посыпались искры!

— Ты одурел или что?! Локтем заехал!

— Да гайка видишь, какая? Дергать надо, чтоб открутить. Прячься, Машка идет, подружка Валькина! Сразу же донесет, а я ни разу Вальке не изменял.

— Ну, и пусть доносит! Пусть, если эта Манька такая сволочь! У меня тоже язык есть, я объясню, в чем дело!

— Да не Манька, а Машка. Их две, — Вовка впихнул меня в помещение ямы, и захлопнул дверь. — Свет включи, — бубнил с улицы. — Слева на стенке. Лезь туда, вниз. Там ведро. Да раскидай остатки, чтоб незаметно было, а то Валька увидит...

Мне уже и картошка была не нужна. Вот трус! Но все же спустилась в яму, набрала.

Открываю дверь — перед моим носом разводной ключ!

— Держи у глаза, а то синяк будет, — сует мне Вовка.

— Да иди ты!.. Домой едем.

К моему дому мы доехали без приключений.

— Подожди, — попросила его, — сейчас ведро опростаю.

Когда вошла в квартиру, у порога стояло еще два ведра с картошкой.

— Сколько тебе надо этой картошки?! — заорал муж, едва увидев меня. — Тащат и тащат!

Я прошмыгнула в кладовку забрать мешок, но рваное и грязное платье незамеченным не осталось.

— Ты почему в таком виде? — Он вбежал следом.

— Да потому что в яме была. Там колючая проволока, да еще Машка шла.

-
- У кого в яме колючая проволока? Какая Машка?
— Вали Смирновой подруга. Могла донести.
— Картошку?
— Какой ты тупой! Вальке могла донести на нас с Вовкой.
Это же он мне картошку дал.
— В яме с колючей проволокой?
— Да не в яме она, возле нее! Из-за Маньки всё, она у труб оказалась. Это не Машка, другая. Тоже доносчица. А в яме Вовка хотел меня спрятать. Глянь, есть у меня синяк под глазом? Смирнов мне разводной ключ к глазу прикладывал.
— А ну дыхни!
— Некогда. Он у подъезда ждет. Пересыпь картошку и возврати ему ведро.
— Слушай, я ничего не понимаю!
— А я? Валька приедет, она вообще ничего не поймет!

ЛЮБОВЬ

Как-то под вечер уже ко мне на дачу заглянул приятель. Погода стояла на загляденье, а в городе, который от дачного поселка в полукилометре, делать было совершенно нечего. Мишка принес с собой мяса, я вытащил из сарая мангал, пиво у меня было, — «программа» полная.

Сидели за столиком под рябиной, наслаждаясь покоем и шашлыком, и разговаривали о пустяках.

— Между прочим, — сказал я, — у нас тут опять археологические раскопки.

— Я видел. Горы земли наворочали. Сколько лет уже роют?

— Не считал. Интересно, что они ищут?

— А может, не ищут, а прячут? — засмеялся Мишка.

Потом серьезно спросил:

— До того как вы дачи настроили, тут деревня была? Так?

— Так.

— А до деревни что было? Вдруг что-нибудь такое, что позарез надо откопать! Вдруг там, под землей, сундуки с золотом?

— Да пусть хоть что, лишь бы ямы потом зарывали. Осенью тут ходить страшно, того и гляди соскользнешь и не вылезешь. Если бы не собака, я бы сюда не ходил, но ее кормить надо.

Далеко у калитки мой Дик гавкнул, потом залился раскатистым лаем.

— Услыхал! — хохотнул Мишка.

— Да нет, это Полкан приперся. Тут такое творится, Миш! Пёс у меня молодой, а у соседа старый, давно живет. И возьми

сосед прикорми бродячую собачонку. Собачонка эта, Лорка, тоже молоденькая. Ну и любовь у них с Диком. Только ее старик за ворота, она к Дику мчится. И уж тут столько чувств, столько ласки!.. А Полкан ревнует, колотит ее. Прямо как деревенский мужик колотит, — шерсть по всему двору! И все равно: он за угол — она у Дика. Через дыру под забором лазит. Я Дика на цепи держу, нельзя иначе, у него натура бешеная. Этот старик Лорку оттреплет, а потом идет к нашему забору и змеино ухмыляется Дику: «Что, тварь, на привязи?!» Часами так стоит перед ним, издеваясь на своем собачьем языке!

— Да-а-а, трагедия, — промышчал Мишка. — Ты бы уж эту Лорку себе забрал, что ли?

— А Полкана куда? На живодерню? Он ведь тоже Лорку любит.

Дик умолк. Не Полкан, значит; когда Полкан, он с ума сходит! Я взялся за шашлык. Но то ли от расстройства за всю эту историю, то ли просто так вышло, — кусок упал. Мгновенно его сцапал Гоша! Ободранный мой кот.

— Вот тоже экземпляр, — показал я на него приятелю. — Жил у моей сестры, она уехала и отдала нам. Не знали, что делать с ним: ест только маленькими кусочками, пьет — нарочно не придумаешь, — лапу в воде намочит и слизывает с нее. И трус такой! Запрячется куда-нибудь, не дозовешься. Нынешним летом первый раз его на дачу взяли, тут и живет. Сначала из дома не вылезал, потом ничего, освоился понемногу. Влюбился — бегаёт тут чья-то кошка. А у нее, видать, поклонников до черта. Били они Гошу смертно! Но отлежится и опять к той кошке шмыгает. Опять его бьют. Потом и сам начал драться. Однажды утром смотрю, Гоша на забор взгромоздился и как Илья Муромец оглядывается по сторонам: «Подходи, кто еще в рожу хочет?» И жрет теперь все подряд. А вот пить, так и пьет с лапы, по-интеллигентски.

— А кошку ту отстоял?

— Ну да. Только с ним якшается, ни с кем больше.

О чем-то задумавшись, Мишка сказал:

— Жена узнала из телевизора, что любовь — это болезнь, которая длится четыре года. Потом, якобы, проходит бесследно. Говорит: «Ученые нашли в организме человека клетку, и в ней вся наша любовь. Уже лекарство против нее изобрели: одна прививка — и человек на всю жизнь от любви избавлен».

— А как животным насчет прививок?

— Не сказала; нет, значит. — Мишка посмотрел на меня. — Да и пускай они людьми остаются.

В поезд Мария Петровна садилась ночью. В полутемном тамбуре проводница проверила ее документы, билет, и Мария Петровна, стараясь не потревожить спящих, осторожно прошла к своему месту. Вагон был плацкартным. Она опустила верхнюю полку, застелила постель. Тусклый свет минут через десять погас, вагон погрузился во тьму; лишь в изголовьях теплились ночники.

Спать она не могла. Уже несколько суток страдала бессонницей. И это случилось после приема депутата областного Законодательного собрания. Мария Петровна временно занимала у него должность секретаря, и вот — на прием пришла молоденькая девчушка с грудным ребенком. Сквозь слезы и кое-как объяснив, что отец ее умер, матери нет, жить стало не на что, а дотация на ребенка восемьдесят рублей, она выкрикнула:

— Что можно купить на восемьдесят рублей?!

— Хлеба, — заметила помощница депутата, который сурово молчал и слушал.

— Что мне делать-то? Помогите! Пусть хоть разовое пособие выдадут! Я была в соцподдержке: нет, говорят, не положено...

— Сколько вам лет? Какое образование? Где отец у ребенка? — привычной обоймой разрядилась помощница.

— Я окончила колледж, специальность — кассир. Саша учился вместе со мной, на механика, а как узнал, что будет отцом, так сразу и смылся.

Она хотела еще что-то сказать; или рассказать о своем Саше; но депутат посмотрел на часы, и помощница прервала ее:

— Время приема у нас ограничено. Вот вам совет: устраивайтесь на работу, а ребенка ищите няню. Сколько ему?

— Пять месяцев.

Мария Петровна, напрягшись, ждала, что депутат вставит свое веское слово. Какая работа с грудным младенцем? Мать будет на кассе, а он в подсобке за ящиками? Зарплаты кассира не хватит на няню.

И депутат действительно вставил:

— Вы, девушка, не хотите работать. Именно потому вы хлопчете о пособии.

И умолк — недосягаемо-высокий.

Мария Петровна сглотнула ком. Конечно, зачем ему эта несчастная? Он свои деньги считает в евро. Она вышла за юной матерью в коридор и взяла ее адрес. И вот думала: как помочь?

Вагон покачивало. Покачивание усыпляло, а сон не шел. На соседней полке, разметавшись, густо храпела толстая женщина. «Чем помочь? Чем? О, Господи, чем?..» — маялась Мария Петровна.

Внизу закашлял ребенок. Кашель надсадный, перемежающийся сипением, — малыш заплакал, но никто не обеспокоился. Мария Петровна спустилась к нему, подняла, усадила, подложив под спину подушку. Наблюдая за мальчиком, оглядывалась: где же мать? А напротив спали еще двое детей: такие же маленькие.

Кашель у ребенка постепенно утих. Мария Петровна вернулась на место, и снова перед ее глазами встала мать-одиночка. Сколько отчаяния было в ней! Мария Петровна тогда поспешила сказать, что не оставит ее, найдет выход: испугалась, что та наложит на себя руки. «Или кинется в бары, соглашаться “на баньку”».

Баня! — внезапно пришло по ассоциации. У сестры в деревне и дом, и баня. Как же я сразу не догадалась? Домик маленький, но зато большой огород. Хотя не скоро дожить до него еще, зима впереди, а все-таки.

Ребенок снова закашлял. Снова никто не обеспокоился. Но на этот раз кашель скоро прошел.

«Я вот что сделаю, — продолжила мысль Мария Петровна. — Напишу сестре, пусть приютит девушку. Года за три она сына поднимет — а потом ей полетче будет. Чтобы денежки были, может квартиру сдавать, а в деревне на свежем воздухе да на молоке...» — и от удачной мысли у Марии Петровны камень свалился с плеч. Она задремала. Проснулась, когда пассажиры стали собирать вещи — Москва. Вагонное радио передавало прогноз погоды, приглашало гостей столицы посетить «Снежную королеву», Черкизовский рынок и посмотреть достопримечательности.

«Москва! — гремело по вагону, — Как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!»

Мария Петровна спустилась вниз. Женщина, что лежала ночью напротив, напяливала на троих ребятишек одинаковые красные куртки, толчками всовывая ручонки в рукава. Надела шапки, замотала шарфами горло, но небрежно, и горлышки светились наружу. Девочка кашляла.

— Все трое бронхитники, — без конкретного адреса сообщила женщина. — В родимую матушку!

— Да куда же с больными-то? — вырвалось у Марии Петровны.

— Их американцы забирают. Мы на такси поедem! От вокзала до самого аэропорта!

— Так малыши... — Мария Петровна не успела закончить вопроса.

— Конечно. А вы что думали, мои, что ли?

Мария Петровна сухо спросила:

— В Америке нет своих детских домов?

Женщина вдруг ощерилась, став похожей на жирную крысу.

— Да что вы прикидываетесь?! Что вы все со своей жалостью лезете? Они наших детишек спасают! Вы будто не знаете, что у нас ни лекарств, ни питания, ни ухода! А там будет все! И за них еще доллары платят!

— Мать чахоточная, — кричала уже на весь вагон. — Отец их бросил!.. А вы тут...

Поезд остановился. Тройка, как маленькие цыпушки, перепуганно жалась друг к другу.

Мария Петровна помогла вынести их на перрон, — сердце разрывалось от стыда и боли!

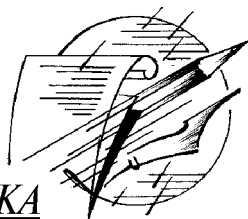
Из ноябрьской хмари, скалясь добротными имплантатами, бежали американцы. О-кейкали, о-йескали! Последнее, что увидела Мария Петровна, это как тройку — валютный товар — впихнули в машину.

ЗАЧЕМ РОССИИ ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ?

Первая мощная атака на семейные ценности в России вернулась вскоре после прихода к власти большевиков. Идейным вдохновителем разрушения традиционного уклада жизни стал небезызвестный Лев Давидович Троцкий. Именно он на полном серьезе призывал покончить с наследием проклятого царского прошлого под названием семья.

По замыслу Троцкого, у строителей социализма общим должно быть все, в том числе и жены. Жить граждане страны должны в общих бараках, утром по свистку вставать и стройными рядами идти на работу, а вечером, после напряженного трудового дня на благо мировой революции, совокупляться с теми, кто нравится или просто оказался рядом. Дети, рожденные в результате таких высоких отношений, естественно, полностью поступают в распоряжение государства: из них опытные наставники с безупречным пролетарским прошлым будут делать сознательных строителей социализма. Вот такое светлое будущее ожидало 150-миллионный российский народ, если бы Троцкий удержался у власти и начал воплощать свои бредовые идеи в масштабах страны.

К счастью, этого не произошло. В результате острой внутривнутрипартийной борьбы к концу 1920-х годов победу одержало умеренное крыло большевиков во гла-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ве с Иосифом Сталиным. Многие социальные эксперименты, начатые большевиками первой волны, были свернуты, а в конце тридцатых годов и вовсе начался процесс реставрации традиционных порядков, против которых с пеной у рта выступали пламенные революционеры ленинского типа. Семья была объявлена ячейкой общества, а одной из важнейших задач государства на долгие годы стала охрана материнства и детства.

Новое широкомасштабное наступление на институт семьи в России началось несколько лет назад и набирает обороты буквально на наших глазах. В отличие от троцкистов-ленинистов, нынешние ниспровергатели семейных устоев действуют гораздо более изощренно, прикрываясь красивыми словами о защите прав ребенка и постоянно ссылаясь на передовой зарубежный опыт. Дескать, в Европе нынче в моде толерантность, а значит, и в России надо снисходительно относиться к однополым бракам, гей-парадам и прочим мерзостям. А еще нужно быстрее внедрять ювенальную юстицию — по образцу европейских стран. Только так, дескать, можно оградить несчастных детишек от произвола взрослых — родителей, учителей и воспитателей.

Между тем, Европа, где ювенальная система существует уже давно, буквально стонет от такой, с позволения сказать, юстиции. Разглагольствуя о правах ребенка, судьи по делам несовершеннолетних нередко разрушают вполне нормальные семьи. В законе написано, что ребенок изымается из семьи только в том случае, если его жизни угрожает физическое, психическое и моральное насилие. Но что конкретно имеется в виду, не уточнено, и такая расплывчатость формулировок делает возможным любое судебное решение. При этом дело порой доходит до полнейшего абсурда. Родителей лишают родительских прав только за то, что они лишили своего ребенка сладкого. Зато случаи действительно жестокого обращения с детьми зачастую остаются без должной правовой оценки. Например, во Франции отец изнасиловал своего шестимесячного ребенка. Это неопровержимо доказала медицинская экспертиза. В России разговор с таким ублюдком был бы коротким. Однако в цивилизованной Франции иные представления о справедливости. Мало того, что педофил не понес никакого наказания, так ему еще разрешили общаться с ребенком и дальше!

О том, что подобные случаи происходят сплошь и рядом, говорит официальный отчет о деятельности французских судов по делам несовершеннолетних. Документ был составлен еще в 2000 году, однако за прошедшее десятилетие во Франции ровным счетом ничего не изменилось. Вот лишь небольшая выдержка из этого отчета, способная шокировать любо-

го нормального человека: *«Колоссальное количество детей отнято у родителей и помещено в приюты и приемные семьи. Судьи и сотрудники социальных служб постоянно нарушают закон. Между законом и практикой его применения огромная разница. В одном и том же суде практика одного судьи отличается от практики другого. Нет качественного контроля системы защиты детей и семьи. Никакого уважения к семье, никакой заботы о ней ювенальная юстиция не проявляет. Прокуратура не может вести наблюдение за всеми делами, так как их слишком много. Социальные работники и судьи имеют полную, безграничную власть над судьбой ребенка. Сотрудники социальных служб часто отнимали детей по анонимным телефонным звонкам. Якобы кто-то им позвонил и сказал, что та или иная семья в опасности».*

Впечатляет, не правда ли? И это, заметим, происходит в той самой цивилизованной Франции, которую нам вкуче с другими европейскими странами постоянно приводят в пример! Что же тогда будет твориться в России, если ювенальная система заработает на полную катушку? В России, где даже высшее руководство страны регулярно признается в собственном бессилии одолеть коррупцию, преступность, наркоманию и правовой нигилизм?

А вот еще некоторые любопытные особенности того, как работает ювенальная система в просвещенной Европе. Во Франции эффективность работы судьи по детским делам оценивается количеством «защищенных», то есть отнятых у родителей детей. От этого зависит продвижение по служебной лестнице и повышение жалования. Стоит ли удивляться, что судьи отправляют детишек в приюты по любому, даже самому незначительному поводу и что в споре с правоохранительной системой всегда будут неправы родители ребенка.

Но еще опаснее сама система ценностей, которую порождает ювенальная юстиция. В «ювенальной» системе координат ребенка убеждают, что не родители главные в семье, а судья, прокурор, государство. Тем самым авторитет родителей подрывается, а значит, подрывается институт семьи как таковой. Через несколько лет работы «ювенальщиков» мы рискуем получить целое поколение молодых людей, воспитанных в абсолютном пренебрежении к родителям и вообще к старшим, то есть злостных нигилистов, у которых нет ничего святого.

Похоже, именно этого и добиваются те, кто придумал и внедрил «ювеналку». Загляните на сайт любой общественной организации, занимающейся продвижением ювенальной системы. Вы увидите там объявления такого толка: «Дорогие дети! Если вас обижают родители, приходите к нам, сообщайте нам об этом,

и мы защитим вас!» Иначе говоря, принес ребенок домой двойку, родители его наказали, ребенок обиделся и настроил кляузку «доброй» тетеньке из общественной организации. Тетенька выяснила место работы родителей, их домашний адрес и написала рапорт судье по детским делам с просьбой принять меры. Меры, разумеется, тут же принимаются и в большинстве случаев сводятся к принудительному изъятию ребенка из семьи.

Доходит до того, что специально фабрикуются уголовные дела, и родителей, пытающихся опротестовать решения судов, отправляют в тюрьму, где их содержат вместе с педофилами и убийцами. В Германии, к примеру, в прошлом году за решеткой оказались отцы нескольких семейств русского происхождения. Их вина заключалась в том, что они запретили своим малолетним детям посещать уроки сексуального просвещения в школе. (Для тех, кто не в курсе, напоминаем, что просвещенная Европа сейчас активно внедряет в программу средней школы новый предмет — половое воспитание. Вполне естественно, что русские, недавно приехавшие в Германию и еще не испорченные европейской цивилизацией, воспротивились такой инновации в сфере образования, за что и получили тюремные сроки.) И весь этот идиотизм происходит при абсолютной поддержке государства, в том числе и финансовой. Например, во Франции на «ювеналку» ежегодно выделяется пять миллиардов евро.

Зачем все это делается? Объяснений может быть несколько. Во-первых, «ювеналка» крайне выгодна всевозможным правозащитным организациям. Работать с трудными подростками тяжело, реально помогать многодетным семьям — тоже. Гораздо легче строчить кляузы в суд на родителей и делать вид, что защищаешь права ребенка. А поскольку правозащитников всех мастей в Европе развелось как собак нерезаных, неудивительно, что ювенальная система получила такое распространение: вокруг нее постоянно пасется (и неплохо кормится!) целая армия бездельников с юридическими дипломами.

А во-вторых, широкое внедрение ювенальной системы отлично вписывается в общее магистральное направление развития западной цивилизации, ведущее к полной деградации традиционного общественного уклада. Однополые браки, гей-парады, половое просвещение в школах, так называемое планирование семьи — явления одного порядка. Вот теперь еще и «ювеналка» прибавилась — чтобы окончательно подорвать семейные ценности, отбить охоту рожать и воспитывать детей. И это на фоне крайне неблагоприятной демографической ситуации в большинстве европейских стран.

На очереди — Россия. В мае прошлого года наша страна ратифицировала Европейскую социальную хартию. Это со-

бытие почему-то не получило должного резонанса в обществе. А зря! Если бы «наши» продажные СМИ обстоятельно разьяснили народу некоторые положения этого документа, страна покрылась бы густой сетью пикетов и демонстраций протеста. Но ничего подобного не произошло. Между тем, пункт 11 Хартии предписывает странам-участницам ввести в учебные программы школ сексуальное просвещение, а в пункте 17 четко говорится о том, что никакое государство не может считаться европейским, если права ребенка в нем не защищает ювенальная юстиция. Так что, присоединившись к Европейской хартии, Россия теперь просто обязана ускоренными темпами внедрять «ювеналку».

И действительно, уже через три месяца был создан институт Уполномоченного по правам ребенка при президенте РФ и начата работа по созданию его филиалов во всех городах и весях страны. В идеале в каждой российской школе должен появиться свой уполномоченный по правам детей — что-то вроде английского или американского омбудсмена, задача которого — защищать ребятишек от произвола учителей. Самое печальное заключается в том, что эти уполномоченные не будут подчиняться органам образования. То есть педагогическое сообщество не сможет влиять на решения доморощенных омбудсменов. Зато последние получают почти неограниченную власть над учителями и воспитателями вплоть до привлечения их к уголовной ответственности за жестокое обращение с детьми. Под понятие «жестокое обращение» можно при желании подвести все, что угодно, например, двойку за невыученный урок или устное замечание за неряшливый внешний вид.

Осенью 2009 года «ювеналку» стали живо обсуждать в Государственной думе РФ. 12 ноября, например, на эту тему состоялись парламентские слушания. По некоторым данным, в это же время уже был готов федеральный закон об основах ювенальной юстиции в России. В декабре были предприняты усилия быстро и по-тихому протащить его через Госдуму. К счастью, эта попытка не удалась. Теперь «ювенальщики» пытаются внедрить отдельные элементы ювенальной юстиции. Для этого сочиняются всевозможные поправки в существующее законодательство, а в регионах запускаются «пилотные» проекты. Особенно преуспела в этом Ростовская область, очевидно, выбранная «ювенальщиками» в качестве полигона для своих экспериментов. Именно в Таганроге, к примеру, заработал первый в России ювенальный модельный суд. Правда, ничем путным он себя не проявил. Но «ювенальщики» не унывают. Наоборот, на одной из недавних пресс-конференций, посвященных внедрению ювенальной

юстиции в России, уполномоченный по правам ребенка, а по совместительству известный шоумен Павел Астахов подробно расписывал все прелести «ювеналки» и призывал другие регионы страны перенимать полезный опыт.

Параллельно в некоторых вузах началась ускоренная подготовка специалистов по ювенальной юстиции. Ведь если «ювеналка» заработает на полную катушку, стране понадобятся тысячи судей, омбудсменов, соцработников — словом, тех, кто будет профессионально защищать ребенка от родителей и педагогов.

Наконец, важным направлением работы «ювенальщиков» является создание общественного мнения — при помощи СМИ и, главным образом, телевидения. Неслучайно именно в начале этого года, сразу после неудачной попытки проталкивания соответствующего закона, на первом канале появился печально знаменитый сериал «Школа», выставляющий педагогов дебилами и садистами. Впрочем, странно было бы ожидать от создателей сериала чего-то иного, если учесть, что режиссер Валерия Гай-Германика в свое время трудилась оператором на порностудии, а сценариста Наталья Ворожбит, по ее собственному признанию, была тяжелой обстановка в семье и она шесть раз меняла школу. И вот эти экзальтированные дамочки с весьма сомнительным прошлым, не имеющие ни малейшего представления о труде педагога, состряпали сериал о школьных реалиях. А главный телеканал страны тут же начал крутить его в самое рейтинговое, как любят подчеркивать телевизионщики, время. Вряд ли это можно объяснить простым тупоумием г-на Эрнста...

После шквала гневных звонков и писем творение бывшего порнооператора сняли с показа. Однако время от времени по «ящику» нет-нет да промелькнет сюжет о родителях-мучителях или о воспитателях-садистах. В подобной ситуации оказались десятки российских семей. Особенно часто мишенью «ювенальщиков» становятся многодетные семьи, у которых социальные органы отбирают детей якобы по причине плохого ухода за ними со стороны родителей.

И действительно, живут многодетные семьи не в роскоши. Однако так сейчас живет добрая половина населения страны, и никому до этого нет ровным счетом никакого дела. А тут вдруг эдакая забота о бедных детях! Телевизионщики крупным планом показывают тесные квартирники, обшарпанную мебель, с умным видом рассуждают об отсутствии газа и горячей воды. Ну, как можно оставлять несчастных детей с такими нерадивыми родителями! В приют, немедленно в приют! Вот только забывают сообщить телезрителям, что газ и воду в квартире многодетной семьи отключили за неуплату, а

многочисленные просьбы родителей о помощи остались без ответа. И вместо того, чтобы реально помочь людям, действительно живущим в плохих условиях, в один прекрасный момент к ним приходят социальные работники с милицией и отбирают детей под вспышки фото- и телекамер.

Иногда и вовсе доходит до абсурда. В Приморье есть так называемая «детская деревня» — что-то вроде приюта, организованного на собственные средства местным предпринимателем. В «деревне» на полном обеспечении находятся несколько десятков детей. Воспитываются дети в строгости и уважении к традиционным ценностям. Например, воспитанникам запрещено выносить из столовой хлеб. За обедом можно есть вволю, но таскать с собой нельзя, чтобы не было соблазна бросаться хлебом. Так вот, это правило не понравилось какой-то «доброй» тетеньке из местного органа опеки. По ее настоянию в отношении руководителя «детской деревни» Олега Петрука было возбуждено уголовное дело, а запрет выносить хлеб представлен в суде как доказательство того, что детей в приюте морят голодом.

Цель этой информационной кампании вполне ясна: приучить людей к мысли о том, что единственными защитниками детей от произвола взрослых являются добрая тетька из органов опеки и добрый дядя из ювенального суда. А главные враги — это родители, педагоги и воспитатели. Неудивительно, что уже сейчас есть случаи, когда дети угрожали родителям и учителям судебным преследованием за требование помыть посуду или убрать школьный кабинет. Подобного рода требования на полном серьезе расцениваются как нарушение прав ребенка и эксплуатация детского труда.

Кто же активно лоббирует продвижение «ювеналки» в современной России? О некоторых персоналиях выше уже говорилось. Но кроме отдельных персон, есть еще и целые организации, которые уже не первый год занимаются тем, что искореняют семейные ценности в нашей стране. Одна из них — Российская ассоциация планирования семьи (РАПС), интересы которой в Госдуме представляет депутат Екатерина Лахова. Организация имеет филиалы в 50 регионах России и, в свою очередь, является филиалом Международной федерации планирования семьи (МФПС).

МФПС прославилась своими «передовыми» технологиями в области просвещения детей. Вот лишь некоторые темы занятий, которые специалисты МФПС настоятельно рекомендуют проводить с учениками начальной школы: «Жизненный путь гомосексуала», «Мастурбация как средство, позволяющее снять и смягчить проявление физиологического дискомфорта, вызванного биологической потребностью», «Прости-

туция — гетеросексуальная и гомосексуальная, индивидуальная и организованная». Список при желании можно продолжить — МФПС изрядно поднаторела в половом просвещении европейских школьников. Не без ее непосредственного участия сегодня во всех школах Франции, Германии и других цивилизованных стран существует такой предмет, как «сексуальное просвещение школьников». А в последнее время активисты МФПС обратили свои взоры на бескрайние российские просторы. Так, широкую известность получил разработанный экспертами МФПС «Международный проект полового воспитания российских школьников».

Помимо полового просвещения, специалисты МФПС занимаются работой с беременными женщинами. В 91 случае из ста работа сводится к тому, что беременной женщине делают аборт. Иначе говоря, деятельность Международной федерации планирования семьи весьма многогранна и направлена на сокращение и без того скудной рождаемости в большинстве европейских стран.

Основателем МФПС является злостная феминистка Маргарет Зангер. Правда, тогда, в 1930-х годах, созданная ею организация называлась более откровенно: Лига по контролю за рождаемостью. Теоретические разработки Лиги и лично Маргарет Зангер, опубликованные в журнале «Воительница», заинтересовали специалистов по расовой гигиене в эсэсовских мундирах и легли в основу многих программ по сокращению численности неарийских народов, осуществляемых в третьем рейхе. После Второй мировой войны, когда идеи нацизма стали, мягко говоря, непопулярны, Маргарет Зангер переименовала свою организацию: из Лиги она превратилась в Федерацию. Правда, суть от этого не изменилась, цели и задачи — тоже. Скорректированы лишь методы. К началу третьего тысячелетия Международная федерация планирования семьи допланировалась до того, что население Старого Света сегодня увеличивается только за счет мигрантов из Азии и Африки. И вот теперь передовые технологии по сокращению народонаселения специалисты МФПС активно внедряют в России, а помогают им многочисленные друзья и соратники из Госдумы, Общественной палаты, Министерства образования и прочих солидных ведомств.

В недрах Госдумы находятся, как минимум, пять законопроектов, в которых содержатся нормы ювенальной юстиции. Среди них — проекты федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» и федерального конституционного закона «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон Российс-

кой Федерации «О судебной системе в Российской Федерации». Принятие этих нормативных актов означает создание во всех регионах страны ювенальных судов, которым будут переданы все уголовные дела, где одной из сторон являются несовершеннолетние дети. Кроме того, полным ходом идет работа над поправками в федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Нетрудно догадаться, что суть предполагаемых поправок сводится к усилению роли Комиссий по делам несовершеннолетних и расширению их полномочий в области защиты прав детишек.

Не отстает и Министерство образования. Очередная инновация чиновников этого ведомства, вторая по степени идиотизма после ЕГЭ, называется так: паспорт здоровья школьника. Значительную часть этого 43-страничного документа занимает конфиденциальная информация о семье ребенка, собрать которую предлагается самому школьнику. Например, ребенок должен перечислить всех своих родственников до третьего колена и сообщить о них все, что ему известно, в том числе образование, место работы и должности, привычки и вкусовые пристрастия, а также домашние, рабочие и мобильные телефоны. Кроме того, ученик обязан вклеить в паспорт фотографию или рисунок своей квартиры или комнаты, подробно описать ее, а также указать микроклимат в семье.

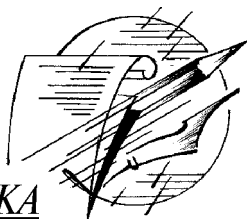
Совершенно очевидно, что собственно здоровье ребенка авторов этой затеи волнует в последнюю очередь. Цель иная: собрать подробное досье на всех граждан страны, у которых есть несовершеннолетние дети, и тем самым существенно облегчить работу ювенальным судам. В случае необходимости достаточно будет заглянуть в паспорт здоровья школьника и легко найти формальный повод для изъятия ребенка из семьи или для привлечения взрослых к уголовной ответственности. Маленькая квартира? У школьника нет рабочего места? Его папа пьет по праздникам и курит по выходным? Любое из этих обстоятельств может стать предлогом для последующих судебных санкций.

Остается только удивляться изощренности «ювенальщиков» и с сожалением констатировать, что если ювенальная система заработает в полную силу, под колпак попадут миллионы соотечественников. И любой из нас в любой момент может оказаться на скамье подсудимых по обвинению в жестоком обращении с детьми.

СВЯЩЕННИК И ГЕНЕРАЛИССИМУС

Правильная оценка роли, которую сыграл Иосиф Сталин в нашей истории, имеет значение, далеко выходящее за рамки чисто теоретического умозрения. «Вопрос об отношении к Сталину и к советскому периоду сегодня центральный, это не сугубо научно-исторический вопрос, это вопрос жизни и смерти, — говорит известный иерей, священник храма Святителя Николая в Хамовниках Александр Шумский. — От того, как мы его сегодня решим, зависит, возродим мы Российскую империю или нет. А без Империи у нас нет будущего... Сталин не был святым, но не был и исчадьем ада. Это был великий государственный деятель, который выиграл войну, внося огромный личный вклад в эту Победу. Во многом благодаря ему было создано великое государство, наследие которого существует еще до сих пор, мы живем этим наследием. По сути, мы еще живы только потому, что был Советский Союз».

Отношение нашего священства к Сталину несет на себе черты тех же противоречий, которые мы наблюдаем сегодня в обществе: в нем нет единодушия в отношении личности вождя. Отец Александр Шумский отнюдь не единственный защитник Сталина от тех нападок, которым подвергается лич-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ность Верховного Главнокомандующего. Достаточно вспомнить игумена Евстафия Жакова и шумевшую ситуацию вокруг знаменитой иконы, изображающей встречу Верховного Главнокомандующего и блаженной Матроны, будто бы имевшую место в 1941 году. Показательно, что положительное отношение наших духовных лиц к руководителю советского государства имеет достаточно глубокую традицию. «Сталин сохранил Россию. Я как православный христианин и русский патриот низко кланяюсь Сталину» — это писал святитель Лука, гонимый безбожной властью, испытывавший на себе, что такое ГУЛАГ. Когда мы порой слышим голоса высоких иерархов, порочащих Сталина, хочется спросить, знают ли они об этих словах святого исповедника.

Ту же традицию продолжил знаменитый батюшка протоиерей Димитрий Дудко. Из наших церковных деятелей он, пожалуй, больше других размышлял над феноменом Сталина: «Он и отец родной был. Заботился о народе. Ну и как отец наказывал. Сажал! А что, преступников надо наказывать. Вот сейчас не наказывают, и — видишь, что происходит. Грабят и убивают на каждом шагу».

Эта диалектика отношения к Сталину пережита в личном опыте, а не в умозрении, пережита человеком, который восемь лет отсидел в сталинских лагерях. Дудко вслед за патриархами Сергием и Алексием назвал Сталина «богоданным вождем». Кстати, и Александр Зиновьев, в шестнадцать лет оказавшийся на Лубянке по подозрению в подготовке покушения на вождя, прошел тот же путь. Цитирую: «Во главе России стоял Сталин, которого я считаю гениальным государственным деятелем и великим политиком XX века».

С этими словами философа перекликается высказывание отца Димитрия: «Не сразу Сталин осознавался как русский гений, не случайно он обладал скромностью и безсребренничеством, нравственными устоями. Нам, православным людям, испытавшим гонение за веру, нужно забыть обиду, как и подобает христианам».

Бывший руководитель Комитета государственной безопасности Владимир Крючков в конце 90-х годов предал гласности два документа, под которыми стоит подпись Сталина. Первый датирован 33-м годом. В нем содержится приказ прекратить уничтожение храмов, являющихся памятниками архитектуры. В другом документе, подписанном в 1939 году, ЦК постановляет прекратить преследования православных священников и мирян. Эти документы дали отцу Димитрию аргументы для статьи «Он был верующими», напечатанной в 1999 году в журнале «Наш современник».

Вопрос о том, был ли Сталин верующим, ставил не только отец Димитрий. Артем Сергеев, воспитывавшийся в доме Сталина, вспоминал:

«Помню такой случай году в 1931 или 32-м. Напротив школы, где учился Василий, во втором Обыденском переулке, был храм. Как-то, когда там шла служба, мальчишки возле храма пробовали стрелять из пугача. Василий в этом участия не принимал, а рассказывал отцу об этом. Отец спрашивает: «Зачем они это делали? Они же, молящиеся, вам учиться не мешают. Почему же вы им мешаете молиться?» Далее спросил Василия: «Ты бабушку любишь, уважаешь?» Тот отвечает, мол, да, очень, ведь это — твоя мама. Сталин говорит: «Она тоже молится». Василий: «Почему?» Отец отвечает ему: «Потому что она, может, знает то, чего ты не знаешь». По воспоминаниям телохранителя Сталина Юрия Соловьева, Сталин молился в церкви в Кремле, которая находилась по пути в кинозал. Сам Юрий Соловьев оставался вне церкви, но мог видеть Сталина через окно.

Образ Сталина занимает заметное место в литературном творчестве Дмитрия Дудко. Он герой ряда его произведений. Сталину посвящен отдельный рассказ-притча «Посмертные встречи со Сталиным». Встречи эти происходят и на том свете, и на этом. Вот Сталин, встав из гроба, приходит в свой кремлевский кабинет. Вызывает Горбачева, потом Ельцина, внушая страх и трепет тому и другому. Вот он идет в мавзолей к Ленину, и между ними происходит такой разговор:

— Владимир Ильич, пора бы проснуться.

— Страшновато, Иосиф Виссарионович. Вот тебя убрали от меня и положили в землю. Как богатырь, ты набрался силы от русской земли! Это я все загораю на поверхности под солнцем коммунизма. А оно уже перестало светить, становится холодно.

Получается, что Сталин — от земли, он почвенник, в отличие от Ленина, повисшего в некоем безвоздушном пространстве: «Вот я лежу без внутренностей и над бездной» — жалуется Владимир Ильич Сталину. Автор как бы дает понять, что посмертная участь Ленина тяжелее, чем у его преемника по партии.

Центральное место рассказа — встреча на том свете Иосифа Сталина и Николая Романова. Цитирую:

«Когда Сталин увидел, что перед ним во всем мученическом величии царь Николай Второй, он сначала загородил рукой свои глаза, потом открыл их, протер и тут же бухнулся в ноги».

Это акт покаяния и акт взаимного примирения. «Знаю, — говорит государь Сталину, — как ты старался сохранить стра-

ну как империю. Вот нет тебя, и всюду развал». Что означает это взаимное примирение? Оно символизирует соединение двух исторических путей России: православной монархии и социалистической империи. Встреча Сталина с Николаем — образ не просто примирения, это образ соединения двух русских держав: царской и советской. Отец Дмитрий, в данном случае как художник, показывает необходимость такого соединения. Я бы даже назвал это духовным завещанием отца Дмитрия. Как ни страшна была революция, она во многом случилась потому, что монархия, христианская по форме, перестала быть христианской по содержанию. Социальные отношения далеко не всегда строились на заповеди «возлюби ближнего своего». Противоречие формы и содержания закончилось революционным взрывом, разрушением формы. Нетрудно доказать, что социальные отношения при социализме значительно ближе к христианским принципам, чем капитализм дореволюционной России (не говоря уже о нынешнем капитализме, основанном на людоедской социал-дарвинистской модели). Единственный выход России из нынешнего исторического тупика Дудко видел в синтезе советской сверхдержавы и православной империи — то есть в христианском социализме. Один из теоретиков христианского социализма Александр Молотков, написавший книгу «Миссия России. Православие и социализм в XXI веке» пишет, что на этот труд благословил его отец Дмитрий. И добавляет: «Несомненно, я считаю отца Дмитрия своим духовным соавтором».

Далек ли был сам Сталин от идей христианского социализма? Вопрос этот парадоксален, но не беспочвенен. Вспомним: в разгар войны снимается фильм «Иван Грозный», где русский царь, образ которого, конечно же, ассоциировался с вождем красной империи, произносит тронную речь: «Два Рима пали, а третий — Москва — стоит, а четвертому не быть! И тому Риму третьему — державе Московской — единым хозяином отныне буду я один!» Вспомним: идет война, в СССР восстанавливается патриаршество, и вождь требует создать в Москве Всемирный православный религиозный центр. Могут возразить, что это была геостратегия, что этого требовали политические интересы. Возможно. Но можем ли мы представить себе Ленина или других видных большевиков, желающих ради политических интересов сделать главный город советской страны столицей мирового православия? А если бы сталинский план удался? Это не могло бы не повлиять на идеологию социалистического государства, на его дальнейшее движение в сторону русских национальных ценностей, основанных на евангельском учении.

Конечно, нельзя отрицать того, что Сталин был убежденным коммунистом. Но практика политической деятельности, творчество государственного строительства уводили его от марксистских догм к реальной жизни. В этом отношении достаточно проследить эволюцию взглядов вождя по национальному вопросу — от Ленина, постоянно колебавшегося в вопросе, может ли революция в России устоять во враждебном капиталистическом окружении, к твердому теоретическому обоснованию возможности победы социализма в одной стране, выработанному в ходе острой внутривнутрипартийной дискуссии 1925—1926 гг., далее к последовательной реализации этой возможности в процессе индустриализации, а в конце своей политической деятельности к откровенно националистическому манифесту: «Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации».

Таким образом, трактовка Димитрием Дудко Иосифа Сталина как русского почвенника, отнюдь не лишена основания.

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Владимир ПРАСОЛОВ (г. С.-Петербург)

ВАНГОЛ*

Фрагмент романа

Посвящается моему отцу,
Егору Дмитриевичу Прасолову

— Гони, ро-ди-мы-я! — орал бородатый казак, нахлестывая пару гнедых жеребцов, запряженных в легкую кошевку. Они по обочине, по неглубокому еще снежку быстро обгоняли длинный обоз. Офицер, сидевший в кошевке, надвинув на самые брови фуражку, дремал. Легкие сны прилетали к нему то в образе красивой, стройной женщины, которая, протягивая руки, звала к себе, а его уносил куда-то под перестук колес воинский эшелон. То вдруг он видел себя в кругу друзей, таких же, как он, фронтовиков, пропахших дымами костров и пороховыми газами, чумазых и разгоряченных после очередной атаки, и отчаянно веселых, несмотря на страх и ужас, испытанные только что.

— Вашбродь! Вашбродь! Обошли, обошли обоз! Вон сотник Сысоев вас поджидают.

— Молодец, Акимыч! Лихо! Хвалю! — капитан снял фуражку, подставив свежему морозному ветерку красивое волевое лицо. Его сросшиеся на переносице черные брови бла-

* Вангол — сокращенное имя героя романа Ивана Голышева.

городно оттеняли большие открытые глаза, в которых горел неистощимый заряд энергии и жизненной силы.

— Господин капитан, дальше обоз не пройдет, дорог дальше нет, — доложил подъехавший на белом дончаке сотник. В его глазах были тревога и некоторая растерянность. — Куда дальше, господин капитан? В такие турлы забрались. Шестой ден как последнюю деревню прошли!

Сотник спешился и, вытащив трубку, стал неспешно набивать ее табаком.

Офицер вылез из кошевки, подошел к коню сотника и погладил доверчиво потянувшуюся к нему голову.

— Хорош у тебя дончак, Петр Петрович!

— Вашбродь, у вас не хуже. Чистых кровей конь, сразу видно. Так что делать будем?

— Нельзя обоз краснопузым оставить, и защитить его мы не сможем. Мало нас. Значит, уходить в тайгу нужно, сотник.

— Как уходить-то? Куда в зиму? Сгинем в этом безлюдье.

— Петр Петрович, ты же бывалый казак, охотник, неужто пропадем? Края здесь безлюдные, ясно, так и зверя полно. Нам время выиграть надо, они же не подумают, что мы в эту глухомань подались, вдоль железной дороги искать нас станут. Переждем, а там, глядишь, наши подтянутся и вышибут голоштаных.

— Так-то так, да дорог-то нет, обоз не пройдет.

— Выучить лошадей, сколько сможем. Все, что не сможем взять, здесь укроем, в землю. — Капитан вытащил из кармана золотые часы и, откинув крышку, посмотрел на циферблат. — Три часа на все. Выполнять.

— Так точно, — козырнул сотник и, вскочив на коня, рысью метнулся к подходившему обозу.

«Лучше в тайге Богу душу отдать, чем подарить красным этот обоз и людей отдать на растерзание комиссарам», — думал капитан, глядя, как сотник отдает команды...»

Легкая метель замела следы ушедшего обоза и пепелище сожженных повозок.

Раньше он никогда бы не подумал, что Новый год придется встречать так. Боже, как быстро может все измениться в жизни! Еще месяц назад были мечты, друзья, планы на жизнь. Ожидание праздничного, пусть не богатого, но сытного стола, веселых и здоровых друзей за этим столом, добрых рук матери, любившей пригладить непокорные вихры на его голове... И вот, ничего этого нет, и как будто никогда не было, и самое страшное, что этого, наверное, уже никогда не будет...

Ровный перестук колес и медленное покачивание вагона вдруг резко оборвались и сменились противным скрежетом железа. Эшелон остановился, постанывая и поскрипывая. Остановилось и застыло все, что посещает людей в минуты сна или забытья. Все то, что теплится в их душах. То, что они стараются на какие-то мгновения удержать в памяти как последний глоток благодати, зная неизбежно, что, открыв глаза, они увидят перед собой ту страшную реальность, в которой очутились, из которой не видно выхода, и неизвестно будущее.

Вторую неделю эшелон шел на восток. И чем дальше он уходил в Сибирь, тем меньше оставалось надежд. Вагоны перестали открывать на остановках уже после Омска. Чуть приоткрыв дверь, дежурный по эшелону орал осипшим голосом фамилии. Если кто-то не отвечал, дверь открывали. Вместе с морозным воздухом в теплушку вваливались два-три конвоира и выносили, укладывая напротив двери прямо в снег тех, кто не мог уже крикнуть «Я!».

Что делали с теми, кого выносили на снег, никто не знал, да и не хотел знать. Жадно вгрызаясь в замороженный хлеб, все ждали, когда закроют, наконец, дверь, потому что жизнь была напрямую связана с теплом, которое с каждой минутой уходило из вагона.

— Гольшев! — Услышав свою фамилию, Иван крикнул: «Я!» Сосед по нарам по фамилии Пигарев отозвался только после хорошего пинка и, раздирая затекшие веки слезящихся глаз, долго извинялся, ссылаясь на то, что почти не слышит на левое ухо, которое после удара по голове кирзовым сапогом стало как чужое.

Единственный человек, с которым Иван познакомился за эти дни, был Гоголев Ефим Васильевич, в прошлом — учитель химии сельской школы где-то под Смоленском, а теперь — осужденный за создание антисоветской группы по подготовке массового отравления скота. Этот неказистый на вид человек с умными и добрыми глазами был, наверное, любим учениками, жил скромной жизнью. Как он рассказывал, в роду Гоголевых испокон веков учительствовали или лечили. Чувствовалось, что он этим гордился и дорожил. Иван видел, что среди многих окружавших его людей, подавленных, смирившихся или негодовавших, стиснувших зубы и ушедших в себя, ошетинившихся в прямом и переносном смысле, этот человек остался таким незащищенным и простым, что невольно вызывал жалость, а вместе с тем и уважение. Его неловкость и неуклюжесть в делах вагонного бытия вызывали раздражение у одних, смех у других. Но и

те, и другие постепенно привыкли к этому человеку и завороченно слушали под монотонный стук колес, как он тихим, но очень выразительным голосом читал на память главы из «Войны и мира» или рассказывал о далеких странах, морях и океанах, о земле и вселенной. Ивану через несколько дней почему-то стало неловко обращаться к нему по фамилии. Сами того не замечая, все стали звать Гоголева по имени и отчеству — Ефим Васильевич.

Иван мучился от осознания непоправимых, как ему казалось, обстоятельств, совершенных им опрометчивых поступков, сложившихся в цепочку событий, ставших для него роковыми. Он переживал их снова и снова, пытаясь хоть мысленно изменить то, что изменить было уже невозможно. Вновь и вновь понимая это, он с каждым днем терял само желание жить дальше.

Срок заключения, определенный ему, был так огромен, что перечеркивал всю жизнь, и он даже не пытался строить планы на будущее.

Он прожил двадцать лет, и ему дали двадцать лет лагерей. Этот приговор, оглашенный в тесном прокуренном кабинете, куда его привели после недели изнурительных и бессмысленных допросов, не сразу дошел до сознания. Он, оглушенный и ошарашенный этими цифрами, ничего не понимая и уже не воспринимая на слух, просто смотрел и пытался запомнить лицо человека, читавшего ему приговор. И он это лицо запомнил. Теперь часто оно виделось ему, врываясь в сновидения, беззвучно шевелило губами, показывая крупные и редкие передние зубы, отрываясь от чтения, поднимало на него глаза, в которых можно было увидеть только глухое безразличие и усталость. Как раз эти безразличные карие, слегка нависшие, глаза объясняли Ивану все. Вернее, взгляд этих глаз на него, как на пустое место. «Без права переписки» означало как бы гражданскую смерть. Оставалось тело человека, живое, способное работать, но уничтожалась его личность. Тело должно было искупать грехи своей утраченной личности, поэтому его под усиленной охраной везли на восток бескрайней матушки России. Дорога была бесконечно длинной из-за множества остановок и мучительной из-за неизвестности.

Однажды Иван поделился своими мыслями с Гоголевым. Как на исповеди рассказал ему все о себе, о том, что теперь жизнь загублена, и лучше броситься на штыки конвоя и сгинуть, чем умирать медленно и бесцельно. Ефим Васильевич слушал внимательно, не перебивая и не переспрашивая. Выслушав, долго молчал. В темноте теплушки не было видно его

лица, Иван уже было решил, что Гоголев уснул. Однако это было не так. Ефим Васильевич думал, как объяснить этому молодому человеку, мужчине в расцвете лет и сил, потерявшему веру в жизнь, что все то, что с ним произошло, произошло с ним именно потому, что в определенный отрезок времени он был предельно честен и порядочен. Однако эти качества не соответствовали тем ценностям, которые исповедовались в обществе и были просто этому обществу вредны. Как объяснить, что человеческая жизнь — это бесценный дар, и бесполезной, бессмысленной быть не может, если только сам человек не сделает ее такой. Как объяснить, что даже в самых неимоверно трудных условиях люди находили в себе силы для полноценной жизни, что каждый отведенный тебе день на земле нужно прожить с пользой для себя и других людей. Как это все объяснить человеку, трясущемуся от холода в темном и сыром, провонявшем нечистотами вагоне, везущем его в неизвестность? Как помочь ему обрести веру в себя, в то, что все это можно и нужно пережить, раз уж так распорядилась судьба? Победить в себе зверя и труса, остаться человеком и выжить не за счет чьих-то жизней, а преодолев все. Он это понимал. Он сам был в такой же ситуации. Но он прожил большую жизнь среди людей.

Ефим Васильевич, хмыкнув, как бы подытожив свои размышления, сказал:

— Иван, всегда считай, что главное в жизни ты еще не сделал. И еще запомни, даже если жить осталось только один день, не поздно начать все с начала. Я говорю тебе это потому, что верю, что рядом со мной в этом вагоне настоящий русский человек, попавший в беду, как многие другие. Что этот человек не сломается. Что придет время, и он расскажет правду своим детям о том, как ему пришлось выжить, и ему при этом не будет стыдно. А теперь давай попробуем уснуть. Поверь, там, куда нас везут, сон будет великим благом. Российские тюрьмы и при царе-батюшке не отличались комфортом, а уж теперь, когда столько «врагов народа» развелось, думается, тесновато будет. Так что, Иван, давай радоваться отдельным нарам с соломенным матрасом.

Иван долго ворочался, переваривая слова Ефима Васильевича, наконец, уснул. В эту ночь он впервые спал спокойно и проснулся отдохнувшим, уверенным в себе. На перекличке не пнул ногой оглохшего соседа по нарам, а растормошил его. Никто не заметил перемен в его поведении, внешне он оставался таким же, как был, но внутри, он понял, что-то изменилось.

На полустанке, где-то под Иркутском, из соседнего вагона вынесли умершего ребенка. Обезумевшая от горя мать

бросилась на конвоира. Дикие крики женщины и мат охранников, забивавших ее ногами около теплушки, стоили жизни еще одного человека. От сердечного приступа умер Ефим Васильевич Гоголев. Когда его тело выносили из вагона, Иван подумал: если он вырвется из ада, то найдет этот полустанок и могилу этого человека, ведь не звери же они, должны как-то хоронить людей. Иван ошибался. Погибших на этапе закапывали в траншеи, не оставляя никаких следов на месте захоронения. Один Бог знает, сколько таких траншей вдоль великой сибирской «железки».

«Бог придумал Сочи, а черт — Сковородино и Могочу». В справедливости этой поговорки все выгружавшиеся из теплушек заключенные убеждались сразу. Прикрытая с юга сопками и открытая с севера, расположенная в низине, станция Могоча продувалась насквозь ледяным ветром. Одетые кто во что, но в основном в осеннюю одежду, люди коченели на ветру при минус сорока градусах. При этом на абсолютно безоблачном синем небе сияло солнце, как бы смеясь над жалкими горстками людей, сбивавшихся в кучи у вагонов. Конвоиры, одетые в валенки и полушубки, не спеша пересчитывали прибывших и группами по двадцать человек уводили к видневшимся невдалеке от локомотивного депо баракам. Бараки, длинные срубы под низкими крышами без окон, как огромные деревянные ступени спускались по склону сопки, вероятно, к реке. Последние еще были не достроены, и там суетились какие-то люди, звонко тюкая топорами по твердому, как камень, мерзлomu дереву, что-то кричали, перекатывая бревна на покатах. Еще издали Иван увидел, что из крыш барakov в нескольких местах поднимается вертикальными белыми столбами дым, их ждет тепло. Находясь в третьей или четвертой двадцатке, миновав двойные ворота из колючей проволоки, между которыми их еще раз пересчитали, Иван довольно скоро оказался у входа в барак.

— Фамилия?

Скованными от холода губами, каким-то чужим голосом Иван назвался и переступил порог барака. После ослепительного белого снега и солнца в помещении невозможно было что-либо разглядеть. Объятые облаком пара, все сгрудились у входа. Сзади идущие напирали, передние, упиравшись в них спинами, протянув руки, как слепые, осторожно ощупывая ногами пол, медленно как бы вдавливались в помещение. Еще окончательно не прозрев, все замерли, услышав монотонный гул, вернее, стон, а еще вернее, сотни человеческих стонов и воплей, идущих из глубины полутемного

барака. Ужас и страх сковал людей, перехватил дыхание. Иван почувствовал, как его, еще секунды назад коченевшее на морозе тело, как будто окатила горячая волна, крупные капли пота, скатываясь со лба, едко защипали глаза. Полоса света из открывшейся двери предбанника и здоровый, мордатый, по пояс голый мужик, высунувшийся оттуда, произвел на всех впечатление какого-то чуда. И это «чудо», увидев толпу вошедших, негромко так запричитало:

— Ну, ты кого, моя, чо стоим, проходи, проходи, раздвигайся. Ну, ты, паря, даешь, пальцы-то синие! Там холодна вода, суй, оттирай. Там — парилка, там — мойка, одежду сюды в мешки, в пропарку.

Через несколько минут баня наполнилась воем и стоном еще двадцати мужиков, с дикой болью оттирающих в ледяной воде подмороженные руки и ноги, щеки и носы. А потом, воюющие от боли, они лезли в тесную парную, где раскаленные добела камни не давали воде долететь до них, превращая ее в пар. Все это происходило под непрерывное: «Скоренько, скоренько, народец ждет, ох, вас седне подвалило». Тут же, в дальнем конце мойки, орудовали пять и больше парикмахеров, начисто снимая волосы с голов. Иван удивился большой куче аккуратно сметаемых человеческих волос. Среди них отдельно лежали женские косы. Процедуры закончились выдачей исподнего, ватных штанов, телогреек, шапок и валенок.

Ивану, в отличие от многих, повезло. Он не отморозил конечностей, не попал сразу в рабочий наряд и успел занять место на нарах. Засыпая в вонючем, но теплом бараке, он думал только об одном — нужно готовиться к победе.

Пересыльный лагерь принял в свои объятия еще несколько сотен заключенных, чтобы через какое-то время разбросать их по рабочим лагерям согласно заявкам и разнарядкам системы. Заявок было много, лагеря требовали людей. Ровной стопкой, в правом углу сейфа, в папках под грифом «совершенно секретно» лежали эти заявки. В левом углу, так же аккуратно подшитые, лежали списки заключенных, их личные дела. Начальник лагеря майор Альберт Генрихович Битц любил порядок. По происхождению судетский немец, студент филологического факультета, обожавший гулять по вечерним улочкам Праги, пивший с друзьями крушовицу в любимом ресторанчике «У принца» на Старомаястской площади, был мобилизован в 1914 году и отправлен на восточный фронт. Австрийская дивизия, в составе которой он служил унтер-офицером, была смята и наголову разбита под

Ковелем во время Брусиловского прорыва. Он в числе нескольких тысяч пленных попал в Россию, в лагеря под Москвой. Несколько лет плена позволили ему удивительно легко освоить русский язык, что очень пригодилось, и предопределило всю его дальнейшую жизнь. После октябрьских событий в России в лагерях появились представители большевиков, которые вели среди военнопленных агитацию. Битц, хорошо освоивший русский язык, как-то незаметно, сначала в качестве переводчика, а затем и агитатора идей социалистического интернационализма, сблизился с одним из них, Петром Иониным. Их знакомство и дружба были намертво скреплены и родством. Сестра Ионина, Вера, яростная революционерка, по уши влюбилась в чистоплотного и симпатичного Битца. И так же яростно отдалась ему в один из революционных праздников. Поэтому ему ничего не оставалось, как предложить ей руку и сердце. В дальнейшем, при организации интернациональных бригад ВЧК, он был назначен замкомбрига одной из них, где с оружием в руках доказал свою преданность идеям большевиков. Правда, не на полях сражений гражданской войны, а при проведении массовых операций по экспроприации ценностей у населения российских городов и селений, подавлению крестьянских бунтов. Его активная деятельность была замечена и оценена. В начале 1922 года он был принят в члены партии и назначен заместителем начальника одного из первых концентрационных лагерей в Поволжье. Немецкая педантичность, безусловное и точное исполнение всех указаний руководства, практичный холодный ум Битца, поддержка в руководстве ВЧК, а затем и НКВД, позволили ему спокойно пережить все невзгоды того бурного времени, минуя какие-либо интриги, достойно занять место начальника пересыльного лагеря. Со временем в системе ГУЛАГа мало кто не знал Битца, сумевшего в своем лагере создать производство кожаных кресел, мягких и удобных. В конце тридцатых годов во многих, даже московских, кабинетах начальственные задницы удобно устраивались в подаренные кресла, обитые хорошо выделанной коричневой свиной кожей, под которую был набит несминаемый вечно человеческий волос. То, что «кадры решают все», он понял раньше Лаврентия Павловича Берии, поэтому всегда лично просматривал списки заключенных и как бы случайно в его пересылке задерживались надолго лучшие врачи, ювелиры, портные и другие «ценные» враги народа.

В эти минуты, когда Иван Голышев засыпал на нарах, в своем кабинете, освещенном настольной лампой с зеленым абажуром, стоящей на массивном столе, под портретом вож-

дя мирового пролетариата, в кресле сидел лысеющий не по годам, сухошавый, с пронзительными серыми глазами, в безукоризненно отглаженном военном френче с малиновыми майорскими петлицами Альберт Генрихович Битц и листал очередное «личное дело» — заключенного Гольшева Ивана Романовича, 1918 года рождения, русского, беспартийного. С тюремной фотографии анфас на него смотрел широко расставленными, большими, внимательными глазами молодой человек. Слегка волнистые, темные волосы в пробор, скуластый, с прямым безукоризненным носом и полными, не сколько девичьими губами.

Профиль говорил о многом — большой выпуклый лоб, чуть заметная горбинка носовой линии и выступающий подбородок свидетельствовали о незаурядном уме и твердой воле заключенного. Возраст же и, особенно, взгляд говорили о том, что этот человек еще не окреп и не сформировался как личность окончательно.

Альберт Генрихович за годы работы в лагерях приобрел бесценный практический опыт физиономиста. Он мог даже по фотографии безошибочно определить характер и склонности человека, тип его личности и уровень интеллектуального развития. Личные беседы с заключенными позволяли обогатить этот опыт. Ему доставляло истинное удовольствие, составив для себя по фотографии психологический портрет человека, убедиться затем при допросе в правильности своих умозаключений. Он, как хороший врач, зачастую лишь взглянув на больного, уже знал суть болезни и мог поставить диагноз. Только его диагнозы несколько отличались от врачебных. Он не лечил тела и души людей, он ломал волю не сломленных, а значит опасных даже в лагере. Его резолюция типа «склонен к побегу» были безошибочны. Находя в массе заключенных таких людей, он подчинял их себе, если это было возможно. Используя их авторитет, руководил внутренней, как бы скрытой от глаз чекистов, жизнью лагеря. Те же, кто, несмотря на все методы воздействия Битца, не ломались, уходили в другие лагеря с такой «сопроводилкой», что попадали на особый контроль, обеспечивавший им, по сравнению с остальными, тяжелую и мучительную жизнь. Выявляя людей слабовольных и жадных, трусливых и завистливых, он вербовал их в лагерные «сексоты», и они преданно служили ему, денно и нощно фиксируя все, что происходило в темных бараках лагеря и поставляя информацию об этом. Однажды угодив в сети Битца, никто не мог из них добровольно вырваться. Время доказывало высокий профессионализм Битца в отборе: ни один из его сексотов и не стремился к

этому. Уходя с пересылки в другие лагеря, они продолжали служить новому хозяину так же преданно, отрабатывая дополнительную пайку, с особым рвением исполняя свою службу работу. Шли годы, и уже почти во всех лагерях «трудилась» стучачи Битца, за что их «крестный отец» пользовался большим авторитетом среди оперов. Такая своеобразная сексотшкола была его любимым детищем. С истинно немецкой педантичностью Битц вел картотеку своих агентов, это был его личный секретный архив продажных душ.

По одному ему, Битцу, известным признакам Гольшев в сексоты не подходил. Не был он, по мнению начальника лагеря, и особо опасен. И его «дело», без особых отметок, чуть не перекочевало в папку обычных и ничем не заинтересовавших хозяина заключенных, сотнями направляемых им по лагерям системы. Однако специальность заключенного «шахтер» определила дальнейший путь папки, и она легла в особую папку. Эта особая стопка личных дел формировалась по специальности, связанным с горнорудным производством, где требовались молодые, физически здоровые зеки. Естественно, он знал, на какие работы уйдут эти люди. Интуитивно чувствуя в этом молодом заключенном признаки волевой личности, Битц еще раз хлопнул ладонью по папке, как бы утверждая свое решение, — этого туда, там тебя без особого труда сломают и превратят в полезное и безобидное существо типа слепой шахтерской лошади. Изучив еще несколько личных дел, Альберт Генрихович до хруста в теле потянулся, встал и вызвал дежурного. Еще один день закончился.

Утром следующего дня, тщательно выбритый и пахнущий дорогим одеколоном Битц принимал доклады подчиненных. По всем прикидкам, со дня на день должна была вернуться колонна грузовиков спецэтапа. На неделе с Главупра дважды звонили и требовали увеличить спецэтап на Удоганлаг. Раз в неделю грузовики увозили туда зимником сто двадцать заключенных, теперь требовали отправлять двести—двести пятьдесят. Из Читы по железной дороге эшеленом пришли новые «ЗИСы». Пять автомобилей, еще пахнувших краской, стояли на площадке, водители по стойке «смирно» рапортовали начальнику лагеря о прибытии и готовности к исполнению обязанностей. Битца радовало, что система работала как хорошо слаженный механизм. Потребовалось увеличение численности в лагерях, и вот эшелон за эшеленом пошли заключенные. Все его заявки по личному составу и технике выполняются быстро и в срок. Он гордился, что является час-

тицей этой громадной системы, винтиком этого сложного и ответственного механизма, и далеко не последним винтиком. Проверяющие всегда отмечали в его лагере образцовый порядок. Даже в лагерьном кладбище все могилы копаются ровными рядами и столбики с номерами одной высоты, как по линейке.

После обеда пришли грузовики с Удоганлага. Смертельно уставшие водители и сопровождающая охрана, сдав машины дежурному по лагерю, потянулись в сторону столовой. Начальник конвоя лейтенант Макушев, высокий, широкоплечий мужик в тулупе, перетянутом портупеей, унтах и мохнатым волчьем треухе, широко шагая, направился в сторону комендатуры.

«Молодец Макушев, как из железа», — улыбнувшись, подумал Битц, увидев бодро приближающегося к нему лейтенанта. Остановив на полуфразе официально начатый Макушевым доклад, пригласил его к себе в кабинет.

— Там доложишь, чайку попьем.

Тем временем группа заключенных под наблюдением конвоиров начала разгрузку прибывших машин.

— Елы-палы, — вырвалось у Голышева, когда ему на спину надвинули ящик из кузова машины, — до чего тяжело, не удержу один! — За другой конец ящика сзади подхватили и понесли. Тяжелые деревянные ящики длиной почти в ширину кузова аккуратно снимали с машин и укладывали в штабель. Точно такие ящики, но пустые, по пять штук загружали обратно в кузова. Из последней машины выгрузили к бане кучу телогреек, ватных штанов, шапок и валенок.

Наблюдая из окна разгрузку, Битц спросил:

— Сколько?

— Двенадцать, товарищ старший майор, — ответил лейтенант, оторвавшись от кружки горячего чая, — троих можно было еще в Тупике списывать, видел, что не довезу, да куда их там денешь? Один участковый на полторы тысячи квадратных километров. — Лейтенант выложил на стол личные дела двенадцати заключенных. — Хлипкий народ, городской, к нашей природе не приспособленный. — Макушев, допив чай, получив разрешение, закурил самокрутку едкого самосада.

— Лейтенант, угощайся, — протягивая папиросы в красивой упаковке, сказал Битц, — любимые папиросы Сталина.

— Он же, говорят, трубку курит.

— Трубку, ты прав, а табачок из этих только папирос мнет. — Макушев с видимым сожалением затушил самокрутку, уложив ее в жестяную табакерку и, прикурив папиросу,

затянулся кислым, приторным дымом «Герцеговины Флор». При всей неприязни к этому дыму, Макушев улыбнулся и сказал:

— Да, табачок что надо, приятный.

«Умный мужик», — все прекрасно понимая, подумал Битц.

Рудное месторождение редких металлов Удоган было расположено севернее Могочи на четыреста километров. И только на сто километров до поселка Тупик была пробита в тайге более-менее сносная дорога. Этот участок пути колонна спецконвоя проходила за световой день, восемь-десять часов, как повезет, с остановками только по нужде. Горная в основной части, покрытая снежным накатом дорога, в распадках, а то и, что более опасно, на склонах сопки, то и дело пресекалась ручьями, намерзающий лед на которых проваливался под колесами автомобилей. Естественные преграды приходилось преодолевать пассажирам при обжигающем ветре, ласково называемом местными жителями «хиусок», топорами и лопатами рубить лед, проваливаясь в ледяную воду, вытаскивать застрявшие машины, а затем, трясясь в кузове под брезентовым тентом, медленно замерзать до потери чувств и молить Бога о том, чтоб наступил конец этой дороге. Но первые сто километров были только начало, первым и самым легким этапом этого пути на Удоган. Остальные триста можно было преодолеть вообще только зимой по зимнику, пробитому по руслам замерзших рек, по каменным долинам да таежным распадкам. Где-то посередине зимника, в каменной долине, зажатой со всех сторон сопками, стояли деревянные, сколоченные из досок, бараки, и несколько рубленых из бревен домов. Это было место дозаправки и ночлега. Его никто не охранял, там никто не жил. От этапа до этапа место посещали только волки. Дальше, до самого Удоганлага, остановок с ночлегом не было.

Лейтенант Степан Петрович Макушев, коренной забайкалец из даурских казаков, не один десяток раз прошел этот зимник и уже наверняка знал: оставшиеся в живых после ночлега в долине до Удоганлага доедут.

Долина, вероятно, пересохшее русло какой-то огромной древней реки, была сплошь выложена огромными валунами, за которые даже неприхотливая таежная растительность не могла зацепиться. Где-то глубоко под валунами журчала вода. Зимой, перемерзая в течении, ключ выходил на поверхность как раз в том месте, где стояли бараки. Дальше вода, разливаясь, заполняя пространства между валунами, замерзала слой за слоем, образуя нечто похожее на огромный слоеный

торт. Бесснежные забайкальские зимы с лютыми морозами создавали в долине поистине прекрасные шедевры дикой красоты. Ясными морозными ночами в ледяных зеркалах долины отражались звезды. Глядя со стороны, с сопок, казалось, что черное, с ослепительно яркими звездами небо не кончается на горизонте, а спускается и расстилается прямо тебе под ноги. Не раз Макушев, сидевший в кабине головной машины, при спуске в эту долину ночью сам вздрагивал от столь невероятной картины. Видел, как бледнеет и напрягается лицо водителя, как намертво сжимают баранку руля его руки.

— Итак, двенадцать. Двенадцать из ста двадцати, это же десять процентов! Ты что, Макушев, под трибунал захотел? — спокойным и ровным голосом произнес Битц. Макушев вскочил, пытаясь объяснить что-то майору, но Битц таким же ровным голосом приказал: — Сидеть. Молчать. — Макушев сел, нервно перебирая пальцами и глядя на шагающего от стола к окну и обратно майора.

Остановившись, в упор глядя в глаза Макушеву, который под этим взглядом стал вновь приподниматься, Битц повторил:

— Сидеть. Пришла секретная директива из Центра. Общий смысл такой: страна под руководством партии и лично Иосифа Виссарионовича Сталина напрягает все силы для развития экономики. Для того чтобы мощная советская индустрия работала, необходимо ценное стратегическое сырье и золото. Этой задаче подчинены все, в том числе и в первую очередь, заключенные в лагерях, обязанные искупать свою вину перед народом трудом. Мы же обязаны обеспечить лагеря заключенными. Живыми, понимаешь, Макушев, живыми, а не мертвыми! Я понимаю, что ты хочешь сказать, что все равно из Удоганлага никто не вернется. Это не важно. Важно, чтобы они туда прибыли и выполнили определенный объем работы. Я докладывал о трудностях этапирования в Удоганлаг и связанных с этими трудностями потерях. Нам с пониманием идут навстречу, но не более пяти процентов потерь, не более! Должностные лица, допустившие неоправданные потери при этапировании заключенных, будут признаваться пособниками врагов Советской власти со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ты все понял?

— Так точно, — Макушев чувствовал, как прилипла к телу рубашка. Он понимал, что сейчас в руках майора его судьба, его жизнь.

— Товарищ майор, вы же знаете, не от меня зависит, вернее, что от меня зависит, я готов, но я и так всегда... — он сбился, замолчал.

— Отставить, лейтенант, возьми себя в руки. Хороший ты мужик, честный и преданный... — несколько помед-

лив: — ...делу партии и правительства, — сказал Альберт Генрихович. — Что тут сделаешь, нужно как-то выходить из создавшейся ситуации. Ты с какого года в партии, с двадцатого? Стаж хороший, да и послужной список у тебя неплохой, недавно смотрел. Правда, сейчас прежние заслуги во внимание не принимаются. Но мы-то с тобой уже пять лет вместе, Макушев, ты меня не подводил, думаю, и дальше не подведешь, а, Макушев?

Макушев встал и, преданно глядя в глаза Битцу, сказал срывающимся от волнения голосом:

— Упаси Господь, вернее не бывает!

— Лейтенант, ты же коммунист, какой Господь? Просто дай мне честное слово, слово коммуниста, что всегда и при любых обстоятельствах мой приказ для тебя — закон.

— Даю слово коммуниста и никогда вас не подведу, — откровенно и честно глядя в глаза Битцу, сказал Макушев.

— Хорошо. А теперь слушай внимательно, как мы поступим, чтобы вытащить тебя из этой беды. Завтра утром, как всегда, привезут на захоронение расстрелянных из районного НКВД. Сколько их по нашей линии, никто не фиксирует, но при захоронении могил должно стать на шесть больше. Похоронишь шесть чужих как шесть своих, а на этапе у тебя замерзло шесть, понял? А те шесть умерли не на этапе, а в лагере от болезней или еще от чего, это мы с начальником медчасти решим. Вот тебе пять процентов, понял?

— Понял, все сделаю в лучшем виде. — Макушев просветлел в лице и как-то даже стал шире в плечах.

— Идите, Макушев, отдохните, через три часа у меня должен лежать отчет на столе о шести погибших зеках.

— Есть.

Нехитрые комбинации с мертвыми душами Битц практиковал давно, еще со времен своей службы в концлагерях. Там было проще, в концлагерях просто уничтожались представители эксплуататорских классов и контрреволюционеры всех мастей, никто не учитывал количество умерших или расстрелянных посуточно. Пользуясь этим, он просто завышал количество содержащихся под стражей и имел тем самым дополнительные продукты питания. Положенный паек зеки получали полностью, ну а «мертвые души» пайки не требовали, просто на бумаге, в отчетах они жили немного дольше.

Как только Макушев вышел, осторожно закрыв за собой дверь, Битц удовлетворенно откинулся в кресле. Все будет нормально, и требования руководства не нарушены, и покойнички лишнюю недельку «поживут». Самое главное — повязал он Макушева, крепко повязал.

Впервые Иван спустился с отцом в забой семнадцатилетним парнем. Он увидел подземный мир, узнал тяжелый изнурительный труд и почувствовал ту, непонятную людям, не работавшим в шахте, особую шахтерскую гордость, от которой особым светом сквозь иссиня-черные ресницы светятся глаза горняков.

Страна била рекорды, стахановское движение увлекло Ивана, и он, уже бригадиром комсомольско-молодежной бригады, гнал и гнал «на-гора» черное золото. Только никак они не могли всей сменой догнать того неистового шахтера. Как-то на комсомольском собрании Иван сгоряча сказал, что не верит, будто один рабочий смог за смену нарубить двести тонн угля. На этом же собрании его сняли с бригадиров и чуть не исключили из комсомола. А на следующий день в лаве не выдержала кровля, и обвал навсегда оставил под землей двадцать девять шахтеров. Иван чудом уцелел. Он по указанию начальника участка подвозил по штреку крепи, и его выбросило воздушной волной, прежде чем рухнула порода над его головой. Однако следственные органы, выясняя причины аварии, обратили особое внимание на объяснения Гольшева, прямо показавшего, что причиной аварии он считает гонку за рекордами. Увязав его недавнее антипартийное выступление на собрании и снятие с должности бригадира, пришли к выводу, что причиной аварии является вредительство. Причем, одним из виновников был признан Иван Гольшев. Что творилось тогда в душе Ивана, ведомо только ему одному. Он знал, что был честен и прав. Он знал, по чьей вине произошла трагедия, и то, что те, кто его допрашивал, понимали, что он не виновен. Но от него требовали признания в том, что он умышленно устроил обвал, требовали называть сообщников. Он не сдался и ничего не признал. Начальника шахты и главного инженера расстреляли. Иван получил статью и срок. Сейчас, лежа на нарах в Могочинской пересылке, ждал этапа, ждал возможности побега.

«Наконец-то», — подумал Иван, когда на вечерней переключке после своей фамилии он услышал:

— Два шага вперед! С вещами на выход!

Под светом качающихся тусклых фонарей на площадку перед комендатурой из разных барачков стягивались заключенные. Еще одна переключка, и всех повели в отдельный барак.

Завтра — этап! — этого никто не говорил, но это все почему-то знали.

Лейтенант Макушев готовил очередной спецэтап. В этот раз двести заключенных он должен доставить по назначе-

нию, доставить живыми, мать их за ногу! Макушев злился, не зная, как высчитать эти злосчастные пять процентов, не более которых он мог потерять в дороге. Злился на то, что морозы день ото дня крепчали и ночью доходили до пятидесяти градусов, что техника по таким дорогам в такие морозы может просто не дойти, зеки в кузовах просто померзнут до смерти, а его — под трибунал за эти клятые «свыше пяти процентов»! Да, жизнь заставила Макушева, надо же, удивлялся он, заботиться о жизни этапиремых зеков. Сам недюжинного здоровья, он с нескрываемым презрением рассматривал стоящих в неровном строю заключенных, в большинстве своем среднего роста и среднего возраста мужчин с безразличными серыми лицами. «Полупокойники, — сделал он заключение, пройдя вдоль шеренг. — Ни хрена, вы у меня доедете, все! До единого!» Двое суток, переведя в отдельный барак, спецэтапиремых кормили двойной пайкой, всем собрали вязаные шерстяные носки, свитера и теплые вещи, благо, запасов одежды скопилось много и начальник лагеря «дал добро». Макушев раздобыл бутылку медвежьего нутряного жира. Десять машин оборудовали буржуйками, в одиннадцатой — продукты питания и дрова, двенадцатая машина — под горючее. Доложив о готовности спецэтапа Битцу, Макушев построил заключенных по двадцать человек перед машинами и начал инструктаж.

— Граждане заключенные, сегодня вы отправляетесь этапом в лагерь для дальнейшего отбытия наказания, предстоит длительный путь в трудных дорожных условиях. В пути следования — остановки через три часа, из кузова выходить только по нужде, по команде конвоира. Сейчас будут назначены старшие в каждой двадцатке, они будут получать пайки и решать все вопросы по топке буржуйки, очередности обогрева и другие вопросы в дороге. В пути не спать, любое неподчинение конвою или старшему по машине будет караться по всей строгости, вплоть до расстрела. Бежать не советую, при любой попытке — расстрел на месте, да и куда вам бежать, кругом тайга, живым из нее никто не выйдет. Старшие получают по склянке жира, всем намазать перед дорогой открытые участки тела, то есть лица, это спасет от отморожения.

Проходя мимо стоявших около машин зеков, Макушев молча тыкал пальцем в грудь одного из двадцати, таким образом назначая старших по машине, выбирая наиболее рослых и физически сильных. Иван Голышев был на голову выше остальных в своей двадцатке и, естественно, получил тычок в грудь.

— Всем через полчаса погрузка в машины! Разойтись! Старшим остаться.

Макушев, оглядев десятерых заключенных, произведенных им в старшие, ухмыльнувшись, сказал:

— Ну, голуби, ежели порядка не будет или кто в пути коньки отбросит, спрошу с вас. — При этом он, сняв с руки рукавицу, сжал кулак и поднес к носу каждого из десяти. — Поэтому заботьтесь о своих, как мамки!

Увидев перед своим лицом волосатый, пахнувший крепким табаком и селедкой кулачище лейтенанта, Иван подумал: «Этот зашибет одним ударом».

— Идите на склад, получайте склянки с жиром, спички и пайки, — закончил Макушев разговор. — Федотов, проводи, — приказал он одному из конвоиров.

Через полчаса колонна из двенадцати машин, пробивая светом фар утренний морозный туман, выкатилась из ворот лагеря. Миновав несколько улиц, выехала из Могочи и двинулась на север. В кабине головной машины начальник конвой лейтенант Макушев открыл бутылку спирта и прямо из горла сделал большой глоток. Жаркая волна прокатилась по жилам его крепкого тела.

— На дорожку, — хрустя соленым огурцом, самому себе сказал он.

Сырые дрова никак не хотели гореть в наскоро сваренных буржуйках. Нешадно дымя, они не грели, а наполняли крытые брезентом кузова едким дымом, от которого перехватывало дыхание, слезились глаза. Только через час пути разогревшиеся печки позволили заключенным нормально дышать, сидя на ящиках, а не полулежа на обледенелом полу кузовов трясущихся на кочках грузовиков.

Гольшев, назначенный старшим седьмой по счету от голы колонны машины, устроившись около буржуйки, топором щипал тонкую лучину с поленьев, и в его машине довольно быстро печка загудела и, раскалившись, стала не только греть, но и освещать лица людей. В матово-красном свете куска раскаленной трубы на Гольшева благодарно смотрели девятнадцать пар слезящихся от дыма глаз. Он тоже хватнул дымку, но не упал, как все, на карачки, спасаясь от нависающего сверху дыма, он действовал, и тем заслужил признание этих людей. В этой двадцатке Макушев не ошибся, назначая старшего. Скоро стало светлее, и тут сначала раздался смех, а потом все до упада хохотали друг над другом и особенно над Иваном. Лица, жирно смазанные медвежьим жиром, впитав в себя сажу от дыма буржуйки, почернели. У Гольшева, а он был чернее всех, только белые зубы да зрачки

смеющихся глаз определяли в красном сумраке местоположение его лица. Смеялись и хохотали все. Многие, наверняка, впервые за долгое время неволи. Через какое-то время хохотала вся колонна. Обеспокоенные и не понимающие причины смеха охранники и водители в кабинах грузовиков, зараженные смехом, тоже улыбались. Не смеялся только Макушев. В головной машине он не слышал хохота, да и не мог услышать, его здоровый организм мирно спал под монотонный рокот мотора.

Медленно колонна втягивалась в глухую забайкальскую тайгу. Пологие длинные сопки со всех сторон перекрывали горизонт. Плотным строем, подступая к дороге, стояли лиственничные боры. Двадцати пяти, а то и тридцатиметровой высоты стволы деревьев почти касались друг друга, в борьбе за солнце выбрасывая свои ветви на самых макушках, и в борьбе за воду сплетаясь корнями, вгрызающимися в скальный грунт. Огромные лиственницы в некоторых местах угрожающе свешивались над дорогой, каким-то чудом удерживая оголенными, узловатыми, как гигантские мышцы, корнями, свои многотонные стволы. Голо и безжизненно выглядела тайга, малозакрытая снегом, только кое-где в распадах радовал зеленью редкий ельник.

«Ничего, терпимо», — думал Гольшев, через какое-то время, тасуя людей в кузове, пересаживая ближе к теплу тех, кто сидел по бортам и сзади. Подчинялись спокойно, с пониманием уступая теплые места замерзшим товарищам. В широкой, поросшей ерником и прочим мелким кустарником мари, машины остановились. Конвоиры вылезли из кабин и, отстегнув затянутые сзади брезентовые полога, дали долгожданную команду:

— По нужде, до ветру выходь!

Заключенные высыпались из кузовов. И только теперь конвоиры и шофера, увидев физиономии своих пассажиров, не выдержали и, нарушив все инструкции и уставы, хохотали до слез. Макушев, проходя вдоль всей колонны, увидев эту картину, все больше хмурился. Не к добру это веселье. При его приближении смех смолкал, но, то и дело взрывался за спиной. Дав указание кипятить чай, лейтенант, собрав старших машин, приказал выделить людей ломать ерник, тонкий кустарник красного цвета.

— По две хороших вязанки в каждую машину. Ясно, черномазые? — не удержавшись, пошутил он.

Через час колонна двинулась в путь. Макушев хотел успеть перевалить Становой хребет засветло, но, к сожалению, уже на первом подъеме головная машина, проскочив наледь,

чуть надломила лед, зато вторая ухнула задним мостом и мертво села, перегородив дорогу.

«Началось! Дохохотались», — невесело подумал лейтенант и, выпрыгнув на ходу из притормозившей машины, побежал к застрявшей.

Следом идущие машины, тормозя и останавливаясь на снежном накате, начинали неуправляемо и беспомощно сползать вниз. Конвоиры, выскакивая на ходу, рискуя попасть под колеса сползающих по наклонной машин, ножами резали ремни брезентов, выпуская из кузовов перепуганных зеков. Подпирая друг друга, машины остановились. Пошли в ход кирки и лопаты, через некоторое время машины, выплевывая из-под колес перемолотый с песком и камнем снег одна за другой, поползли в гору. Преодолев подъем, колонна остановилась. Рельеф дороги был таков, что, не разогнавшись на спуске, машина не могла выскочить на следующий подъем, и Макушев, зная это, решил больше не рисковать. Сорок человек с кирками и лопатами, в сопровождении двух конвоиров, уходили по спуску вниз и начинали подсыпать дорогу от подъема до вершины, затем колонна трогалась, и машины поочередно проходили дистанцию полтора-два километра.

Потом уходила на дорогу следующая группа заключенных. Гольшев дважды со своей двадцаткой выходил на дорогу и с остервенением лупил киркой по придорожным скальным выступам, добывая грунт для подсыпки.

— Ничего, терпимо, мужики, прорвемся, — подбадривал он уставших и промерзших на ветру людей, вернувшись в родной кузов к буржуйке. — В шахте, бывало, по две смены рубили уголек. Жара, пыль, дышать нечем, а здесь красота, воздух чистый и прохладно.

— Да уж, прохладно, коченеет от той прохлады.

— А ты шевелись шустрой.

Согреваясь горячим чаем и солеными шутками, как-то незаметно прошли Становой хребет, и колонна шла уже без остановок.

Предвкушая скорый конец первого перегона, Макушев расслабился, а напрасно. Смеркалось. Мороз крепчал. Искрами мелькал в свете фар мелкий снег. В широкой мари между сопками водитель резко затормозил, но поздно. В сумерках он не сразу заметил, как хорошо различимая дорога вдруг закончилась, и перед его машиной оказалась ровная гладь, слегка переметаемая снежными волнами.

— Газуй! — заорал Макушев водителю. — Может, проскочим!

Машина рванулась вперед, но угадать направление дороги было невозможно. Метров через сто грузовик, ломая ледяную корку наледи, ушел передними колесами с дорожной насыпи и, провалившись, заглох. Следом шедшие машины встали, окутанные паром вырвавшейся из-под льда воды, заливавшей раскаленные глушители. Какое-то время все сидели в машинах и ждали. Ждали конвоиры и водители, ждали заключенные, ждали какого-то чуда. Но чудес не бывает, и зычный голос Макушева, забравшегося на кабину и оравшего оттуда, вывел людей из оцепенения. Все понимали, что придется выходить из машин и в ледяной по колено воде вытаскивать головную, а затем выводить и все остальные машины, прощупывая насыпь дороги впереди машин. Скушый лица мелкий колючий снег, обжигающий холод ледяной воды, сжимающий твоё тело и проникающий болью в твой мозг, мат и крики конвоиров, руководивших с подножек машин людьми, все это запомнилось Ивану отрывками. Уже теперь, пытаясь согреться в кузове машины, он видел лица других людей. Никто не шутил, промокшие насквозь люди начинали молча, тихо замерзать. Гревшая раньше буржуйка не спасала, пропитанные водой ватники и валенки просто-напросто костенели на людях и сжавшийся в комок, пытаясь сохранить тепло, человек через десять-пятнадцать минут уже не мог встать и распрямиться. Войлок валенок, пропитанный водой, превращался в лед, и ступни ног, даже в сухих сменных портянках, замерзали до потери чувствительности. Чай, который Гольшев постоянно грел, наливая в кружку по очереди, по глотку передавали по машине, тоже уже не спасал. Многие не могли удержать кружку в руках, просто даже взять ее в руки.

До тупика оставались немногим более десяти километров, и Макушев гнал колонну, прекрасно понимая, что любая остановка в пути сейчас будет стоить многим жизни. Через час колонна въехала в поселок, и два бревенчатых барака приняли этапируемых.

— Сутки на просушку одежды и отдых, — распорядился Макушев, уходя из бараков.

На душе у него скребли кошки — проклятые пять процентов! «Двести ртов, каждому по пятьдесят грамм для согрева, это уже десять литров спирта, а где его взять?» — соображал Макушев по дороге к поселковому руководству. Несмотря на поздний час, окна в конторе были освещены. Председатель поссовета, седой, болезненного вида мужчина, Волохов Иван Прокопьевич, был давним знакомым Макушева. В одной сотне они когда-то воевали в гражданскую. Волохов,

получив тяжелое ранение в этих местах, остался на излечение, а потом, пригретый одной из солдатских вдов, тут и осел. Тем более, что большевистская партия поручила ему и доверила как проверенному в боях закаленному большевику, руководство этим поселком. Увидев на пороге Макушева, Иван Прокопьевич искренне обрадовался.

— Ну, здравствуй, дорогой. Как добрался? Ждал еще вчера, рыбки приготовил, строганинкой побалую. Пошли в мою половину.

Волохов жил уже много лет один прямо в конторе.

— Иван, сначала баньку, промерз как собака. Дорогу перекрыло на Волчьем ручье, кое-как прошли.

— Хорошо, банька второй день тебя поджидает, да не только банька, — ухмыльнулся Волохов. — Давай, венички вон прихвати. Иди, парься, я чуть позже подойду, тоже погрею кости за компанию.

Макушев, хорошо зная хозяйство Волохова, сбросил с себя одежду, в валенках на босу ногу и исподнем, подсвечивая себе керосиновой лампой, пошел к небольшой рубленой избушке в глубине двора. Банька была рублена хорошо, по-казацки, чистая и уютная мойка с лавкой для отдыха и отдельно парилка.

Пришедший через некоторое время Волохов застал Макушева лежащим на лавке распаренным и довольным. Багровый шрам наискось перечеркивал широкую спину лейтенанта.

— Не побаливает мадьярская отметина? — спросил Волохов, похлопав Степана по жаркой спине. — Прими-ка стопку.

Макушев, отдуваясь, сел, молча выпил, зацепив ладонью из деревянного туеса мерзлой брусники, высыпал ее в рот и, закрыв глаза, застонал от удовольствия.

— Ууух, благодать у тебя, Прокопич.

— Рад стараться, вашбродь! — Гаркнув шутя, Волохов нырнул в парную, откуда вырвался клуб пара.

Да, сильно сдал Иван, глядя на спину Волохова, думал Макушев. А какой казачина был. Вот на этой, теперь костлявой, изуродованной ранами спине вытащил он когда-то Макушева, порубленного матерым венгерским кавалеристом. Позже, простреленный из карабина в упор, Волохов остался без правой лопатки, половину которой, раздробив, вынесла из его тела пуля. Но это было намного позже. А тогда, тогда они молодые, еще безусые казаки, как на живого Бога смотрели на своего атамана. Готовы были в огонь и воду броситься, выполняя его приказ. Сызмальства в седле, к шестнадцати годам они отменно владели пикой и шашкой, неплохо стреляли из коротких кавалерийских карабинов. В гро-

хоте и сумятице революций и гражданской войны трудно было разобраться, кто враг, кто не враг, но, воспитанные уважать старших и подчиняться воле командира, они в составе своей сотни рубили всех, кто вставал на их пути. Святая вера в правоту атамана была у них в крови и кровью скреплена. Зимой 1919 года в составе полуторатысячного отряда они несколько месяцев преследовали так называемый интернациональный венгерский полк. Следы полка затерялись в районе станций Ксентьевская—Могоча. Железная дорога, захваченная войсками адмирала Колчака, сковала маневренность венгров, и они ушли. Ушли быстро и скрытно, растворившись в забайкальской тайге. Они были уверены в том, что легче найти иголку в стоге сена, чем обнаружить их в той бездорожной глухомани, куда они забрались. Но тайга не любит чужаков, она имеет свои глаза и уши. Охотник, имени которого Степан не помнил, в чьи охотничьи угодья, не ведая того, забрели, укрываясь от преследования, венгры, наткнулся на их лагерь. Озабоченный вмешательством в его промысловые дела, он вышел из тайги и рассказал об увиденном родичам. Война, шедшая в России, почти не задевала ничего в ней не понимавшее коренное население. Охотники и оленеводы племени ороchon занимались своим нехитрым промыслом так же, как это делали на протяжении веков. Грамоты никто не знал, газет в тех краях никогда не было, пушнину скупали и выменивали приезжавшие купцы, которые политическим просвещением не занимались.

Родоплеменные устои были настолько сильны, что мнение шаманов и старейшин было обязательным и единственным законом жизни таежных кочевников. Однако в семье, как говорят, не без урода. Родичи передали ему совет от старейшин: сохранить в тайне место, где встал на зимовку полк венгров. Старики рассудили так: вооруженные люди вреда не причинили, тихо пришли, придет время, — тихо уйдут. Старики знали, что другие вооруженные люди их ищут, но они не хотели, чтобы на земле их предков проливалась людская кровь. Однако тот охотник, встретив казачий разъезд, за обещанное вознаграждение рассказал, а потом и провел глухой ночью казачьи сотни охотничьими тропами прямо к лагерю венгров. Река Олекма, на берегу которой были безжалостно порублены застигнутые врасплох несколько тысяч красных венгров, никогда до и никогда после не слышала столько людской боли и не принимала в себя столько людской крови, как в ту страшную ночь. Волохов и Макушев в том ночном бою, не тратя по приказу атамана патронов, рубили шашками, как капусту, головы метавшихся в панике

людей. Сопrotивления оказано почти не было, однако плен-ных не брали. К утру все было кончено, но охотничий кураж охватил Степана, когда он увидел несколько уходящих в тайгу всадников и кинулся в погоню. Волохов на две сотни метров отстал от Макушева, когда тот нагнал остановившихся и повернувших к нему врагов. Сверкнули клинки, и увернувшийся от удара Макушева венгр ловко рубанул проскочившего казака, навсегда оставив о себе память на его спине. Два выстрела из-за скалы — и Волохов через голову рухнувшего замертво коня скатился в снег. Очнувшись от удара, Волохов увидел на снегу под скалой распластанное тело друга. Макушев лежал на животе и стонал. «Слава Богу, жив!» — обрадовался Иван и с опаской стал осматриваться вокруг. Около скалы никого не было.

— Ушли, сволочи!

Далеко внизу, на берегу, слышались лошадиный топот и крики людей. Никто не увидел их смелой погони, понял Иван. Никто их и не хватится в этой суматохе сейчас. «Уйдут ведь!» — Волохов вскочил на ноги и тут же рухнул от острой боли. Когда сознание вернулось к нему, было тихо, только поскрипывали над головой вековые сосны. Макушев все так же лежал под скалой. Теперь хорошо было видно, что шинель на спине рассечена и пропитана кровью. Волохов ощупал себя. Неестественно вывернутая ступня левой ноги сильно болела. Других ран, не считая ушибов, не было. Преодолев два десятка метров ползком, Волохов добрался до Макушева.

— Степан, я сейчас, — переворачивая его на бок, приговаривал Волохов. — Только не умирай, держись, браток.

Рана была большая, от плеча до поясницы, но неглубокая. Вскользь полоснул клинок, не прорубил кости. Потеряв много крови, Макушев дышал, но не приходил в сознание. Волохов, разорвав все, что было из белья, как мог, перевязал Макушева. Срезав ремни с седла, перетянул несколько раз прямо поверх шинели его спину и, преодолевая боль в ноге, потащил его вниз, к реке, к лагерю. Он полз, матерясь и проклиная все на свете, до крови закусывая губы, когда его вывернутая ступня, цепляясь за корни и камни, невыносимой болью била в голову, парализуя все тело. Нужно было доползти, дотащить Степана до лагеря, там были землянки, там можно было спастись и выжить. И он дополз и дотащил. То, что он увидел на берегу Олекмы, было ужасно.

Иван Волохов, не раз бывавший в сабельных атаках и по-видавший смерть врага, никогда не был на месте такого кровавого побоища. Он тащил своего раненого товарища между

еще не остывших трупов людей, легкий морозец лишь слегка покрыл инеем волосы, ресницы незакрытых глаз. Открытые страшные раны от сабельных ударов еще кровоточили, в некоторых местах кровь собралась в огромные лужи и парила. Волохову стало плохо, его тошнило, его выворачивало наизнанку. Тяжелый запах смерти и ужаса как бы висел в воздухе и комом вставал в горле, не давая дышать.

Стараясь не глядеть по сторонам, Волохов, раздвигая еще податливые тела, освободил вход в одну из землянок и, втащив туда Макушева, упал без сил.

Хорошо протопленная землянка сохранила тепло. Через какое-то время Волохов, придя в себя, разжег печку, благо, сухие дрова были по-хозяйски сложены под лежаком, и зажег уцелевшую керосиновую лампу. Просторная землянка на десять человек, добротные топчаны и железная печка, чисто выметенный земляной пол — все говорило о том, что устроивались здесь надолго и основательно. В брошенном вещмешке Волохов нашел шило и толстые нитки для починки обуви да коньской упряжи. Вот этими нитками и зашил Иван кровоточащую спину Степана, обработав рану самогоном, поделив последний глоток по-братски с другом. Перебинтованный чистыми бинтами, на которые ушли две простыни, Степан спал. Только теперь Иван, с трудом и болью сняв сапог, занялся своей ступней. Неестественно вывернутая в сторону, она распухла. «Да, не ходок», — с горечью подумал Иван, не зная, что предпринять. Устроив поудобнее больную ногу, он сидел у открытой печки и смотрел, как языки огня сначала ласково облизывают поленья, а потом, фыркая и стреляя от удовольствия, начинают сжирать их, превращая живое, наполненное смолой и силой дерево, в ничто, в угли и пепел.

Почему их бросили? Почему отряд так быстро ушел? Почему и зачем порубили столько безоружного народа? Ведь он видел, как, выскакивая из землянок, полуодетые люди падали на колени и поднимали руки. В горячке ночной атаки он тоже рубил врага и только сейчас, вспоминая и осозная увиденное, задумался. Ему показалось, что сегодняшней ночью он страшно согрешил. Душа была не на месте, она горела огнем и обугливалась, как эти поленья в печи. Только горящие поленья согревали, давали живительное тепло, а его душа, сгорая, оставляла в нем холод. Холод и страх. Ему стало вдруг страшно: а что если оставшиеся в живых, ведь кто-то же ушел, вернуться? Вернутся и найдут, непременно найдут их, и непременно порвут их на куски за ту жестокость, которую они сотворили. Он вдруг понял, что если их найдут, он не

будет сопротивляться и молить о пощаде. Он заслуживал смерть, и он ее достойно примет.

Его горькие думы прервал очнувшийся Степан.

— Воды, дай воды, — слабо простонал он и открыл глаза. Долго и жадно глотая воду, поднесенную к его потрескавшимся губам, Степан внимательно смотрел на Волохова. — Иван, это ты? Господи, что с тобой, ты же весь белый. Где мы?

— Черт меня понес за ними, — сокрушался Макушев, выслушав рассказ Ивана, — теперь из-за меня пропадем.

— Знаешь, Степан, мы уже пропали. За что мы льем кровушку свою и чужую? За родную землю и волю, так у нас ее никто не отнимал. Германца за тридцать земель отсель отбили. Большевики землю мужикам отдали, так и у нас не забирают. Власть свою ставят, так царь-батюшка отрекся. Порядок на земле должен быть, да и какая разница на кого горбатить, а вот кровушку проливать больше не хочу. Не по-казацки — безоружных бить, не по-казацки — раненых бросать! Покойников порубанных воронью оставили, видано ли дело! Всегда хоронили после сечи и своих, и чужих. Не Бог с нами, Степа, сейчас, а прав ты, черт нас за собой ведет.

Степан молча слушал. Выходит, Иван, спасший ему жизнь друг, теперь прав был, теперь еще и душу его спасал. Промолчал Степан, закрыв глаза, сделал вид, что задремал. Думал: а ну, как наши вернутся? С такими помыслами не то что атаман, сотенный, прознав, шкуру нагайкой сдерет, а то и просто шлепнут, как осенью большевистского агитатора в Нерчинске шлепнули. Запутались они, запачкались в крови по уши. И кто ее разберет, эту правду? Только согласен он с Иваном — не по-казацки стали воевать. Жар застилал Степану глаза и, проваливаясь в беспмятство, он прошептал: «Не по-казацки».

Остаток дня и ночь Степан то приходил в себя, то терял сознание и метался в бреду. Иван, забыв про сон и усталость, ухаживал за ним и только к утру уснул. Гортанные крики и голоса разбудили Ивана, в лагере кто-то был. Иван приподнялся на лежаке, и в это время дверь в землянку открылась. В светлом проеме Иван увидел что-то мохнатое и неуклюжее, однако это мохнатое шагнуло внутрь и оказалось человеком.

Присмотревшись в сумраке землянки, небольшого роста человек в оленьих одеждах, увидев лежавших, быстро развернулся и с криками на непонятном Ивану языке выскочил. Несколько минут было тихо. Иван с замершим сердцем лежал, не зная, что делать. Не свои, не чужие — орочны. Дверь землянки открылась, и в нее осторожно вошли несколько человек. Один из них, подойдя ближе к Ивану, заговорил:

— Большой беда случись, большой горе. Ороконы не воюй, ороконы — охотники, зверь добывай, мех добывай, ороконы с русскими дружат, ороконы нет убивать людей. — Стоявшие за ним люди согласно кивали головами.

— Мы вам помогай, здесь одни помирай, злые люди приходил, много ваш товарищ помирай, ой много. — С этими словами он повернулся, что-то коротко сказал своим и вышел.

Осторожно, на руках, ороконы вынесли казаков и, укутав в меха, уложили в нарты. Краем глаза Иван заметил, что ороконы стаскивают трупы погибших в землянки и засыпают их. Над головами людей на ветвях деревьев черным-черно сидело, а еще больше кружило в небе слетевшееся воронье.

Пришедший в себя Степан, совсем не понимая происходящего, спросил, увидев лежащего рядом Ивана.

— Вань, что случилось? Куда нас везут, кто?

— Тихо, Степа, это ороконы. Они приняли нас за уцелевших красных. Куда везут, не знаю, но, думаю, вреда не будет. Хотели бы убить, бросили бы там, — ответил Волохов.

Прямо в нартах их напоили каким-то горьким отваром, пахнувшим медом, и они скоро уснули...

Николай БЕСЕДИН (г. Москва)

СНЕГА ИДУТ

* * *

Как просто все.

Идут снега.

И утонуло поле в сини.

И крутобокие стога

Плывут, как сытые гусыни.

Дома развесили дымы,

Как поднебесные качели.

И прячут лето от зимы

За пазухой густые ели.

Все переменится опять

И станет чистым изначально.

Снега идут.

И не понять,

Откуда столько в них печали.

МАРШ ПАВШИХ

Когда над полями темнеет
И ночь начинается обход,
Из братской могилы на Шпрее
Безвестный комвзвода встает.
Поправив ремень и пилотку,
Повесив на грудь автомат,
Он тихо обходит высоту,
Где русские парни лежат.
И снова, как в том сорок пятом,
Зовет их за Родину в бой,
Туда, где Россия распята,
Растерзана вражьей ордой.
Идет по отрогам карпатским,
По сонным болгарским холмам,
По старым дорогам солдатским,
По тем позабытым следам.
И возле заросшего дзота
От имени братских могил
Безногий солдат у комвзвода,
Досадуя словно, спросил:
— Зачем, лейтенант, потревожил
Ты прах наш? Какая вина
Пробитое сердце корежит?
На кой нам сегодня война? —
И тихо комвзвода ответил,
Сдержав то ли боль, то ли злость:
— Мы вроде с тобой не в ответе
За то, что с Россией стряслось.
И жизнь не была нам дороже
Отчизны. На том и сочлись.
Чиста наша совесть. И все же
С тобой мы в ответе за жизнь.
За то, что разбой и раздоры,
Что правда затоптана в грязь,
Что правят страной нашей воры
И прочая сволочь и мразь.
— А где мои однополчане,
Сыны где, и маршалы где?
Где Жуков? Солдаты-славяне?
Кто Родину бросил в беде?
Веди, — он сказал командиру, —
Дорога, поди, не близка. —
И следом, незримые миру

За ними шагали войска.
Десантники шли и пехота.
Штрафных батальонов ряды,
И черные дьяволы флота,
Поднявшись из темной воды.
Безногий солдат неумело
Все полз на культяпках впотьмах,
И знамя Победы горело
В его беспощадных руках.

ЕРМАК

Ермаку не спалось.
И накинув на плечи
Атаманский кафтан о семи жемчугах,
Вышел в степь он.
И мягкий по-летнему вечер
Лег росой на высоких его сапогах.
Разнотравья степного знакомые запахи
Атаманскую душу взмутили до дна.
И выиграла в тот вечер станичника-пахаря
Неспокойная кровь, как донская волна.
И велел он соху изготовить. А в полдень,
Боевые доспехи сложив в стороне,
Первый пласт отогнул и комочек растер на ладони,
И причмокнул:
— Землица-то знатная в этой стране.
И маячила долго над степью спина атамана,
И садились на плечи ему отдыхать облака,
И казалось дружинникам, что непонятная рана
Доконает недюженных сил казака.
Но земля излечила. А бранное дело привычное.
И бросало Кучума от русского воинства в дрожь.
...А по осени, словно в помин атамана-станичника,
Темно-желтыми зернами плакала спелая рожь.

* * *

Царь и мудрец. Во все эпохи
Меж ними высился барьер.
Чего в одном имелось крохи,
В другом — с избытком.
Например:
В одном — ума шальная сила.

В другом — руки слепая власть.
Природа их разъединила,
Чтобы себя потешить всласть.
Чтобы, устав от совершенства,
Вдруг испытать из всех блаженств
Необъяснимое блаженство
От сладости несовершенств.
О, как загадочно блуждала
Улыбка по ее лицу,
Когда народ она вручала
Очередному подлецу.
О, как рыдала непритворно,
Себя за игрище коря,
Когда добра и правды зерна
Бросал мудрец к ногам царя.

* * *

Убегал от рыси горностаи.
Меж ветвей легко струилось тело.
Но распадок обозначил край
Вольного таежного предела.
След потока, селевая грязь.
А за ней зеленое приволье.
Но инстинкта родового власть
Вдруг сковала мускулы и волю.
Царский мех искрился чистотой,
Серебром на поминальной тризне.
Горностаи застыл.
И принял бой,
Отрицая грязь ценою жизни.

Елена СЕВРЮГИНА (г. Москва)

В ПОТОКЕ ЛИЦ

* * *

Мы закованы в латы одежд,
Мы запрятаны в норы домов,
Поклоняемся толпам невежд,
Как богам с Олимпийских Холмов.

Мир торговцев, крикливых менял
Когти-сети сжимает сильней...
Бес попутал — и веру отнял,
И надежду унес вместе с ней...
Для чего эта жизнь, если в ней
Не осталось ни капли любви,
Если день ото дня все слышней:
Перестройся! Продайся! Урви!
Если все, чем жила до сих пор,
Что творила из крови и жил
Оказалось ненужным, как сор,
И бессмысленным, как миражи?
Станет грозною вдруг тишина,
Омрачится вдруг ангелов лик
И, очнувшись от мирного сна,
Мир застонет, как дряхлый старик.
На глазах у пытливых умов,
Под прикрытием заспанных вежд
Мы запрятаны в норы домов
Мы закованы в латы одежд.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЫНУ

Сонный месяц скрылся в облаках,
Все вокруг подвластно тишине,
Маленькое солнце на руках
Сладко улыбается во сне!

Из каких неведомых миров
Ты пришел, мой ласковый малыш?
Сколько дней и сколько вечеров
На руках моих ты сладко спишь?

Знаю я — ты мудр не по годам,
Мне с тобой не страшно ничего,
Целый мир и жизнь свою отдам
За улыбку солнца моего!

* * *

И кажется — печаль моя прошла
И все невзгоды я перетерплю,
Когда встают три твердых, как скала,
Три вечных слова: «Я тебя люблю».

Они просты и оттого мудры,
Мудрее Соломоновых речей,

Отрадны, как вода в часы жары
И как в траве искрящийся ручей.

Слова любви свежи, как первый стих,
Как первая весенняя трава.
Жаль, что порой, не зная смысла их,
Мы говорим впустую те слова.

Но в это время рушатся миры
И гаснут звезды, падая с небес,
Скорбя о том, что в блеске мишуры
Мы не увидим подлинных чудес.

И все-таки мы будем жить, пока
Звучат, вздымая парус кораблю,
Три слова, пережившие века,
Три вещих слова: «Я тебя люблю!»

* * *

Как хочется понять простые вещи,
Которых до сих пор не замечал,
Увидеть сон, таинственный и вещий
И в нем узреть начало всех начал!

Любить друзей за то, что в воскресенье
Сумели заглянуть на полчаса,
Осенний день, и зимний, и весенний,
И жить мечтой, и верить в чудеса!

Обидчикам не говорить ни слова,
А лишь улыбкой кроткой провожать,
С улыбкой засыпать, а утром снова
Вперед, навстречу новому бежать!

Бежать от тьмы и не бояться света,
Стремясь к добру, все начинать с нуля,
И пробуждать в себе талант поэта —
Талант такой же древний, как Земля!

* * *

Не сложилось... Ну так что ж?
Было больно, не скрываю,
Но от сердца отрываю
Эту боль и эту ложь.

Только знаю все равно
То, что поздно или рано
Гулкой дробью барабана
Постучишь в мое окно.

Пальцы нервно теребя,
У меня попросишь крова,
Только я уже здорова
От любви и от тебя!

* * *

В потоке лиц плыву я, как во сне —
И только боль пульсирует в висках...
Вот, кажется, живем в одной стране,
А говорим на разных языках.

В трудах, в бегах, как в адовом огне,
Нам все трудней не потерять себя.
Так и живем — плывем в потоке дней,
Не чувствуя, не веря, не любя.

И странно мне, что в этой пустоте,
Где все мы сбились с верного пути,
В бессмысленной, безликой маете
Я все еще хочу тебя найти,

Тебя, чей взгляд спалит огнем икон,
Тебя, кто даже в шторм сумеет плыть,
А это шанс (один на миллион)
Еще не рухнуть миру, может быть!

Аминат АБДУЛМАНАПОВА (г. Махачкала)

ГОРНАЯ ВОДА

ОБИДЫ

Не прощая малые обиды,
Накопили их невпроворот.
Оглянулись, а любви не видно,
Ждет разлука около ворот.

Я — огонь, взметнувшийся в соломе.
Ты, как ветер, горд и легкокрыл —
Не берег любви на переломе,
Не гасил огонь, а разносил...

Ну и что мы выиграли этим?
Что в душе и сердце сберегли?
Глупые, упрямые, как дети,
Все сожгли и пепел размели.

* * *

Я мучима бессильем заступиться
За всех детей, обиженных судьбой.
Я так хочу хотя бы дать напиток
Солдатам, что идут сегодня в бой.

Я плачу оттого, что не умею
Воюющие души примирить
И жизнь спасти, пожертвовав своею,
Всем тем, кто не успел еще пожить.

ВСЕ ИЗМЕНИЛОСЬ

Еще вчера, косичками качая,
Я бегала, не ведая преград.
Нескладная, веселая, босая...
И вдруг споткнулась о влюбленный взгляд.

Он жег меня горячими лучами,
Волнуя кровь и душу теребя.
Вмиг позабылись наставленья мамы,
Я юноше ответила любя.

Я столько слов слышала прекрасных!
Их до утра, как звезд, не сосчитать.
Ну как остаться при рассудке ясном
И ласк своих в ответ не расточать?!

Я от волненья силы растеряла,
С трудом соображая, что жива.
И только бездна надо мной сияла
И, как Земля, кружилась голова.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТЦА

В созвездье даргинских селений,
К огню своего очага
Вернулся из пекла сражений
Отец, одолевший врага.

Безжалостный почерк металла
Отцовскую грудь исписал.
Не раз его жизнь покидала,
А скальпель хирурга спасал.

Как письма из огненной дали,
Что нам не дослала война,
Сказали о славе медали,
О горе потерь — седина.

Дымок самокрутки курился.
Ни крошки — в мешке вещевом.
Но с фронта отец возвратился
И счастьем наполнился дом!

ДЯДЕ РАБАДАНУ

Ты много лет разыскиваешь братьев,
Обходишь обелиски все подряд,
Где под звездой, исполнив долг свой ратный,
Погибшие соратники лежат.

Мой добрый дядя, рыцарь седовласый,
Ты в грозный час слезинки не пролил,
В боях не малодушничал ни разу,
А нынче часто плачешь у могил.

Израненный, контуженый, увечный,
Стоишь, открытый людям и ветрам,
Как памятник из боли человеческой
Погибшим и живым фронтовикам.

В РОДДОМЕ

Женщина сбежала из палаты.
Бросила ребенка и ушла.

А малыш, как будто виноватый,
Посинел от крика. Не дала

Мать ему ни пищи, ни приюта,
Лишь позор оставила ему..
Я возьму трехдневного малютку,
Бережно к груди своей прижму.

Сын мой засыпает на кровати
С розовым румянцем на щеках,
И ему и побратиму хватит
Нежности моей и молока.

КАПЛЯ

Как мутная капля в прозрачную воду,
Я к людям хорошим попала сегодня.

Боюсь огорчить их соседством невзрачным,
И радуюсь — стала душою прозрачней.

Как чистая капля в болотную воду,
Я к темным людишкам попала сегодня.

С трудом принимаю их речи и пищу,
Но думаю — может, болото очищу?

ГОРНАЯ ВОДА

Из сердца гор она берет начало.
Негромко песню начинает петь.
К струе — струя, и вот уж зазвучали
Чунгуры, бубен, серебро и медь...

Вода сначала вьется, как косички,
Потом ягненком прыгает с камней.
С махрами брызг прозрачные странички
Листает непоседливый ручей.

Чем дальше вниз, тем нрав воды игривей —
То ниспадает светлую фатой,
То на стремнинах потрясает гривой,
О берег трется белой бородой...

Люблю шумливость ручейков кавказских,
Бурливых рек мятежную красу.
Иду к ручью, зачерпываю сказку
И бережно домой ее несу.

Перевод с даргинского Валерия ЛАТЫНИНА

Мар. САЛИМ, (г. Уфа)

ВОЗНЕСШИЙСЯ КОМАР

Басня

Привольно среди гор вековечных житье.
Раздолье для птиц! И покой, и свобода!
Та птица летает, а эта поет.
А та вон — подружек-свистулук зовет...
Отрада для всякого птичьего рода!
Покой же хранит всемогущий Орел,
Сидящий на черной скале одиноко.
И кто б ни летел, ни сидел и ни шел,
Какой бы в ущелье цветок ни расцвел, —
Все видит не спящее зоркое око.
Щебечут, летят в поднебесную высь,
Чирикают, друг перед дружкой пляшут...
Тут счастье, и мир, и довольство сошлись,
Тут судьбы надежно и нежно сплелись.
Житье — загляденье. Бывает ли краше!
У малых птенцов голубая мечта —
Подняться повыше, поближе к светилу!
Прекрасно, что стала мечтой высота,
Просторы ее и ее красота,
И песня с небес для любимых и милых.
Вот только Комар, приземленный жилец,
Порывам таким не дает одобренья.
Он злится, пищит; он извелся вконец.
То стайка летит, то щебечет птенец,
То слышится дружное звонкое пенье...
И вот начинает настырно зудеть:
Я тож-же крылат! Я из рода летучих!
Я тож-же хотел бы под с-солнце взлететь,
За облаком белым красиво запеть.

Да ветер мешает, мешают мне тучи.
Однако никто не отметил меня.
И нрав мой зазорный, и резкие речи...
Укус мой горяч, словно искра огня.
Ужалить могу я корову, коня.
И зудом беспечных людей обеспечу.
Я ни перед кем не склоню головы.
Я гордый питомец великой свободы!
Забыл я словечко противное «Вы».
Властям никогда не скажу я «правы».
Скорее скажу: «Ненавижу, уроды!»
Видать, потому я у них не в чести,
Видать, потому-то меня задвигают...
А с кем им в грядущее смело идти?
А кто им туда приоткроет пути?
Вот то-то!.. Поплачут, плутая, узнают!
А я-то к высокому месту готов,
Готов я любому немалому делу!
И птицы, наслушавшись выпренних слов,
Решили предерзкому из комаров
Во многих вопросах довериться смело.
Нахал присмотрелся к укладу семьи;
Подумывать стал он о собственной славе.
И час наступил:
— Там чертоги мои!
На черной скале, что так гордо стоит!
Господствовать вами я, кажется, вправо!..
Ну что же... И птахи его, Комара,
Вздыхнув, вознесли на вершину утеса.
И стал он незванным соседом Орла.
(Хотя не имел ни когтей, ни пера.)
И стал на Орла он поглядывать косо.
Сидел на вершине и тонко пищал.
Пищал да пищал до рассвета, зануда.
А ветердохнул — и зануда упал,
Об острые камни живот разорвал.
И кровь потекла... Столько крови! Откуда?..
.....
И что здесь добавишь? Какие слова?
Тут впору задаться одним лишь вопросом:
Поймут ли они, что, присвоив права,
Не стоит соваться с преостреньким носом
К вершинам, к утесам?

Перевод с башкирского Ивана ТЕРТЫЧНОГО

Людмила ХРАМКОВА (г. Керчь)

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ

Когда по Млечному Пути
В одеждах звезд туманно-белых
Уйду в бескрайние пределы, —
Прошу тебя, ты не грусти...

И пусть останется одна,
Одна возможность — только сниться,
Озябшей маленькой синицей
Присяду тихо у окна...

Нет в мире истины верней —
Земные сроки неизбежны,
Но этот щебет — чистый, нежный —
Тебе напомнит обо мне...

Я буду неба бирюзой,
Твоею радостью и смехом,
В несчастьях — буду я утехой,
В жару — прохладною росой...

Вернусь отрадой вешних гроз,
Дождинкой — этою и тою,
Приду отчаянной мечтою
И самой чудною из грез...

Тихонько встану за плечом
И улыбнусь случайным взглядом,
Ворвусь июльским звездопадом
И майским утренним лучом...

Приду рождественской свечой,
Нежданным, тихим снегопадом,
И ты поймешь — грустить не надо,
Жалеть не надо ни о чем...

Верь, из вселенской темноты
Твоей вернусь однажды Ледой
И по единственному следу
Тебя найду, где б ни был ты...

Позволь твоей последней стать
Тропой в небесные чертоги,
Где так светлы, так нежны боги,
Я буду ждать... Я буду ждать...

Николай КРАСИЛЬНИКОВ (Московская обл.)

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

Хорошо помню середину 70-х. Яростные споры физиков и лириков. Жаждающие очереди за «хлебом насущным» в книжных магазинах и библиотеках. Шумные поэтические вечера в домах культуры, на стадионах и знаменитом Политехническом. Как давно это было и как недавно! Одна поэтическая обойма знаменитостей сменялась другой. За книжными новинками трудно было уследить. Иногда стихотворные строки (особенно начинающих авторов) как бы сливались в одну монотонную массу. Особенно это проявлялось в многочисленных журнальных публикациях. Но вот однажды в одном из ежегодных сборников «День поэзии» мне попала подборка стихов Валентина Устинова. Раньше я не был знаком с творчеством этого поэта. И потому, признаюсь, начал знакомиться с нею как-то настороженно. Пробежал глазами первую строфу, вторую и... не смог оторваться, пока не дочитал до конца всю подборку. На меня словно повеяло соками зарождающейся весны, яркими сполохами заонежских зарниц, величавым полетом непуганых лебедей, красками и запахами всех четырех времен года. Ощущение было такое (оно — слава Богу! — сохранилось и до сего дня), как от первоначального знакомства со стихами Есенина, Васильева, Корнилова... Столько в них было неподдельного огня, экспрессии, прелести, любви, сострадания ко всему живому!..

С тех пор я старался не пропускать новые публикации и поэтические сборники Валентина Устинова. Меня всегда радовали и волновали его стихи, неожиданные образы, необычная звукопись, сродни живописным полотнам Глазунова и божественной музыке Свиридова. И становилось до горечи обидно, что имя этого замечательного русского поэта на протяжении многих лет вольно или невольно замалчивается

критиками. В печати больше восхваляли неглубокие личности и их трескучие поделки. Но жизнь и русская литература в конце концов отторгают пустоцветы. Помнят ли истинные почитатели высокой поэзии легковесные творения тех виршеплетов? Как правило, они не проходят испытания временем и умирают еще при жизни автора.

Валентин Устинов не из той когорты. Он — явление в русской поэзии. Свидетельством тому новый сборник поэта «Метельный храм», выпущенный Московской писательской организацией. В нем поэт предстает перед читателями зрелым мастером, знающим цену слова и человеческим поступкам.

*Не умири своей гордыни.
Пусть тлеет кровь в земной нови,
пусть зреет хмель и спеют дыни,
но ты — как в прошлом, только ныне —
с улыбкой смертною живи.*

Или:

*Москва — от зова душ, от слов любви густая...
Вот холм Кремля. И с этого холма
видна вся Русь — по-прежнему Святая.*

С этого священного холма хорошо виден и «Метельный храм», выстроенный талантливой душой и пером большого поэта Валентина Устинова. Он всегда открыт и ждет к себе верных читателей, которые не потеряли в суете буден интереса и вкуса к живому русскому слову. Прислушайтесь к откровению поэта:

*Что мне осталось? Синь да полынь.
Что-то про «Янь», что-то про «Инь».*

*Иней поет на февральском окне
что-то про «Да», что-то про «Не...»*

*Свете мой ясный, как сладостно жить —
с горнею горечью бело дружить.*

В ПОИСКАХ УТЕРЯННОЙ РАДОСТИ

Фрагменты очерка

Сростки... Родина Шукшина...

Вроде бы недавно устроился на работу в музей Василия Макаровича, а оглянешься, получается — уже третий год. Каждую неделю сюда из города приезжаю. Что делать, нет в нынешнем городе для меня работы. Писатели там не нужны, как, впрочем, и оборонщики. Некогда мощный оборонный комплекс в Бийске нынче в весьма плачевном состоянии — вывезено на металлолом всё дорогостоящее уникальное оборудование, производственные здания ветшают. Заброшенные, потихоньку доживают свой век...

В Сростках, как и везде, что-то остается неизменным, что-то меняется... Вот недавно отстроили храм Святой Великомученицы Екатерины. Буквально на глазах вырос. И теперь, всякий раз по пути от автобусной остановки к музею, не могу хотя бы на миг не остановиться напротив храма. Да и невозможно не задержаться здесь, не посмотреть на него, так величественен и красив он в любую погоду, что неизменно притягивает своим величием, и, точно на очень контрастной фотографии, четко проявляются на фоне высокого сросткинского неба, строго очерченные контуры его колокольни, светятся маковки его куполов. И невольно внутри что-то трепетное зарождается от этой торжественной возвышенной красоты.

Но, однако, сколько в небо ни смотри — все одно: медленно и неизбежно взгляд к земле притягивает. И будто тревога какая-то неясная в душе нарастает, и чем ниже глаза опускаешь, тем она явственнее и явственнее.

Вот он, храм. Монументальный. Рядом с ним домик-завалюшка, за ним еще один и огороды... Здесь же по улице — небольшой сельский магазинчик, чуть дальше недавно отремонтированная школа с пластиковыми окнами, обшитая модным нынче сайдингом...

По другую сторону храма поселковый совет с почтой — здание еще советское, типовое, в «шубу» одетое, каких полно и нынче осталось стоять с того советского времени по нашим сибирским селам...

И в окружении этом, на фоне обыденного, словно несобранного воедино пейзажа центральной сельской улицы (кста-

ти, Советской), храм кажется отчужденным. Ощущение такое, что дерево недавно высадили в незнакомую почву, но корни еще не совсем вросли в нее, не укрепились, не полностью сроднились с ней. Смотрю я на храм, и мысли разные одолевают, вроде той, что в рассказе Шукшина «Мастер»: *«В Чебровке тоже была церковь, но явно позднего времени, большая, с высокой колокольней... Казалось бы — две церкви, одна большая, на возвышении, другая спряталась где-то под косогором — какая должна выиграть, если сравнить? Выигрывала маленькая, под косогором. Она всем брала: и что легкая, и что открывалась глазам внезапно... как будто нарочно спрятали от праздного взора, и только тому, кто шел к ней, она являлась вся, сразу...»*

И еще — не до конца, но все же понимаю, начинаю понимать, истоки тревоги этой. И дело здесь даже не в храме и не в пейзаже, его окружающем, здесь что-то другое, что-то внутри нас... внутри меня...

Рождественские сырчики

Но биография сrostкинского священника, пожалуй, не главное, что заинтересовало меня в этих воспоминаниях, хотя и его образ, признаюсь, был для меня крайне интересен, — было в них еще что-то, более важное, едва уловимое: что-то, что определяет наше соотношение с миром, в который пришли, то ощущение радости от тепла первого прикосновения ко всему сущему, которое со временем куда-то уходит или неосознанно разрушается нами же. Ибо воистину не ведаем, что творим.

Из детства, пожалуй, ничего так сильно не откладывается в памяти, как Рождественские праздники. Вот и в музейных архивах я обнаружил тоненькую выцветшую синюю школьную тетрадку — воспоминания Николая Михайловича Думнова, окончившего в 1932 году в Сrostках семь классов школы рабочей молодежи. Он вспоминает: *«Из зимних праздников основным было Рождество. С раннего утра многие шли в церковь, а потом обильная еда после Филипповки... и отдых...»*

Но это он больше про взрослых, им-то, как известно, все бы за столом посидеть да отдохнуть потом. А у ребятни другое — горки, снежки, веселые снежные баталии и «славки». Даже я, когда в детстве жил у бабки с дедом в деревне, еще застал отголоски этого увлекательного, интересного обычая. Наряжались, шли по домам, славили, хотя не очень-то задумывались, кого и за что, скорее, просто шли и песни пели, плясали, потому как интересно это было и радостно. Впро-

чем, в моем детстве это были уже лишь остатки праздника, а несколько раньше... Вот как об этом Думнов вспоминает: *«Самым интересным занятием для нас, ребятишек, было встать пораньше и бежать по соседям славить. Заходили в избы по два-три человека, снимали шапки и спрашивали разрешения прославить Христа. Получив согласие хозяев, начинали нестройно петь: «Рождество твое Христово, Боже наш...» Закончив молитву, получали подарки и бежали в другой дом.*

Угощали всякой вкусной пищей, но самым распространенным, даже обязательным рождественским лакомством были замороженные сырчики. Делались они из творога и сметаны с добавлением сладостей...»

Честно скажу, вот сырчиков-то я уже не и застал, нам давали то конфеты, то пироги разные с ягодами, с капустой, с луком—с яйцом. А когда и чаем поили с клубничным вареньем. Клубники в тех местах под Омском, где жили мои дед с бабкой, было полно, и ее в изобилии сушили на зиму. И когда я забирался на печку, то сильный клубничный дух из закутка за печкой укутывал с головой. Так и засыпал я в клубничном мареве...

И конечно, главное волшебство — елка! Какое Рождество без елки, без елового запаха полнящего горницу, без подарков, сложенных под ней — интересно, что там?.. И снова школьная тетрадка с записями Думнова: *«Меня с сестрой раза два приглашали на елку к священнику Кислякову. Помню, как первый раз в жизни, зайдя в дом, я увидел наряженную елку. Я не мог оторвать от нее взгляд и смотрел на игрушки, висевшие на ней, забыв про все на свете. А когда зажгли свечи, и все заискрилось, восторгу моему не было предела. Хрустальные домики, всевозможные зверята, страшные глазастые птицы в зеленой елочной хвое — создавали иллюзию таинственности и даже волшебства...*

...После хоровода и всевозможных игр вокруг елки нас угощали чаем со сладостями, а когда уходили домой, нас одаривали подарками...»

С горечью думаешь, почему-то сегодня праздники так не окрыляют — нет ни того детского восторга, ни той радости, исчезло и ощущение волшебства и таинственности мира...

Оттаявшие звоны

Зима 2010 года выдалась особо морозной. Давненько в наших краях такой зимы не припомню. Но в Сростки ездил регулярно, как обычно, каждую неделю. В автобусе тоже было сравнительно прохладно, пахло соляровкой, и особенно мерз-

ли без движения ноги, но я старался об этом не слишком думать и, чтобы как-то отвлечься, всю дорогу смотрел и смотрел в окно.

Морозы стояли самые настоящие, трескучие, сибирские, ночью зачастую за сорок. Причем не день-два, как прошлые годы, а почти весь январь и добрую половину февраля. Настоятель храма отец Георгий, он же — первый читатель сего очерка, поправил как-то меня: «Два месяца морозы были. Январь и весь февраль!» Однако позволю себе остаться на своем — какие же это морозы, ежели даже ночью ниже двадцати пяти не опускается?!

С утра мои знакомые березки выстраивались вдоль всего тракта, растворяясь чуть-чуть своими нечеткими очертаниями в призрачной морозной дымке. Они стояли, покрытые густым, пушистым, колючим инеем, точно мужики да бабы вышли к дороге, одетые в теплые, легкие, воздушные шубы из ослепительно искристо-белого пуха.

Смотришь на это чудо, и, кажется, слышно даже, как звенит в ушах тишина, а каждый редкий звук отчетливо и чисто, будто точная нота, намертво фиксируется в морозном воздухе. Попробуй, тронь ты эту тишину, и осыплется она вся без остатка тысячами серебряных тончайших ледяных иголок. Да, если присмотреться и вдуматься, — и не льдинки это вовсе, а застывшие на березах долетевшие сюда церковные звоны, случайно запутавшиеся здесь, в ветвях.

В такой холод хотелось одного, чтобы весна скорей наступила. Но она, похоже, не очень-то торопилась к нам. А я приезжал в Сростки, брал знакомую тетрадку и читал, читал, читал...

«Март месяц. Вечером ударит вдруг церковный колокол, и серебряный звон его разольется вокруг — улетая за село, за тихая где-то в поле, запутавшись в березовых рошах и колках на склонах горы Пикет, или на островах в набухающих почках вербовника...»

Невольно думалось: «Конечно, это оттуда: Праздники... Праздники-радости... Лето Господне». Но нет, не Шмелев, — передо мной все та же обычная, исписанная аккуратным крупным разборчивым почерком, школьная тетрадка.

Странно, его, Думнова, как он сам пишет, — *«жизнь воспитала атеистом»*, но *«все религиозные обряды русской православной церкви... не чужды и даже очень нравятся»*. Значит, есть в них, в этих обрядах нечто изначальное, не зависящее от нас, но заложенное в нас с рождения. Иначе, почему?..

Вот признание того же Думнова, атеиста поневоле: *«Великий пост! При воспоминании об этом в моей памяти пробуж-*

дается приятное трепетное чувство, ласкающее воображение и приносящее умиротворение душе... В это время люди, особенно пожилые, принарядившись, шли в церковь. Шли медленно, важно, осторожно, выбирая путь посуше, а под ногами похрустывал схватившийся уже ледок...»

А в музее в ту зиму было холодно, особенно когда долго сидишь без движения, и холод все глубже и глубже забирается под одежду, потом внутрь тебя, под кожу, в самую твою душу.. и чем дольше сидишь, тем меньше желание пошевелиться, встать, пройтись, разогнать эту дрему. Но встряхиваешь себя, говоришь себе: «Не спи — замерзнешь!..» — и встаешь, и ходишь туда—сюда, чтобы хоть немного согреться.

Сотрудники музея отогревались чаем, и мне предлагали, но я-то знал, чай мало помогает, потому как мерзли в первую очередь — ноги, но до ног чайное тепло дойдет едва ли, а душу чаем не согреешь, лучше двигаться.

И я ходил, и, как нечто очень желаемое, представлял себе, что звоны вдоль тракта — уже вот и оттаяли, что вот и Пасха не за горами... и мне становилось теплее, и я снова погружался в думновские записи: *«На последней неделе Великого поста в четверг, перед самой Пасхой в церкви вечером состоялась какая-то особенная служба. В этот вечер народу в церкви собралось особенно много. Я слышал от взрослых, что в этот вечер священник читает Евангелие. После прочтения одной главы на колокольне раздавался один удар колокола. После прочтения следующей — колокол звучал два раза и так до двенадцати...»*

Когда же колокол ударял двенадцатый раз, из церкви выходили люди, и у каждого в руках была горящая свеча. Огонь, зажженный в церкви в этот вечер, считался святым, и его обязательно нужно было донести до дома. Дома этим огнем в переднем углу перед образами на потолке делали кресты, подставляли огонек свечи к потолку и копотью, как бы рисовали крестики. Кресты делались в сенях перед входом в жилище, а некоторые делали кресты даже на воротах. Эти кресты считались святыми, и народ верил в то, что они охраняли жилище от злого духа и от нечистой силы. Мы, ребята, в этот вечер собирались около церкви и с нетерпением ожидали, когда же, наконец, пробьет колокол двенадцать раз и народ начнет выходить из церкви с огнями.

В темную ночь зрелище это было очень захватывающим. Из церкви медленно выливалось море огня и растекалось по всем улицам, удаляясь к окраинам села. Вся эта процессия сопровождалась торжественным звоном во все колокола...

Некоторые предусмотрительно брали с собой стекло от лампы и вставляли в него зажженную свечу, защищая тем самым пламя от ветра. А некоторые, особенно молоденькие девушки, закрывали пламя рукой или платком...

Если свеча гасла на улице, можно было зажечь от того, кто шел рядом. Хуже, когда свеча гасла перед входом в дом. Многие очень огорчались, даже плакали...»

Очень зримо и живо представляю себе эту картину, и уже не могу остановиться, не могу оторваться от чтения — читаю, читаю, читаю: *«Целую неделю старательно готовились к Пасхе. Стирали, мыли, стряпали, ставили корчаги в печи на бразу — гнали самогон, красили яйца. С субботы на Пасху многие сельчане уходили в церковь на всенощную службу. Все женщины несли с собой завязанные в чистые платки куличи и яйца, чтобы освятить их на всенощной, потом, придя домой, поставит их в передний угол перед образами на целую пасхальную неделю.*

Я никогда не был на самой этой службе... но когда кончалась всенощная, мы, ребяташки, были уже на ногах. Праздничный колокольный перезвон никого не оставлял равнодушным. В это время какие-то возвышенные чувства руководили людьми. Все были в приподнятом добром настроении и желали друг другу только добра... Все приветствовали друг друга словами: «Христос Воскресе», другие отвечали: «Воистину Воскресе», и люди целовались...»

Звонарь Тимоха Жариков

И радость была, и люди дарили ее людям, всякий всякому, ибо только горе дается в этом мире каждому свое, а радость да красота — они на всех, как свет с небес пролитый, все и вся окропляющий. И если тебе досталось чуть больше других, — будь добр, поделись с ближним своим: *«О чем же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку? Бога ли он величал или себя хотел показать? Но кто хочет себя показать, тот не забирается далеко, тот норовит поближе к большим дорогам или вовсе — на людную городскую площадь — там заметят. Этого заботило что-то другое — красота, что ли? Как песню спел человек, и спел хорошо. И ушел. Зачем надо было? Он сам не знал. Так просила душа... Он и сам радовался и волновался, и понимал, что красиво. Что же?.. Ничего. Умеешь радоваться — радуйся, умеешь радовать — радуй...»* (В.М. Шукшин, «Мастер»).

И да воздастся тебе за все содеянное, за тьму — тьмою, за свет — светом, за радость подаренную — радостью же: «По-

мню, сельский священник Александр Кисляков, три дня ходил по селу, прославлял Христа, заходя в каждый дом, и проводил короткую службу с двумя-тремя певчими старушками. Его одаривали, угощали...» (Из воспоминаний Н. М. Думнова).

Почему-то уверен, щедрость, умение делиться, дарить — верный признак таланта того, что тебе Богом даден. Чем больше дано, тем больше отдать можешь, берите — не жалко: «Три дня с утра до вечера звонили колокола. С первого дня Пасхи, когда расходились по домам после всенощной. На колокольне звонил Тимофей Жариков...» (Из воспоминаний Н. М. Думнова).

То, что звоны звонам рознь, это и младенцу ясно. Недаром, в думновских воспоминаниях звонарю Тимофею отведено особое место. Он, Тимофей, якобы еще в армии играл в духовом оркестре, да и дома у него инструмент имелся, «что-то наподобие кларнета или секунды». Но колокола — это иное, особое...

А уж как он владел ими! Просто душу открывал свою. Удивительно, как он на пяти церковных колоколах то наигрывал сложную, торжественную мелодию, напоминающую марш, от которой внутри все огромной бодростью наполнилось... то плавно переходил на плясовую, и ноги сами непроизвольно начинали двигаться в этом веселом ритме...

О, то был настоящий чародей своего дела, такого мастерского звона никто из сrostинцев нигде и никогда не слышал, ни в те давние времена, ни, тем паче, в нынешние.

Справедливости ради нужно сказать, что кроме Тимохи Жарикова, поднимались на звонницу еще и другие любители позвонить, но их звоны так слух не радовали. Куда уж им было до Тимохи!

А еще бывало, подгуляет Тимофей в течение трех пасхальных дней... Да и то сказать, кто из нас без греха!.. Как у Шукшина: «— ...Ты веруешь ли? — ...Я, как все, а то и похуже — нью...» Так вот, подгуляет Тимофей, и уж больно захочется ему повеселить односельчан, поделиться с ними своей радостью, поднимется он на колокольню, и вдруг неожиданно совсем, негаданно, взорвется над селом, грянет стройная мелодия, которая сходу за сердце берет. И все люди поворачивают глаза в сторону церкви и молча, зачарованно слушают. А один кто-то восхищенный, звонко прищелпнет себя по ноге ладонью и скажет: «Ну, это точно Тимоха Жариков!..» Конечно, журил его за это батюшка, но не сильно журил, скорее по обязанности. А звоны эти далеко за село разносились, и слышно их было и в Талице, и в Карасуке, и даже в Березовке.

Про Тимофея, человека явно незаурядного, «штучного» рассказал я, опять же, со слов его односельчан, главным об-

разом все того же Николая Думнова. Немножко по-своему рассказал, как сумел и захотел, может, и приукрасил слегка, однако, надеюсь, не сильно приврал. Так ведь и не для красного словца — для радости!..

Утерянная радость

В один из дней, вернувшись из Сросток, машинально открыл томик Шмелева «Лето Господне»: «...*Старый наш плотник-филенщик Горкин сказал вчера, что масленица уйдет — заплачет. Вот и заплакала — кап... кап... кап... Вот она! Я смотрю на растерзанные бумажные цветочки, на золоченый пряник «масленицы» — игрушки, принесенной вчера из бань; нет ни медведиков, ни горок — пропала радость».*

Не знаю, случайно ли открылось?.. Но действительно — «ни медведиков, ни горок»... и радость пропала. Потерялась радость. Не сейчас потерялась, давно уж.

Читаю у Думнова: «*В двадцатые годы большим религиозным праздникам активная сельская молодежь пыталась оказать противодействие. Если вечером в церкви служба, то рядом в клубе проводится антирелигиозное мероприятие. Читались лекции или, как тогда говорили, делались доклады на «злобу» дня. Приедет из окружка агитатор и перед спектаклем начнет свой доклад, растянет его часа на два. Люди устанут, кто задремлет, кто в церковь уйдет...»*

Устраивали и диспуты на религиозные темы, собирали молодежь и приглашали туда священника Кислякова. Но так как комсомольцы, в отличие от отца Александра, были не столь «подкованы» в философии и истории, то, как правило, диспуты эти они проигрывали. И поэтому иногда в качестве аргументов с их стороны наблюдались, как это описывается в сборнике материалов по истории села, «*некоторые шалости и хулиганство*». Например, на одном из заседаний бюро сростинской ячейки ВЛКСМ было принято решение: «*В целях борьбы с религией и быстрого выживания из села попа Кислякова постановили: в окно дома попа забросить дохлую кошку, поручить выполнение этого задания членам ВЛКСМ Ф. Дмитриеву, В. Емельянову и А. Скоропупу*». Решение это, как свидетельствует все тот же сборник, «*успешно выполнили*». Впоследствии, после вынужденного обращения отца Александра к секретарю партячейки Н.А. Каменеву участникам этой антирелигиозной «акции» старшими товарищами было указано «*на негодность такого способа борьбы с религией*».

Был и такой случай, описанный там же: «*Иван Марчук, активист художественной самодеятельности, внес предложе-*

ние: в святой четверг перед Пасхой, когда верующие идут от стояния со святым огнем со свечами, протянуть веревку по улице против домов Сорокина и Марчука. Г. Зяблицкий эту идею поддержал. Когда народ шел из церкви с огнем, оберегая его руками, не глядя под ноги, задевал ногами за веревку, падал в грязь, свечи потухали. После этого было огромное возмущение верующих, и комсомольцам коммунисты устроили «баню», а Гриша Зяблицкий получил строгий выговор на партбюро».

Эти ли, другие ли «события», неуклонно подталкивали куда-то вперед «колесо» истории. Как ни «бойкотировали» тихим сапом многие «несознательные» сростинцы новый советский быт, все катилось своим чередом — вперед ли, под горку ли... И в начале 1930 года сростинская церковь была закрыта. А чуть позже с церкви сняли купол, сняли колокол, и разместили в ней сельский клуб. Вот как вспоминает об этом активная комсомолка тех лет, жительница Сросток Лидия Михайловна Воеводина: «Комсомольцами были собраны подписи всех граждан села, за исключением небольшой части сильно верующих в Бога, об отделении церкви от государства и передачи ее под клуб, что и было сделано в 1931. Церковь сломали, внутреннее оборудование растащили. Это было большой ошибкой комсомольцев и жителей села тех далеких лет, лишивших наше село замечательного памятника культуры».

В 1933 году последний настоятель этой церкви Александр Кисляков был арестован. Больше, по свидетельству упоминавшегося уже не раз Марчука, отец Александр в Сростки не вернулся. Смутные то были времена, многие простые люди терялись тогда «без следа и следствия», а уж распространители «опиума для народа» тем более. Наверное, поэтому о дальнейшей судьбе сростинского батюшки Кислякова никто из односельчан-сростинцев ничего определенного ныне мне поведать не смог.

А еще позже, в конце 60-х—начале 70-х, в селе был отстроен новый клуб, и здание церкви теперь уже за полной ненадобностью и вовсе разобрали, как говорится, с глаз долой...

Пропала радость.

*Материалы рубрики «Писательское братство»
подготовила Марина ПЕРЕЯСЛОВА*

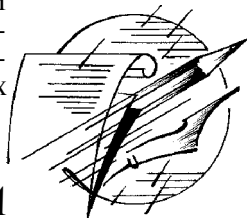
О ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Статья Николая Сомина «Русская идея обязывает» («МГ», 2010, №9) ставит важную тему в дискуссии о судьбах русского народа — тему нового социализма, понятого не по-марксистски, а по-православному. На ней я и сосредоточусь. А в заключение добавлю несколько слов о том, с чего, на мой взгляд, следует начинать, выбираясь из ямы, в которой мы оказались.

В чем отличие православного социализма от советского, выстроенного с такими бесчисленными жертвами и рухнувшего так бесславно? Что было ценного в этом рухнувшем социализме?

Дать сразу точные и полные ответы на эти вопросы не просто. Но постепенно, если русские люди поймут их важность и если дискуссия о судьбах русского народа продолжится, эти ответы будут высвечиваться со все большей определенностью. Ложные мысли будут отбраковываться, а правильные утверждаться. И, скорее всего, потянут за собою другие правильные мысли, ныне пока еще незаметные.

Я согласен далеко не со всеми идеями Сомина, заявленными в его статье. Однако перечислять все, с чем я не согласен, не буду. Буду писать лишь о главных его, на мой взгляд, ошибках.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Одна из них заключается в том, что для него что Ротшильд, что крестьянин, нанявший другого крестьянина на какой-то срок, — это явления одного порядка. Это равным образом эксплуататоры, отличающиеся друг от друга лишь размерами своих злодеяний.

Правда, в названной статье об этом в лоб не говорится. Сомин ограничивается в ней лишь отрицанием рыночного хозяйства. А что такое рынок — поди разберись. На эту тему потребовалась бы отдельная работа. В советское время работали колхозные рынки. Работали рынки при феодализме и в античные времена. Были они везде, где господствовал т.н. «азиатский способ производства». Рынки были, а капитализма не было. Как так?.. Получается, что рынок и капитализм не одно и то же?

Вот потому-то и могут возникать в головах читателей соминской статьи некоторые неясности насчет отношения Сомина к разным видам частной собственности. Допустима ли она при социализме хотя бы в мелких ее видах? Или, будь его власть, он запретил бы в СССР даже колхозные рынки?

Однако в других работах Сомин не скрывает своего неприятия частной собственности во всех ее видах. Для него частная собственность, что самая крупная, что самая мелкая, это источник зла. Это начало разрухи в обществе.

При этом он отделяет частную собственность от личной собственности, которая, по его мнению, не связана с эксплуатацией. А частная собственность связана. Собственная одежда, квартира, мебель, дача — это хорошо, а собственная мастерская, в которой работают наемные рабочие, это плохо. Потому что ее владелец их эксплуатирует.

О частной собственности поговорим ниже, а пока спросим: так ли уж безгрешна эта личная собственность? Конечно, она по определению исключает явную эксплуатацию других лиц. А исключает ли она скрытную их эксплуатацию?

Если у меня прекрасная большая квартира, да еще в центре большого города, то я хороший жених для многих девушек, особенно из провинции. Даже если я несимпатичен. А у тебя лишь комната на окраине маленького городка или избушка в деревне. И кому ты нужен при всех твоих достоинствах?.. Кому-то и ты, скорее всего, годишься. Но наши возможности несоизмеримы. И не только по части брачной.

Если я получил выгодное образование, если я получил выгодную должность, если я обладаю выгодными связями, то у меня будет не только великолепная квартира в столице, но и многое другое, недоступное обыкновенным людям. Я буду пользоваться всем лучшим из того, что предоставляет бес-

платно или за малую плату социалистическое государство своим гражданам. И детям своим я дам все самое лучшее. А ты, плебей, будешь пользоваться из всех социалистических благ наименьшими. И дети твои тоже.

Вот почему в советское время (при всех его достоинствах, особенно понятных в наше время) было такое стремление выбраться из нищей деревни в районный город, а из него в областной или, если повезет, в Москву, Ленинград или Киев. Вот почему была такая борьба за выгодное образование, за выгодную должность и выгодные связи.

И это стремление к лучшему было, до известной степени, естественным. Однако затем оно переросло в карьеризм, в ослепляющий душу материализм, в использование своего рабочего или служебного места для служения своекорыстным личным и групповым интересам: «Тащи с работы всякий гвоздь, Ты здесь хозяин, а не гость!»

Но тащить гвозди с работы это удел самых мелких сошек. Чем выше поднимался человек в социальном отношении, тем более скрытым становилось его фактическое воровство. Оно принимало форму махинаторства, причем, как правило, коллективного. На этой почве складывалась система взаимных услуг за счет остальных членов общества. Складывалась система «блата». «Ты — мне, я — тебе». А затем стали возникать своего рода «мафии» в разных видах общественной жизни, боровшиеся за господство в той или иной ее области. Торговая мафия, научная мафия, концертная мафия, спортивная мафия и т.д. Затем стали выстраиваться т.н. «теневые» структуры в промышленности, обслуживающей непосредственные нужды населения. Они росли, совершенствовали свою технологию, создавали свои системы безопасности, вырабатывали свои законы, нарушение которых каралось с куда большей жесткостью, нежели та, которую проявляло государство по отношению к нарушителям своих законов.

Государство проигрывало в соревновании с этими подпольными структурами, потому что добросовестные граждане, которых было большинство, были разрознены, а недобросовестные организованы великолепно. Само же государство, скованное марксистскими догмами, думало о происходящем близоруко или даже кривогазо, т.е. таким образом, чтобы не замечать причин гниения общества, таящихся в самой его идеологии и в самом его устройстве.

По Сомину, личная собственность это лишь обычная одежда, квартира, мебель, дача. Ну, конечно, книги, компьютер. Ему самому ничего больше не нужно. Поэтому он думает, будто и остальным людям тоже не нужно ничего сверх этого.

А они нуждаются. Они мечтают об улучшении своей жизни. Особенно женщины. Тем более, что жить красиво, как говорится, не запретишь. Не запретишь потому, что при социализме самой красивой жизнью живут социалистические бояре и дворяне, а они не такие безумцы, чтобы отказывать себе в самых законных удобствах и преимуществах. А если не отказывать себе, то надо позволять и другим пользоваться чем-то подобным. Но, разумеется, в соответствии с их положением в обществе.

Поэтому, в отличие от Сомина, «нормальному» человеку нужен автомобиль, и лучше — престижной марки. Ведь тот, кто его не имеет, выглядит в глазах его жены и его детей растяпой и неудачником. «Нормальному» человеку нужны золотые перстни для жены, серебряная посуда и прочие драгоценности. И чем их будет больше, тем лучше. Чтобы жена его радовалась, а ее приятельницы ей завидовали. Нужна не просто дача, а роскошная дача. Нужны вклады на сберегательных книжках, и тоже чем больше, тем лучше. Нужна лучшая школа для его детей и многое-многое другое. И этой жажде все большего личного довольства нет конца. Нет конца жажде все большего личного и семейного обогащения, с которой связана жажда все большего личного престижа и все большей личной власти.

Личная собственность при социализме — это совсем не простая вещь. Она и условие социализма, без которого социализм превращается в военную казарму (т.е. в карикатуру на себя самого). Она и начало превращения социализма в капитализм.

Личная собственность при социализме, не ограниченная ни изнутри высоконравственным сознанием ее владельца, ни извне высоконравственным влиянием общества, — это зародыш капитализма, развивающийся до времени в оболочке социализма, а затем разрывающий эту оболочку.

Что роднит этот зародышевый капитализм с высокоразвитым капитализмом? Эгоизм. Но в высокоразвитом капитализме эгоизм не скрывает себя или почти не скрывает, а в зародышевом он стыдлив или почти стыдлив. Он старается выглядеть не эгоизмом, а нормальным и законным для социалистического общежития настроением. Поэтому имитирует свою заботу об обществе. Однако в своей глубине социалистический эгоист относится к обществу так же или почти так же, как эгоист капиталистический: общество для него есть нечто внешнее, не связанное с его сердцем, с его мечтами, с его любовью и болью.

Итак, безгрешность личной собственности — это иллюзия Сомина. На самом деле борьба добра и зла происходит и

в сердце личного собственника. Происходит она и в сердце собственника частного.

Отнимать у последнего свободу воли нехорошо. Особенно в том случае, если это не плутократ, а представитель мелкой и средней частной собственности. Свободу воли дал ему Бог, поэтому покушаться на нее христианин не имеет права. Раскаяться может даже олигарх. Раскаяться и поставить свои богатства на службу обществу. Тем более способен на служение обществу владелец любого ларька или даже завода.

Вот мы и подошли к разговору о частной собственности при социализме. Сомин демонизирует частную собственность, а я хотел бы показать ее неоднозначный характер.

Вернемся к той частной мастерской, в которой работают наемные рабочие. По Сомину, ее собственник — эксплуататор в любом случае, независимо от того, как он оплачивает работу своих рабочих и в каких условиях они работают у него.

Если бы этот владелец мастерской стал ради выяснения вопроса об эксплуатации отдавать весь доход от своего предприятия своим работникам, не оставляя себе ничего, то, спрашивается, можно ли было в этом случае считать его по-прежнему эксплуататором? Это было бы нелепо. А если бы он оставлял себе от дохода только одну копейку? Тоже нельзя. Но тогда возникает вопрос, с какой конкретной суммы денег или с какой части дохода, оставляемой им себе, начинается его превращение из добросовестного человека в эксплуататора?

Справедливая плата — вот ахиллесова пята марксистской и соминской социальной философии. Если справедливая плата возможна в принципе и если она выплачивается, то обнаруживается воочию несостоятельность утверждения, будто всякая частная прибыль есть непременно результат эксплуатации наемного труда. Не потому ли понятие справедливой платы отсутствовало в советской экономической псевдонауке, что оно разрушало марксизм в корне?

На это марксисты могут возразить, что в условиях жесткой конкуренции, которая неизбежна при развитии капитализме, все частные владельцы вынуждены или снижать заработную плату своим работникам до того минимума, на который те соглашаются, или платить им по справедливости, но самим отставать при этом в конкурентной борьбе. А кому хочется отставать?

Заметим, что в это возражение уже вкралось нехарактерное для марксистов понятие о справедливой плате. Но без него не обойтись, если речь заходит об эксплуатации. Эти

два понятия невозможны друг без друга. Хотя марксисты, будучи софистами, пытаются обойтись без него. Но не будем задерживаться на этом моменте.

Во всем остальном их возражение верно лишь в том случае, если конкуренция достигла своего пика. Тогда она действительно упраздняет свободу частного предпринимателя полностью и тем снимает с него ответственность за эксплуатацию его работников. Ответственность за эксплуатацию переносится в этом случае с конкретных предпринимателей на высшую фазу капитализма, при которой свобода частных предпринимателей исключена полностью.

Но разве таково положение даже в настоящее время? В каких-то случаях конкуренция сегодня так жестка, что действительно не оставляет выбора. В других же случаях выбор есть. Большой или меньший выбор.

А если он возможен в некоторых случаях даже сегодня, то был тем более возможен в слабокапиталистическом прошлом. А в докапиталистическом прошлом и подавно. Частная предпринимательская деятельность тогда была, но возможность оплачивать труд наемников справедливо или несправедливо была тоже. Из чего следует, что никакой фатальной связи мелкого и среднего капитала с эксплуатацией не существует.

А если так, то справедливая плата тем более возможна при работе частного предприятия в условиях социализма, потому что в ней будут кровно заинтересованы, помимо наемных работников, и государство, и общество. В условиях социализма справедливая плата не только возможна, она неизбежна, за редкими исключениями, связанными с особо хитрыми махинациями частных собственников предприятия.

Но что же она такое, эта справедливая плата?

Определить ее теоретически очень трудно или даже вообще невозможно, потому что она колеблется в зависимости от общего положения в стране или даже от положения самого предприятия. Однако практически она возможна и реальна в том случае, когда представляет собою какое-то равновесие между законными интересами собственника предприятия и законными интересами нанимаемого им работника. Когда она представляет собою свободное их согласие. Или более или менее свободное. Как на обычном рынке свобода продающих и покупающих не абсолютна, так и здесь.

Так что с этой стороны все возражения против мелкой и средней частной собственности при социализме должны быть сняты как несостоятельные.

А вот вопрос о пользе мелкой и средней частной собственности для социалистического государства должен быть рассмотрен.

Она, будучи при социализме на своем месте и под контролем общества и государства, способна разгрузить государство от множества мелких и средних хозяйственных, бытовых и культурных забот. Государство должно быть сосредоточено на главных своих задачах, а не на стирке белья для населения, не на продаже пирожков, ремонте автомобилей и других полезных, но не главных делах, с которыми частные предприниматели справляются куда успешнее государства. Успешнее потому, что им виднее все местные особенности, учесть которые не способен никакой Госплан. Да и способность частных предпринимателей реагировать быстро на местные нужды несравнимо выше соответствующей способности Госплана.

Поэтому чрезмерная централизация вредна для самого государства. Отвлечение его внимания на мелочевку (которая в масштабе страны необъятна) не только снижает качество выполнения им главных его задач, но и ведет к разбуханию чиновничьего аппарата. А это разбухание делает невозможным качественный контроль за ним и позволяет мелким и средним чиновникам использовать свое служебное положение в своекорыстных целях. Стремясь командовать всем и вся, государство выращивает питательную среду для паразитирующих на государстве.

А почему сказанное не относится к крупным бюрократам?.. Крупный бюрократ, связанный с крупными государственными предприятиями, тоже доступен соблазнам своекорыстия, но он на виду у всех, его действия и отношения с людьми намного прозрачнее для общества, нежели действия и отношения бюрократов мелких. Кроме того, предприятия, с которыми он связан, не выпускают, как правило, продукции, интересной для населения. Поэтому его возможности наживаться на махинациях с продукцией зависимых от него предприятий невелики или отсутствуют вообще. Обладая огромной властью, он может наживаться иными способами, но возможности этого иного рода зависят в сильнейшей степени от нравственного состояния общества и от качества государственного контроля.

Мелкие же и средние чиновники, связанные с предприятиями, обслуживающими непосредственные нужды населения, куда ближе к соблазнам организованного своекорыстия. Здесь куда больший простор для неформальной самостоятельности как чиновников, так и представителей государственных предприятий. Здесь слуга государства, зараженный своекорыстием, служит двум господам, одним из которых является он сам, но старается создать видимость, будто

служит только одному государству. Контроль за ним в мутном и продолжающем мутнеть от своекорыстия обществе становится все более формальным.

Именно здесь, а особенно в торговле, самые уязвимые места социалистического хозяйства. Здесь быстрее всего возникают паразитические связи, которые растут и разъедают социалистическое общество.

Бесспорно, что нравственное выздоровление общества, которое так и не произошло в СССР, значительно изменило бы положение в лучшую сторону и в этой области. Но оно не могло изменить его в корне. А почему?.. От нравственного состояния общества зависит многое, но далеко не всё. Характер общества определяется не только нравственным его состоянием, но и теми идеями, которые заложены в его основание.

Идея же всецелой централизации общества, упраздняющая свободу мысли его членов и свободу их самоорганизации, это глубоко порочная идея. Столь же порочная, как и идея всецелой децентрализации общества, его распада на независимые друг от друга атомы. Крайности сходятся.

К этой теме мы еще вернемся, а пока обратим внимание вот на какое обстоятельство.

Стремление человека к личной выгоде нельзя запретить, и советская практика великолепно подтвердила эту простую истину. Запретить нельзя, а ввести это стремление в рамки закона, в рамки нравственности и здравого смысла, можно и должно. Должно потому, что если не дать стремлению человека к личной выгоде законного выхода, то он будет искать и найдет выходы незаконные, разрушительные для общества и государства.

Что же касается упомянутого выше здравого смысла частных предпринимателей (да и не только их), то он подсказывает, что правильный личный интерес должен не противоречить интересам общества, а сочетаться с ними.

Ведь все мы в одной лодке. Разрушая общество ради своего личного успеха, эгоист готовит катастрофу для своих потомков. Об этом он не дотягивается подумать. А надо, чтобы все дотягивались уже с малых лет и не были эгоистами. В новом социалистическом государстве эта простая истина будет заучиваться вместе с таблицей умножения или даже еще до нее. Она будет не просто пропагандистской идеей, далекой от реальной жизни, но основой реальной жизни. Она сделает людей зоркими в социальном отношении. Поэтому эгоистам в новом социалистическом мире будет трудно скрывать свой эгоизм. Он станет для них неудобным. А если так, то эгоисты будут все чаще отказываться от него.

В новом социалистическом обществе, если оно у нас будет, природа его членов будет светлеть. В том числе и природа частных предпринимателей. По мере их духовного взросления они будут видеть смысл своей деятельности все больше не в личном и семейном обогащении, а в служении Богу и своему народу своими делами и своими капиталами. И в этом будет высшая их выгода.

А теперь еще об одном обстоятельстве.

Отрицание социалистами мелкого и среднего капитала при социализме превращает практически всех мелких и средних предпринимателей (а также связанных с ними лиц) в противников социализма. А это такая услуга врагам социализма, которую переоценить невозможно. Потому что от представителей мелкого и среднего капитала зависит в громадной степени, на чьей стороне будет победа. На стороне капитализма или социализма.

Правильный социализм должен не отталкивать от себя представителей мелкого и среднего капитала, а привлекать их к себе, разъясняя им две важные истины. Во-первых, то, что капитализм был создан не ими, а мировым антихристианским и антинациональным банковским капиталом, разрушающим все традиционные человеческие ценности и превращающим жизнь человеческую в кошмарную ночь без рассвета. И, во-вторых, ту истину, что всякому добросовестному человеку выгоднее жить в обществе нравственном и под его контролем, нежели под контролем врагов человечества. Создание же нравственного общества и нравственного государства как раз и есть цель правильного социализма, который пора научиться отличать от его подделок.

Но и сказанное дело не ограничивается. Мелкая и средняя частная собственность, контролируемая государством и обществом, это преграда, не позволяющая социалистическому государству переродиться в государство тоталитарное. А такая опасность есть в жестко централизованном государстве, в котором все хозяйство, все СМИ, вся педагогика, вся наука и вся культура принадлежат государству. При таком всевластии государства и, следовательно, беззащитности населения велик соблазн для его руководителей сделать государственную идеологию практически обязательной для всех граждан страны. Как это было в СССР.

Без государственной идеологии государство обречено на гниение и, в конечном итоге, на распад. С утратой государственной идеологии подавляющее большинство населения утрачивает организующие его ориентиры и нормы жизни. Оно граждански слепнет и рассыпается на не связанные между

собою атомы. А вслед за этим гражданским ослеплением начинается все большее нравственное и духовное его ослепление. Или, что одно и то же, гниение. Причем вместе с гниением населения гниют сами представители государства, его функционеры.

Вот почему так понятно стремление государственных мужей утвердить в стране государственную идеологию, объединить под ее властью по возможности всех.

Но как быть с теми, для кого она неприемлема? Отправлять их на лесоповал?.. Нет, все граждане должны иметь право думать по-своему. Иначе мы создадим бесчеловечное государство, которое будет уродовать людей. Превращать их в подобия манкуртов.

Значит, необходим какой-то разумный компромисс между стремлением утвердить государственную идеологию и стремлением утвердить право граждан на инакомыслие. Этот компромисс должен быть гарантирован не только соответствующей статьей Конституции. Конституции слишком часто оказываются фальшивыми. Нужна более весомая гарантия.

Правильно организованный частный сектор как раз и будет гарантией того, что социалистическое государство не воспользуется своей силой для подавления инакомыслия в стране. А не воспользуется оно ею потому, что при законной мелкой и средней частности собственности такой силы у него не будет. Мелкая и средняя частная собственность станет надежной опорой и убежищем для всех инакомыслящих, а попытки ее ликвидировать или стеснить станут сигналом опасности для населения всей страны.

Вот такие соображения в связи с частной собственностью при социализме.

А теперь еще одна важная черта правильного социализма, о которой в статье Сомина нет ни слова.

Правильный социализм невозможен иначе как в виде правильно организованной нации. А во всемирном масштабе он невозможен иначе как в виде союза или сообщества правильно организованных народов.

Сомин не обратил внимания на то, что капитализм не случайно разрушает вместе с христианской религией нацию, национальную общину и семью. А разрушает он их потому, что все эти институты взаимосвязаны, взаимозависимы и, по большому счету, невозможны друг без друга.

Что истинная религия исходит от истинного Бога — это понятно многим. А о том, что языки, эти зародыши народов, были сотворены Богом, забыли, похоже, даже христиане. Хотя об этом написано черным по белому в Священном Писании.

Теперь едва ли не все привыкли смотреть на атомизированное псевдообщество как на нормальное общество. Вот до чего докатились.

Но Бог космополитических обществ не создавал. Их создавали Его враги, чтобы властвовать над разрозненными и потому беспомощными человечками. Властвовать и выстраивать их в новую Вавилонскую башню, отличную от прежней по ее внешности, но ту же самую по ее сути.

Вот почему истинный социализм невозможен без признания социалистами важности организующих нацию идей. Тех самых идей, которые советские социалисты вымыли почти полностью из русского народа.

И, наконец, о мысли, которой Сомин завершает свою статью. Он утверждает, что русские люди находятся сегодня в таком состоянии, что надеяться на какие-то изменения в них к лучшему бесполезно. Разбудить русских к высшей жизни может теперь только такая страшная катастрофа, какой не было еще никогда в русской истории. Вот ее-то, вещает он, и остается нам ждать в надежде на то, что она возродит русских.

В чем правота этой мысли? В том, что катастрофа, о которой он говорит, действительно вероятна. На нее работают могучие силы. И она действительно произойдет, если русские останутся в своем нынешнем состоянии. Но почему Сомин решил, что она, если произойдет, чему-то научит русских? В катастрофическом состоянии люди, как правило, вообще не соображают. Они мечутся в поисках спасения, а их метания организаторы катастрофы обдумывают заранее и готовят для них заранее новые идейно-политические ловушки. Так не лучше ли начать думать сегодня, а не после того, как катастрофа произойдет?

Мы не знаем, что будет с нами завтра. Может быть, случится самое худшее, а, может быть, не случится. Но мы обязаны знать, что наше будущее зависит в значительной мере от нас самих и потому должны правильно действовать. Или, как минимум, искать причину своего нынешнего бессилия и, найдя ее, устранить.

Казалось бы, главная причина бессилия русских — это вопиющая их безграмотность по части организующих нацию идей — религиозных, семейных, общинных и собственно национальных. Безграмотность обрекает их на взаимное непонимание в вопросах, чуть поднимающихся над бытовым и хозяйственным уровнем, а не понимающие друг друга не могут ни осознать общенациональные цели, ни, тем более, осуществлять их.

Но на самом деле причина бессилия русских гораздо глубже. Она не просто в их невежестве, а в невежестве такой сте-

пени, которая не позволяет им о нем даже догадываться. «Пусть государство организует нас правильно, — и мы будем жить нормально, без особых проблем». Вот установка, похоже, подавляющего большинства современных русских, привыкших жить под управлением государства и не испытывающих нужды в собственных мыслях — ни о религии, ни о нации, ни о национальной общине, ни даже о семье при всем ее нынешнем очевидном развале. И, тем более, не испытывающих нужды в какой-то национальной идеологии. Это слишком заумные для них предметы.

Русские уверены, что тех идей, которые у них есть, вполне достаточно для правильной жизни нации. Что вся беда лишь в преступных их правителях — в политике геноцида русского народа, которую те проводят. А поскольку изменить эту политику русские не могут, то им не остается ничего другого, как сознать свое фатальное бессилие и истлевать в отчаянии.

При таком самогипнозе русским не нужны никакие катастрофы для их исчезновения из истории. Они вымрут и без таковых спокойно и почти мирно, хотя и не сразу.

Какой-то шанс на их возрождение появился бы только в том случае, если бы они догадались о том, что раньше у них были организующие их идеи — семейные и общинные, национальные и религиозные. Были, но были слабыми, а потому и были вымыты из них за последние триста лет их жизни, особенно в советские времена. Не говоря уж о времени послесоветском.

Если бы русские догадались о том, что они ограблены по части самых важных для жизни идей, то стали бы стягиваться в кружки с целью ликвидации своей национальной безграмотности. Причем по всей России. И это стягивание стало бы их ответом на политику геноцида русского народа. Малые кружки связывались бы между собою с целью взаимопомощи, а со временем превращались бы в малые русские общины. А затем во все более крупные. И, в зависимости от того, какие масштабы приняло бы это движение, русское население или превратилось бы в новый русский народ, или так и осталось бы разрозненным русским населением.

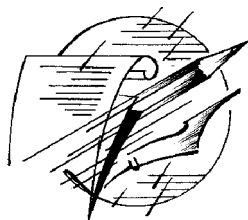
Трудности, связанные с образованием русских кружков, неизбежны, но обещать легкий и беспроблемный путь выхода из нынешнего положения, в котором находятся русские, было бы заведомой утопией.

КАКОЙ ЖЕ СОЦИАЛИЗМ НАМ НУЖЕН?

В начале своей статьи Геннадий Шиманов пишет: «Собственная одежда, квартира, мебель, дача — это хорошо, а собственная мастерская, в которой работают наемные рабочие, это плохо. Потому что ее владелец их эксплуатирует. О частной собственности поговорим ниже, а пока спросим: так ли уж безгрешна эта личная собственность?» Но разве я когда-нибудь говорил, что личная собственность безгрешна? Этого не говорили и святые отцы Православной Церкви. Вот, например, высказывания великого святителя Иоанна Златоуста:

«О сребролюбие! Все свелось к деньгам, — потому и перепуталось! Ублажает ли кто кого, помнит деньги; называют ли несчастным, причина опять в них же. Вот о том только и говорят, кто богат, кто беден. В военную ли службу кто имеет намерение поступить, в брак ли кто вступить желает, за искусство ли какое хочет приняться, или другое что предпринимает, — не прежде поступает к исполнению своего намерения, пока не уверится, что это принесет ему великую прибыль».

«До каких пор будем мы любить деньги? Я не перестану вопиать против них, потому что они причиной всех зол. Когда же мы насытим эту ненасытимую страсть? Что привлекательного имеет в

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

себе золото? Я прихожу в изумление от этого... Откуда вошел этот недуг во вселенную? Кто может совершенно искоренить его? Какое слово может поразить и совершенно убить этого лютого зверя? Страсть эта внедрилась в сердца даже таких людей, которые по-видимому благочестивы».

«Богатые никогда на оставляют этой безумной страсти, хотя бы овладели всею вселенною, и бедные стараются сравняться с ними, и какое-то неисцелимое соревнование, необузданное бешенство и неизлечимая болезнь объемлет души всех».

«Подлинно, богатство делает (людей. — Н.С.) безумными и бешеными. Если бы у них была такая власть, они пожелали бы, чтобы и земля была золотая, и стены золотые, а пожалуй, чтобы небо и воздух были из золота. Какое сумасшествие».

«...Золото не позволяет людям быть людьми, но делает их зверями и демонами»

Как видим, великий святитель видит в богатстве огромный, вселенских масштабов соблазн, приводящий к самым тяжелым последствиям. Но как мы думаем, к чему они относятся — к личной собственности или частной? Конечно же к личной. Именно она — вожденная цель, гонясь за приобретением которой люди становятся «безумными и бешеными», «зверями и демонами». Идеалом имущественных отношений Златоуст считает объединение имущества в общей собственности по примеру апостольской Иерусалимской общины. Но он прекрасно понимал, что это доступно только совершенным христианам; для новоначальных он такой нормы не предусматривал, считая, что пока им достаточно, имея собственность, не прилепляться к ней и с нее благотворить. Святитель хорошо знал глубину падшести человеческой природы, и потому не форсировал отмену личной собственности в тотальном порядке. Однако он призывал резко ограничить ее, ибо привязанность к богатству, по Златоусту, возрастает с размером богатства и это колесо взаимозависимости может легко погубить человека. Святитель воспевает бедность и аскетизм — свободный от собственности может следовать за Богом, а обремененного собственностью задерживает привязанность к ней. Как это ни покажется странным, но социальная политика в СССР в целом следовала рекомендациям Златоуста: личную собственность не отменили, но резко ограничили возможности ее умножения.

Ну а как же обстоят дела с частной собственностью? Под нею понимается принадлежащий частному лицу капитал, предназначенный для производства товара на рынок (и, разумеется, сам товар). Святые отцы говорят о ней немного, но вполне определенно — они ее полностью не приемлют. Но

заметим, что ситуация тут довольно своеобразная: святые отцы видят, по сути дела, только один вид частной собственности — денежные средства, отдаваемые в рост. Ветхий завет запрещает давать в рост соплеменникам. Правда, он даже рекомендует давать под проценты иностранцам, но рассматривает это как средство приобретения Израилем большего влияния. Новый Завет процент осуждает. Поэтому неудивительно, что и святоотеческое предание сурово ополчается на эту некрасивую практику.

Однако о других видах частной собственности отцы говорят очень скупо, хотя в то время активно производились, например, торговые операции. Тут мы сталкиваемся с определенным парадоксом. Византийский гений, создав выдающееся богословие и изумительные по красоте церковные службы, оказался неспособным осмыслить социальные феномены. В Византии была выработана по-своему замечательная система «симфонии» Церкви и государства, обеспечившая тысячелетнюю стабильность Империи. Но она находилась где-то посередине между богословием и политологией. А вот собственно социологических разработок мы там не находим. Даже самого понятия «частная собственность» не было выработано, хотя, повторяем, отдельные виды частной собственности в обществе были налицо. Византийское богословие, которое было, так сказать, меганаукой и фактически вмещало в себя все знания, очень глубоко изучило личные грехи человека. Но уж так получилось, что от социальных проблем Церковь была отстранена государством («симфония» была с определенным «перекосом»), и потому социальные отношения в поле зрения богословов не попадали. А если и попадали, то рассматривались через призму личных грехов. А ведь суть частной собственности — именно в ее социальном и даже социообразующем характере. Поэтому «богословие частной собственности» надо фактически создавать заново, хотя и оглядываясь на святоотеческие творения.

Я думаю, что ни у кого не вызывает сомнения цели, ради которых человек обзаводится частной собственностью. Прежде всего, он видит в ней замечательный механизм увеличения той самой личной собственности, о которой мы уже достаточно наговорили. Ведь прибыль-то остается собственнику, и тот волен распоряжаться ею, как ему заблагорассудится: пустить на развитие производства или закупить яхт, вилл и прочего шикарного барахла. Конечно, на самом деле предприниматель ограничен довольно жесткими рамками — значительную долю прибыли он должен вложить в расширение своего дела, иначе его сожрут конкуренты. Но все же он

может выкроить кругленькую сумму и для себя. Кроме того, частная собственность дает и другие блага — влияние, власть, престиж, вхождение в элитное общество. Ведь в этом мире все покупается за деньги. Впрочем, заметим, что тратит на себя любимого вовсе не обязательно. И потому есть частные собственники, которые занимаются благотворительностью, спонсируют Церковь, меценатствуют и проч.

Знаменательно, что у нас что-то не слышно о гигантских стройках, о новых заводах, об успехах в космосе. Россия сейчас прирастает дачами и личными автомобилями. И причина этого прозрачна — это принцип частной собственности, всегда и всеми используемый как вполне легитимный способ без границ увеличивать и увеличивать свою личную собственность, плюя на остальных, на Россию как целое. Все это лежит на поверхности, но удивительно, что мой именитый оппонент, не хуже Златоуста обличивший в своей статье личную собственность, тем не менее ратует за оправдание и возрождение частной собственности, приводя вереницу аргументов. Обратимся к ним.

Шиманов пишет: «Справедливая плата. Вот ахиллесова пята марксистской и соминской социальной философии. Если справедливая плата возможна в принципе и если она выплачивается, то обнаруживается воочию несостоятельность утверждения, будто всякая частная прибыль есть непременно результат эксплуатации наемного труда». Тут уже хорошо, что мой критик хоть и сближает меня с марксистами, но все-таки не до конца. Должен сказать, что на самом деле марксистом я никогда не был (что видно из моих многочисленных статей), хотя и не отказывался от тех верных положений, в марксизме безусловно имеющих, например, о разной функциональной роли личной и частной собственности. Но обратимся к шимановской статье: «Но что же она такое, эта справедливая плата? Определить ее теоретически очень трудно или даже вообще невозможно». На самом деле — очень легко. Справедливая плата — это плата по труду. Все трудности заключаются в объективном измерении труда — трудности, с которыми, к сожалению, не справилась марксистская мысль, хотя очень много над этим вопросом трудилась (и потому упрек, что марксизм не занимался «справедливой ценой», несправедлив). Предприниматель, как управленец, участвует в производстве, и потому за его труд надо платить «справедливую плату», по труду. Если это соблюдается («если она выплачивается»), то, согласимся: никакой эксплуатации (со стороны данного предпринимателя) нет. Прав Шиманов и в том, что в принципе это возможно. А почему нет? —

вполне возможен предприниматель, имеющий средний (по отношению к его рабочим) достаток.

Просчет моего оппонента в другом. В том, что, несмотря на свободную волю человека, закономерности в социальном устройении все же есть. Но они носят не «железный», не безусловный характер, типа второго закона Ньютона $F=ma$, а характер статистический. Последнее означает, что под воздействием определенных причин, заметная часть населения поступает определенным образом, что и фиксируют социологи в виде некой закономерности (тенденции, правила, соотношения). Но вовсе не все этой закономерности подчиняются. Всегда находятся индивиды, которые будут действовать вопреки общей тенденции. Но если воздействующие причины существенны, то эти «диссиденты» погоды не делают, хотя и слегка портят статистику.

Вот и в случае частных предпринимателей такая воздействующая причина налицо. Это — падшесть человеческая, выражающаяся в стремлении к наживе. Конечно, есть (и слава Богу) предприниматели, затевающие бизнес ради дела, ради того, чтобы сделать что-то полезное. Но подавляющее большинство занимается предпринимательской деятельностью, чтобы получить как можно больше прибыли, как красиво говорят экономисты — «максимизировать». Правда, красота только на бумаге — желая отхватить от пирога как можно больший кусок, предприниматель сталкивается с такими же любителями сладкого и волей-неволей вступает с ними в конкурентную борьбу. Шиманов, конечно, об этом знает и потому старается этот удар заранее отвести, замечая: «Во всем остальном их возражение верно лишь в том случае, если конкуренция достигла своего пика... Но разве таково положение даже в настоящее время? В каких-то случаях конкуренция сегодня так жестка, что действительно не оставляет выбора. В других же случаях выбор есть. Большой или меньший выбор». Заметим, что выбор всегда есть, но «гуманный» предприниматель окажется в невыгодном положении с эксплуататором и безусловно проиграет ему конкурентную гонку. В результате рынок выносит эксплуататоров наверх. Они правят там бал и вынуждают «гуманистов» действовать так же — иначе банкротство. Поэтому на самом деле выбор у предпринимателя сводится к тому, на что использовать уже полученную прибыль. Что же касается этапа получения прибыли, то тут все, даже отчаянные альтруисты, вынуждены подчиняться волчьим правилам, устанавливаемым самыми прожженными, жестокими, хитрыми и беспринципными субъектами рынка.

Конкуренция же при капитализме огромна. Она свирепствует не только между производителями схожего товара, но и между разными отраслями, между странами и континентами. И механизм конкурентной борьбы вовсе не в честном соперничестве на почве более качественной продукции в условиях свободного рынка, как наивно думают некоторые. Суть успешной конкуренции — в умении создать себе монопольные условия, пусть частично и временно позволяющие получить сверхприбыли и, следовательно, поставить конкурента в невыгодные условия. И тут все средства хороши, и инновации да улучшение продукции далеко не на первом месте. Конкуренция, как правило, есть скрытое насилие, выламывание рук — или наемным работникам, или покупателям, или другим производителям. Штука эта безжалостная и, как правило, нечестная. И увы, играть в эти жестокие игры вынуждены все бизнесмены — хорошие и плохие, православные и атеисты.

Я думаю, что читателю не нужно объяснять, что рынок, с его лозунгом успеха, обладает огромной воспитывающей силой, успешно формируя волков, «акул капитализма». Овцы же, хотя и появляются там вопреки этой силе, оказываются в значительном меньшинстве, и не могут быть в рыночном спектакле на первых ролях. И сколько ни обличай бизнесменов в их жестокосердии, сколько ни призывай покаяться, исправиться, — рыночная система в целом неисправима. Она будет и будет штамповать жестоких эгоистов, видящих только себя и свое. Думать, что она может нравственно преобразиться, стать белой и пушистой — самая настоящая утопия.

Но как же возникла эта кошмарная система? И вообще раньше, как пишет Шиманов, «рынки были, а капитализма не было. Как так?.. Получается, что рынок и капитализм не одно и то же?». Точно, не одно и то же. Но генетически вещи связанные. И, как нас учили в школе, тут произошел «переход количества в качество». Причем по всем законам диалектики — скачкообразно. Этот переход давно и подробно описан Карлом Поланьи, который и назвал его «великой трансформацией». И в самом деле, в Византии рынки были, но капитализма не было. Там ему закрывали дорогу и христианская идеология, и государственный характер экономики. В средневековой Европе все было несколько иначе. Сначала там образовались корпорации частных производителей — цеха. Однако в основном они работали на заказ, так что рынок не был основной формой реализации их изделий. Скачок произошел в результате развития техники (начиная со второй половины XVIII в.): прядильная машина, ткацкая машина,

паровая машина, позже — электромотор и дизель. Стало возможным массовое, промышленное производство изделий в столь больших количествах, что их стало выгодно выкидывать на свободный рынок — при удаче можно было получить несравненно большие прибыли, чем при работе на заказ. Фабрики в городах стали расти как грибы. Крестьяне, до этого работавшие на сельских мануфактурах, бросились в города. Образовался рынок рабочей силы. И вот тут-то и наступила точка перелома, после которой рынок стал тотально-глобальным. Если раньше население во многом жило натуральным хозяйством и ремесленными заказами, то теперь все и вся покупается на рынке, а деньги становятся эквивалентом жизни и смерти. Человечество вступило в эру нового социального строя — капитализма, или индустриального строя. Если раньше, в эпоху традиционного общества, мамона был силен (что и приводило в такое горестное удивление Златоуста), то теперь он становится властелином мира, подлинным божеством, которому — одни с восторгом, другие с проклятиями — поклоняются все.

Почему же мамона одержал столь впечатляющую победу? Да очень просто — он пустил в дело оружие огромной силы, так сказать, «атомную бомбу социологии» — частную собственность, которая оказалась наиболее эффективным способом приобретения личной собственности, в особенности денег (которые, как известно, конвертируются во все другие блага). Точнее, это оружие уже существовало, но мамона, оценив его мощь, сумел организовать его «массовое производство», что и предрешило победу.

В связи с этим необходимо коснуться одного не раз повторяемого Шимановым мнения. В своей статье он пишет: «капитализм был создан не ими (представителями среднего и мелкого капитала. — Н.С.), а мировым антихристианским и антинациональным банковским капиталом, разрушающим все традиционные человеческие ценности и превращающим жизнь человеческую в кошмарную ночь без рассвета».

Да, контролирующий банковскую сферу — контролирует и капиталистическое общество. Но тонкость в том, что без банковской надстройки капитализм как социальный строй совершенно невозможен. Кредит — социообразующий институт капитализма, поскольку он дает возможность заниматься бизнесом в принципе любому человеку, а не только априори богатому. Кредит капитализму нужен как воздух, и потому неудивительно, что занимающийся этим получает особенно большие прибыли. Тем более, если кредитование монополизирует узкая прослойка людей. Так что не банкиры

«создали» капитализм. Его создала неизбежная человеческая падшесть. Или, другими словами, капитализм придуман не людьми, а сатаной, который ныне в образе мамоны правит миром.

Правда, силы добра и справедливости попытались противопоставить ему свое оружие — общественную собственность, создавая на ее основе другой, альтернативный капитализму общественный строй — социализм. Однако грандиозная попытка реализации социализма в СССР, как все мы знаем, провалилась. И теперь наши мыслители ищут как причины гибели этой фактически новой цивилизации, так и пути построения такого социализма, который был бы устойчив к атакам мамоны. Упорно размышляет над этим и Шиманов — мыслитель все же социалистической ориентации. И тут мы подходим к самой интересной части его статьи — аргументам за частную собственность при социализме.

Шиманов считает, что средняя и мелкая частная собственность при социализме — как раз то, что надо. Если присмотреться к шимановским доводам, то их можно свести, по сути дела, к двум:

1) частная собственность дает возможность гораздо лучше учитывать запросы покупателей;

2) она позволяет нейтрализовать многочисленных врагов социализма, являясь для них отдушиной для своей собственной натуре.

В дальнейшем мы оба довода разберем. Но сначала зададимся вопросом, а совместимы ли оба экономических уклада: частнособственнический и основанный на общественной собственности?

Вопрос этот далеко не праздный, ибо уж очень подозрителен тот антагонизм, который наблюдается между этими двумя экономическими (мы пока рассматриваем вопрос в сугубо экономическом ракурсе) системами. Социализм, политически победивший в 1917 г., пытался (во времена нэпа) ужиться с капиталистическим укладом, но не смог, и с начала 30-х начал строительство настоящей, «сталинской» социалистической экономики. С другой стороны, после контрреволюции 1991 г. советский социализм был разорван в клочья и сейчас от него остались лишь одни воспоминания. Совместно существовать эти уклады не могут.

И неудивительно. До сих пор приходится доказывать, что экономика СССР была нерыночной. Людей пугает, что и тогда мы ходили в магазины, и тогда предприятия «закупали» сырье или оборудование. Однако это не был рынок в подлинном смысле этого слова. Рынок — это когда цены определя-

ются его конъюнктурой, игрой спроса и предложения. В СССР же цены были назначенные; их величина определялась трудозатратами и социальной политикой — многое было завышено, но наиболее важные товары и услуги массового спроса были нарочито занижены: транспорт, коммунальные услуги, продукты первой необходимости. Зарплата была занижена, но зато были общественные фонды потребления, откуда люди получали блага бесплатно: квартиры, участки, путевки и пр. Иначе говоря, экономика СССР была не рыночной, а «раздаточной» — за службу государству человек получал частично раздачей общественных фондов потребления, а частично зарплатой. В этом случае деньги играли роль талонов, на которые можно было взять, что требуется, по назначенной государством таксе («цене»). Критерием успешности предприятия было выполнение плана, причем Сталин дополнительно ввел «план по снижению себестоимости», что вынуждало предприятия активно внедрять инновации, и потому научно-технический прогресс стремительно шел вперед. «Раздаточность» советской экономики давно выяснена добросовестными экономистами.

Ясно, что рынок такой системе противопоказан и абсолютно с ней несовместим. Кому это все же не ясно, скажу только, что даже элементы «рыночности», которые ввели Хрущев с Косыгиным («хозрасчет и самоокупаемость») привели в конце концов к развалу советской экономики. А уж явное параллельное существование рыночного контура и планово-государственного приведет просто к коллапсу плановой экономики. Собственно, это, только в изощренно-ужесточенной форме, мы проходили в начале 90-х. Рынок и экономика типа советской — антиподы не только идеологически, но и экономически, и в истории не было случаев их совместного мирного существования в рамках одного государства. Так что такой способ введения частной собственности в социализм исключен.

Но вполне возможен другой способ — создания единой экономики на основе регулируемого государством рынка. В такой экономике все субъекты хозяйствования, и государственные и частные, играют по одним и тем же правилам — рыночным, но с определенными ограничениями. По такому пути пошел Китай, и, как видим, его успехи налицо. Многие считают китайскую экономику социалистической — на том основании, что правила игры устанавливаются государством, и оно, руководимое КПК, ведет политику в интересах Китая и его народа. Это и есть так называемый «социалистический рынок», который предлагают в качестве панацеи многие и

многие современные социалисты. Мы все это проходили гораздо раньше: нэп был как раз таким рынком. Однако точнее этот строй следует назвать государственным капитализмом (как это и делал Ленин) — ведь там все работают ради прибыли, рынок правит, но правила игры устанавливает (и потому снимает сливки) основной рыночный игрок — государство. Конечно, это лучше, чем неуправляемый, «либеральный» западный капитализм. Но в сущности это тот же строй, только с попыткой использовать «атомную энергию» предпринимательства в «мирных целях» национального развития.

Теперь спросим, какой же способ введения частной собственности предлагает Шиманов — первый или второй? Не ясно, ибо никакой конкретизации, никакого ясного экономического уклада он не предлагает; его рассуждения носят идеологический и отвлеченно моральный характер. Но и на них необходимо дать ответ.

Об «эффективности» частного предпринимательства много говорилось: оно быстрее реагирует на пожелания граждан, лучше удовлетворяет их спрос, и к тому же решает проблему управления большой и сложной экономикой. Но более внимательное рассмотрение заставляет во всем этом усомниться. И вот почему.

Начнем с последнего — проблемы «проклятия размерности» экономики большой страны, которой трудно управлять, задавая все цены и все производственные показатели. Экономика — система огромной сложности и непредставимым числом связей. Попробуйте их все задать, и, причем, разумно! Нужны целые армии чиновников, которые приобретают через это огромную власть. Так рассуждает Шиманов, и отчасти он прав. Наш реальный советский социализм показал и неповоротливость планирования, и всеисилие бюрократии. И тем не менее проблемы эти в рамках социалистической системы решаемые.

Диктат бюрократии устраняется контролем над ней. Каждый чиновник — лишь государственный служащий, и потому допустимы любые меры контроля. Вообще же, если социалистическое государство народное, то и контроль будет действительным, если же оно перестает таковым быть, то бюрократия и в самом деле всех задушит. Отметим, что советская система выработала меру весьма эффективную: контроль «по партийной линии», отслеживающую не только правовые нарушения, но и моральную нечистоплотность.

А что касается чисто системного «проклятия размерности», то тут, как видится, далеко не все возможности использованы. Бешеными темпами растет мощь вычислитель-

ной техники. Уже много лет стабильно выполняется «закон Мура» — скорость обработки данных удваивается каждые два года; темпы же роста ВВП растут всего на несколько процентов. Так что обсчет параметров плана можно производить с каждым годом все с большей частотой. Это значит, что планирование можно сделать более гибким.

А главное, планированием у нас в СССР занималось очень мало народа — люди были в основном инженерами, учеными, учителями, строителями, военными, а не «секретарями», «консультантами», «менеджерами», «брокерами», «маркетологами», «рекламными агентами», «бухгалтерами» и проч. Как раз сейчас количество «офисного планктона», занимающегося тенденциями изменения экономической конъюнктуры, выросло во много раз. Если бы столько было во времена СССР, то качество планов можно было сделать намного лучше. Однако мы сознательно шли по пути наращивания именно производительных профессий — это давало нам возможность выдерживать паритет с Западом при его явном превосходстве в людских и природных ресурсах.

Взглянем теперь на «эффективность» рыночной экономики. В чем прелесть рынка для обывателей? Ясно в чем — товаров море, выбирай, что душе угодно, были бы деньжата! Прежде всего, заметим, что целью предпринимателя всегда является получение прибыли, а не изготовление качественных и недорогих изделий. Да, хорошая продукция принесет предпринимателю прибыль. Но попробуйте ее сделать! В то же время есть множество гораздо более легких способов извлечения прибыли, от вполне легальных до откровенного криминала. О криминале не будем — просто заметим, что частная собственность всегда будет поддерживать криминальную составляющую бизнеса на высоком уровне. Нам будет достаточно и легальных способов.

Так, все знают о низкой цене, но и низком качестве китайских товаров. И тем не менее они завоевали мир и настолько вытеснили все остальное, что порой кажется, что, кроме «китайщины», сейчас и купить ничего нельзя. Однако на большинстве таких товаров стоит лейбл всемирно известного бренда. Это означает, что все мировые ТНК специально разрабатывают изделия под китайскую специфику: с виду как настоящие, но после месяца-двух эксплуатации, обязательно что-нибудь отломится, сгорит, перекосятся. Низкая же цена обусловлена феноменальной дешевизной рабочей силы в Китае, так что за прибыли западных бизнесменов можно не беспокоиться. Расчет же на то, что покупатель выберет эту вещь и купит новую — тем самым стимулирует про-

изводство. Где же тут учет пожеланий граждан? Наоборот, налицо впаривание некачественной продукции, плюс приучение к морально нездоровому принципу: «выбросить и купить новое». И, может быть, второе куда аморальнее первого.

И в самом деле, рынок (а он ориентирован на получение прибыли, и только на это) активно эксплуатирует падшую природу человека, коварно и незаметно его растлевая. Давно было замечено, что грех экономически выгоден, ибо человек своей нечистой душой тянется к пакости, быстро впитывает все гнусное, если таковое ему предлагается. Но «деньги не пахнут», в том числе и деньги за обслуживание греха. Иначе говоря, рынок неизбежно генерирует «экономику разврата». Сейчас мы в нее, как в солдатский сортир, погружены по уши. Она духовно губит всех — и нас, и детей наших, и мужчин, и женщин, и богатых, и бедных. Вот настоящая цена за услужливо предоставляемые нам рынком товары!

Шиманов, правда, говорит, что он за рынок при социализме, а это совсем другое дело: «В новом социалистическом обществе, если оно у нас будет, природа его членов будет светлеть. В том числе и природа частных предпринимателей. По мере их духовного взросления они будут видеть смысл своей деятельности все больше не в личном и семейном обогащении, а в служении Богу и своему народу своими делами и своими капиталами. И в этом будет высшая их выгода». Да, красиво. Только, как мы уже выяснили, рынок имеет свои законы, и потому если «природа частных предпринимателей» и может светлеть, то не благодаря рынку, а как раз вопреки ему. А потому надеяться на то, что произойдет просветление душ частных собственников, весьма наивно. Скорее наоборот, частный сектор потянет за собой в нравственную пропасть все общество (что сейчас и происходит). Как говаривал Гамлет, «скорей красота (порочная. — Н.С.) стащит порядочность в омут, нежели порядочность исправит красоту».

Мы подходим к самому главному. Шиманов утверждает, что без рынка и частной собственности социализм может быть только тоталитарным, насильственным. А значит — невозможным, поскольку, как он пишет: «Стремление человека к личной выгоде нельзя запретить, и советская практика великолепно подтвердила эту простую истину. Запретить нельзя, а ввести это стремление в рамки закона, в рамки нравственности и здравого смысла, можно и должно. Должно потому, что если не дать стремлению человека к личной выгоде законного выхода, то он будет искать и найдет выходы незаконные, разрушительные для общества и государства».

Представляется, что этот абзац — центральный в статье моего оппонента. В нем целая философия. Раз падшесть человеческую преодолеть нельзя, то с ней надо договориться, дать этой падшестьи отдушину, поле для своего проявления. Ошибка советского строя в том и заключалась, что он такой отдушины не давал и потому наживал себе великое множество врагов, что в конце концов и привело к его разрушению. Нет, говорит Шиманов, мы пойдем другим путем — дадим людям возможность проявлять свои эгоистические интересы, но в определенных рамках: в виде мелкого и среднего предпринимательства. Тогда и волки будут сыты, и овцы целы.

На мой взгляд, это панихида по социализму. Смысл социализма — в очищении души, в том, чтобы на социальном уровне направить человека по пути духовного совершенствования, ограничив его эгоистические стремления и наоборот — способствуя проявлению его альтруистических и коллективистских потенций. Можно сказать и иначе: смысл социализма — в изменении в лучшую сторону общего уровня падшестьи членов общества. По необходимости этот сдвиг вверх будет небольшим, ибо свободу противиться лучшему никто никогда отнять у человека не может. Но и небольшие, еле заметные статистически изменения имеют огромное значение, поскольку касаются целого, а значит — всех.

Но для этого изменения необходимо отсечение страстей — так учит православная аскетика. Думается, это верно не только для личности, но и для общества в целом. Общая собственность, разумеется, не решает всех социальных проблем. Но она ставит пвольне ощутимую преграду практике стяжательства, ориентирует человека на другие ценности. Частная же собственность, как мы выяснили, — прекрасный способ разжигания страсти стяжательства. В результате мы как раз обесцениваем то, ради чего весь социализм и затевается.

И уж конечно, в таком случае нечего и говорить о выполнении Россией своего метаисторического предназначения — реализации подлинно социального христианского государства. Эту мессианскую роль России ощущало даже старшее советское поколение, привыкшее мыслить социализм не иначе, как переходную стадию к коммунизму. Тут же об этом и речи нет. Частная собственность, рынок — это навсегда, и никакого восхождения к коммунизму не предполагается. Впрочем, как и восхождения России к своей русской идее — даже сама эта идея Шимановым не сформулирована, несмотря на вызов, заключенный в нарочитом названии моей статьи («Русская идея обязывает», «МГ», 2010, №9).

Повторяем, «социализм», предлагаемый Шимановым — вовсе не социализм. Это некая приземленная попытка конвергенции, гибрида социализма и капитализма, попытка хоть что-то сделать в социальной области, не меняя уровень падшести людей. Тут Шиманов-политик, считающий, что синица в руках лучше, чем журавль в небе, победил Шиманова-мыслителя. Ибо подлинная логика социального мышления парадоксальна: если не стремиться заполучить журавля, то и синицу упустим.

Так что же мы получили в результате проведенного анализа? Обсуждалось три варианта построения экономики социализма:

— социализм «китайского типа», когда экономическая деятельность и государственных и частных предприятий строится вокруг единого рынка. Еще раз подчеркнем, что это, по нашему мнению, не социализм, а вариант капитализма, где среди участников рынка государство доминирует;

— социализм «сталинского» толка, где нет частной собственности, а госпредприятия работают по государственному плану и обмениваются продукцией не по рыночным, а по спланированным ценам. Шиманову такой социализм не нравится из-за его тоталитарности.

— «двусферная» экономика, в которой государственная часть работает по плану, а частная продает свою продукцию на рынке. Такой вариант, по моему мнению, возможен только в умах теоретиков; реально он существовать не может. Да если бы и мог, то означал бы постоянное разделение общества, постоянное противостояние. Ни о какой «соборности», единства нации тут нельзя и мечтать;

Так что третий вариант отпадает и сравнению подлежат только первые два.

Да, конечно, принуждение — это плохо, лучше обойтись без него. Лучше, когда человек свободно и по любви жертвует частью своих интересов ради всего общества. Но та самая статистическая падшесть, о которой мы не раз упоминали, не дает этого достичь. А потому выбор неумолим: либо капитализм, и значит — в исторической перспективе сдача сатане всей социальной сферы; либо социализм, который многим будет тесен, с принципами которого многие будут не согласны, и потому определенное (но строго дозированное) принуждение неизбежно. Что мы, православные христиане, выберем?

До сих пор православие, ничтоже сумняшись, выбирало частнособственнический строй. И сейчас наши иерархи активно наводят мосты с нынешней олигархической властью,

стараясь ухватить для Церкви как можно больший кусок собственности. Нет, тут не стоит обвинять их в банальном сребролюбии. Просто собственность дает устойчивость, и они заботятся о выживаемости Церкви — этого корабля спасения — в социальном море, столь беспокойном и непредсказуемом. Церковь, говорят наши батюшки, будет всегда свидетельствовать о Христе, и уже дело человеческой свободы — выбрать сторону Христа или сторону противоположную, сторону сатаны. Так что, по любимому выражению церковных людей, «спастись можно при любом строе».

Но давайте посмотрим на вопрос более внимательно. Действительно, человеческая падшесть — вещь очень упорная, победить которую куда как непросто. Но в том-то и дело, что христианство, Церковь призвана тем не менее бороться с падшестью, преображать людей. И не привлекать социальные рычаги в этой грандиозной борьбе с сатаной было бы полным неразумием. Но мы, христиане, не просто игнорируем социум, а, как назло, сознательно выбираем капитализм, имеющий совершенно антихристианский характер. Это означает, что члены Церкви, если и будут спасаться, то вопреки губительно действующей на них социальной действительности. И, как результат, спасающихся будет «малое стадо». И если во времена Христа (и в первые века христианства) христиан действительно было немного, и это речение отражало численность Церкви, то уже в наше время, при громадном количестве крещеных людей, «малое стадо» спасающихся уже будет свидетельствовать о неверном социальном выборе церковной иерархии.

Выбор же должен быть противоположным — социалистическим. И, думается, именно его «советская практика великолепно подтвердила». Несмотря на несметные полчища врагов, советский социализм просуществовал 70 лет (если точнее, то с 1930 по 1990 г. — 60 лет) и добился колоссальных успехов, в основном в развитии материального производства. Правда, его успехи в формировании нового человека куда скромнее, и именно в этой области ему можно предъявить претензии. Поэтому социализм как экономическая система обязательно должен быть дополнен идеологией, способствующей росту духовности. Иначе говоря, выбор Церкви — православный социализм. Что это означает?

В самом деле, как пишет Шиманов, «стремление человека к личной выгоде нельзя запретить». Но, во-первых, можно указать на отрицательную моральную ценность этого стремления. Этим должна заниматься Церковь, объясняя, что христианская любовь состоит не в стяжании личной выгоды, а в

жертве себя и своих интересов ради других. И как это ни покажется странным, для многих это будет действенным. Ибо у нас аж 70% населения называют себя православными, а многие и в самом деле искренне стремятся быть настоящими христианами. Вот они бы не только крепко задумались, но и наивно покорились бы голосу матери-Церкви.

Но, разумеется, при господстве капитализма таких будет меньшинство. И тогда, уже во-вторых, и в самом деле надо, как пишет Шиманов, ввести это стремление «в рамки закона, в рамки нравственности и здравого смысла». Иначе говоря — создать мощное православное государство, задачей которого было бы выстраивание экономики подлинно социалистической, без частной собственности на средства производства. Ибо она — частная собственность — по сути дела, вне христианской нравственности, вне христианской любви, т.е. вне тех устоев, на которых держится русская цивилизация уже более тысячи лет. Разумеется, создание христианской государственности должно стать одним из главных приоритетов церковной социальной доктрины. Церковь должна желать этого и своим авторитетом продвигать эту концепцию. Тогда будет и результат. Пока же мы боимся пикнуть об этом: а вдруг сильные мира сего урежут нам ломоть от собственнического пирога?

В связи с христианским государством стоит коснуться одного частного, но смущающего многих вопроса.

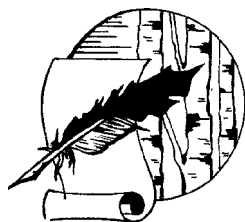
Ныне многие православные люди чают православного государства. Но видят его суть в монархии — мол, помазанник Божий тогда уже решит, как ему устраивать экономику. Взгляд, надо сказать, наивный.

Во-первых, суть государства не в форме правления, а в своем назначении: поддерживать, хранить и развивать определенный социальный строй, в нашем случае — строй христианского социализма. Форма правления, безусловно, важна, но, тем не менее, вторична. Так что по большому счету будет ли православное государство монархическим или каким иным — не столь существенно. Важно лишь, чтобы оно выполняло свои функции.

А во-вторых, никакая помазанность не гарантирует выполнения Божией воли. Ибо Господом каждому человеку дарована свобода, причем свобода подлинная — не свобода поступать как захочется (мы все подвержены телесным и социальным ограничениям), а свобода принять или отринуть дело Христово и правду Его. Простой пример: у нас огромное количество населения крещено, а значит — и приняло таинство миропомазания. Но следующие за Христом и выполня-

ющих Его заповеди куда как меньше: нынче большинство служит другому богу — мамоне. Вот и с миропомазанием на царство та же история, и несмотря на выполнявшийся в Византии обряд посвящения на царство, экономическая сфера империи всегда была далека от христианских идеалов.

Однако в практическом плане не исключено, что роль монархии может быть велика — сакральность монархической власти дает христианскому социализму дополнительный шанс: если к его построению призовет монарх, то для многих его слово будет весомее, чем просто решение правительства. И, кто знает, может быть, именно монархическая форма сыграет здесь свою положительную роль.

Анатолий АВРУТИН

КУТУЗОВ

Год сорок первый...
Битва под Москвой...
О, Господи, что делал бы Кутузов,
Будь он на немцев, а не на французов,
Сквозь годы призван Богом и судьбой?

Неужто б тоже, армию храня,
Он сдал Москву, «спаленную пожаром»?
Кто б слушать стал,
Что это все не даром?
Сказал бы вождь: «Вы предали меня!..»

А это значит — скорый трибунал...
Разжалован, а следом и расстрелян,
Он просто б послужил «высоким целям» —
Кто сдал Москву,
Берлина бы не взял...

Его б уже не помнили давно —
Что одноглаз, что стар, что эполеты...
«Бородино»? — так это все поэты...
Что в сорок первом то Бородино?

О сила слова!.. Лермонтов... Полна
История придуманных идиллий.
А люди помнят: «Мы их победили...»
В день поражения...
В день Бородина...

* * *

Да, мы такие... Нечего пенять.
Уходят божества, минуют сроки.

Но вновь: «Умом Россию не понять...»,
Но вновь: «Белеет парус одинокий...»

С какой бы скорбной думой на челе
Мы ни брели сквозь ужас и забвенье,
Опять: «Свеча горела на столе...»,
Опять: «Я помню чудное мгновенье...»

И сам, итожа в свой последний час
Короткий путь служения земного,
Прошепчешь, чуть дыша: «Я встретил Вас...»,
«Я встретил Вас...»
И больше ни полслова.

* * *

Ничтожный сын ничтожнейшего мира,
Как ты велик в ничтожности своей! —
Разрушил царство... Сотворил кумира,
На переправе поменял коней.

И ничего... Мир — мал, а ты — ничтожен,
Как год... Как сто... Как тыщу лет назад.
И путь иной все так же невозможен,
И так же ты ни в чем не виноват.

Безмерен миг, столетия мгновенны,
И никого не судят по делам.
Хоть вой... Хоть режь раздувшиеся вены,
Где кровь и страх смешались пополам.

О, дайте свет! Пусть тусклый, пусть неверный,
Тот, что едва маячит вдалеке.
Ведь и при нем заметно, сколько скверны
Вокруг... И лишь слезинка на щеке.

И в той слезинке — музыка и лира,
И вновь поникнув буйной головой,
Ничтожный сын ничтожнейшего мира
Опять превыше бездны роковой.

* * *

Не согрел кипятком,
Да и водкой уже не согреться,
Тепловозик угрюмый

в тупик мой вагон отволоку...

Что-то ноет в груди,
но не сердце, а около сердца,
Сердцу вроде не сроки...
Хоть, впрочем, а где этот срок?..
И в ладонную глубь
стылый лоб опуская знакомо,
Все спешу окунуться
в мелодию прожитых лет.
Вот я в детстве стою,
но не в доме, а около дома,
И над мамой мерцает
какой-то серебряный свет.
Там дерутся грачи...
Там ручьи распевают стозвонно,
Там нехоженных тропок
побольше, чем в свете сторон.
Но сегодня я здесь —
не в вагоне, а возле вагона,
И подножка на уровне сердца
взрезает перрон.
Все коварнее склон.
Позади — буераки да ямы,
И обида змеєю
вползает в сердечный сосуд...
Я останусь навек,
но не с мамой, а около мамы,
Там, где тихие сосны,
да Вечность,
да Праведный суд...

* * *

Стылый сумрак. Родина у дома
Бесприютно спит на сквозняке.
Мир изломан... Линия излома
Бьется синей жилкой на виске.

Тронешь за плечо — глаза откроет,
Бросит на тебя безумный взгляд.
И собака истоиво завоет,
И от страха дети закричат.

И опять такое бесприютство,
Что зрачки отталкивают свет,
Что без научений и напутствий
Только выюга шамкает вослед.

Только совесть к истине воздета,
Да порою чудится — вдали
Чей-то голос кличет Пересвета,
А в ответ: «Все наши полегли...»

* * *

От забытой сторожки до самого лобного места,
От безвестной криницы до вспененной гривы морской,
Там, где звон соловья так же ранит, как звон Благовеста,
А над росным покоем возносится Вечный покой;
Там, где зелень травы лиц измученных не зеленее,
А смиренные очи лампадами в Пасху горят,
Там, где чуешь топор над своею испуганной шеей
На вчерашней аллее, а пни оскопленные — в ряд;
Где бесцельная жизнь остается единственной целью,
И где с млеком впитали извечное «Горе уму»,
Где божились — купелью, суставы кромсали — куделью,
А наследство отцово вмещалось в худую суму, —
Непонятно откуда, являются тайные знаки:
Душу вынь да положь! — И положат... И дело с концом.
А хмельной замухрышка, извечно охочий до драки,
В миг единый трезвеет давно не трезвевшим лицом.
И тогда грозный час именуют: «Лихая година»...
Распахнув те ворота, что вымазал дегтем вчера,
Выдыхает шельмец:
«Ты дождись... И роди... Лучше — сына...»
А валторны рыдают, что парню в бессмертье пора...
Вот такая земля...
Вот такие юдоли-чертоги.
Чуть утихнет и снова извечное «Горе уму»...
Но на небо

отсюда

восходят угрюмые боги,
По-сыновьи даря в благодарность извечную тьму...

В ДВАДЦАТОМ СТОЛЕТИИ...

В двадцатом столетии... О, времена,
Когда не спешат предаваться итогу!.. —
В двадцатом столетье осталась страна,
Меня снарядившая в эту дорогу.
И первая елка, и первая боль
От первого «нет» тихой женщины Оли,

И сломанный, глухо звучащий бемоль,
И боль, заглушившая эти бемоли.
Всё там, где подходит к тебе медсестра,
И утро безрадостно пахнет карболкой.
А руки не могут уже без пера,
Как недруг не может без гадости колкой.
В двадцатом столетии... Речка течет.
В канаве, у мостика, квакают жабы.
Мустыгин сравнял наконец-таки счет,
И нам до свистка продержаться хотя бы...
А вечером Климова в роли Стюарт,
И ты, за два месяца взявший билеты,
Представить не можешь тот будущий март,
Когда к ней в гримерку придешь из газеты.
В двадцатом столетии... Горе уму,
Когда этот ум существует для горя,
Впотьмах приближая вселенскую тьму,
И вторя вселенскому ужасу, вторя...
Так дай же мне руку!.. Спокойней вдвоем
Под суетным, дерзостным небом Отчизны.
Мы вместе пришли сюда, вместе уйдем,
И в сердце ни горечи, ни укоризны.

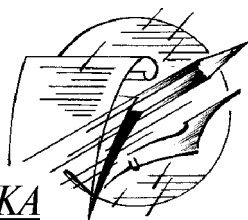
ОБЪЯТИЯ ДРАКОНА

«Программы сотрудничества двух стран до 2018 года» — документ, получивший одобрение президента России Дмитрия Медведева и председателя КНР Ху Цзиньтао в 2009 году. Документ любопытный: большая часть территории Российской Федерации с десятками месторождений золота, серебра, железа, угля, апатитов, полиметаллов фактически предоставляется Поднебесной в концессию.

Самим нам это богатство освоить, похоже, не под силу — ни денег, ни технологий, а главное, желающих этим заниматься что-то не видно. Олигархи уводят миллиарды на Запад, население убывает, инфраструктура дышит на ладан. Все готово к приему гостей, которые придут всерьез и надолго.

Хайтек грядет, но в Туанляо

Программа состоит из трех частей. Первая — транспорт, дороги и пропускные пункты. Будет сделано все, чтобы сотни тысяч, а может, и миллионы китайцев смогли удобно к нам перебраться. Построят новые ветки железных дорог, автомобильные трассы. Появится прямое авиасообщение по маршрутам «Петропавловск-Камчатский — Далянь», «Владивосток — Чанчунь», «Южно-Сахалинск — Пекин».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В поселке Забайкальск (сейчас там всего 11 тысяч жителей) намечено создать аэропорт. Из Хабаровска в Москву будут летать четыре самолета в день, а в Китай — десять. Намечено железнодорожное сообщение от города Даньдуна до нашего Уссурийска, от станции Хуньчун до села Зарубино. Откроются регулярные пассажирские автоперевозки от Харбина до Хабаровска, от нашего города Бикина до китайского Жаохэ. Реализацией этих проектов будут заниматься главным образом китайцы. Цель — «увеличение объема перевозок китайской стороной», об этом прямо говорится в документе.

Вторая часть программы — туризм, гуманитарная сфера, экология и создание совместных научно-технических «парков». Тут интересен пункт о «сотрудничестве в сфере трудовой деятельности». Сказано о статусе временно проживающих с обеих сторон, но понятно, что с китайской стороны таких «временных» будет во много раз больше, чем с нашей. Уже сейчас китайцев в России, по оценкам экспертов, около трех миллионов, а русских в Китае — менее ста тысяч.

Самая главная — третья часть, список ключевых проектов между восточными регионами двух государств. На территории КНР при нашей поддержке будут созданы более 100 крупных предприятий, в том числе с использованием высоких технологий. Например, в провинции Цзилинь намечены завод по производству автомобилей с гибридным электробензиновым двигателем, изготовление лазерных устройств и батарей солнечных элементов, строительство аэробного биологического реактора. В провинции Хэйлуцзян Россия поможет в строительстве комбината по производству фосфорных удобрений и создании Всемирного торгового центра. В городе Чифэн будут перерабатывать добытые у нас сплавы цинка, свинца и олова. В городе Туанляо займутся глубокой переработкой нашей меди. В чем будет выражаться наше участие в этих проектах? Прежде всего Россия станет источником сырья для китайских предприятий. Кроме того, от нас в КНР направляются квалифицированные специалисты. Характерно, что в городе Даляне (бывший город Дальний, построенный русскими в конце XIX века) будет создан Российско-китайский центр по биологическим исследованиям и геномной инженерии. «Китайский пылесос» вытянет из нас то, что ему нужно, — «мозги» и ресурсы.

Это не распродажа. Это ликвидация

А чем китайцы займутся на территории России? Львиную долю их планов составляют сырьевые проекты: освоение и добыча.

Вот некоторые пункты программы: освоение Березовского железорудного месторождения, освоение Быстринского золото-медного месторождения, освоение Бугдаинского молибденового месторождения, освоение Култуминского золото-медного месторождения, освоение Евгеньевского месторождения апатитов, освоение Куликовского месторождения цеолитов, строительство комбината на золоторудном месторождении Кутын в Хабаровском крае.

Прибавим к этому грандиозные планы поставки в КНР нашего газа, угля и нефти, и станет очевидно, что мы и вправду спешим стать для восточного соседа основной ресурсной базой.

Десятки месторождений будут отданы для освоения китайским предприятиям без всяких конкурсных процедур. Почему бы не провести тендеры, не привлечь к ним российский, японский, европейский бизнес?

Население в наших восточных регионах убывает, рождаемость здесь низкая, миграция отрицательная. В 90-х годах число местных уменьшилось на 1,2 млн. человек. Весь российский Дальний Восток сегодня — это всего 6 млн. россиян на колоссальной площади в 6,2 млн. квадратных километра (более трети всей страны). То же самое в Восточной Сибири (еще четверть России).

Александр Храмчихин, заведующий отделом Института политического и военного анализа пишет: «Китайцы уже не уйдут, они совершенно легально поглотят Восточную Сибирь и Дальний Восток, полностью привязав к себе экономически и колонизировав демографически. Отыграть ситуацию назад будет невозможно уже никакими способами. Политическая и экономическая элита этих регионов будет на 100% скуплена Китаем и станет обслуживать его интересы. Китайцев в этих регионах станет больше, чем россиян. После этого юридическое оформление принадлежности Восточной Сибири и Дальнего Востока КНР станет чистой формальностью, не имеющей даже особого значения».

Плюсы и минусы совместного владения

В брежневские времена пуще опасались американцев. Пока мы мыслили в привычных «оборонных» категориях и вкладывали огромные средства в военную промышленность и БАМ, китайцы занимались внутренним развитием. Без путча, распадов и революций. Для нас приоритетом была идеология, для них — экономика.

Ныне в КНР идет «11-я пятилетка». Правящая компартия — не помеха капитализму: миллиардеров там больше,

чем в России. Бедняки тоже есть, но все меньше: в 1980 году их доля в населении КНР составляла 85%, сейчас — 35%. ВВП Китая в 13 раз больше российского. Экспорт промышленной продукции — в 20 раз больше нашего. Золотовалютные резервы — более двух триллионов долларов. 60% промышленного производства приходится на долю малого и среднего бизнеса (у нас вдвое меньше). За 30 лет из отсталой аграрной страны Китаю удалось стать третьей по величине экономикой (после США и Японии).

Однако в последние годы в КНР все более ощущается дефицит ресурсов. Тысячи новых перерабатывающих предприятий требуют огромного количества топлива и энергии: из экспортера энергоносителей Китай превратился в крупнейшего импортера (одной только нефти покупает 180 млн. тонн в год). Китайский бизнес самым активным образом действует в Африке и Латинской Америке. Но соседняя Россия с ее огромными запасами углеводородов — куда более перспективный вариант.

В КНР довольно откровенно говорят о расширении «жизненного пространства». Суть концепции такова: установленные рубежи государства — не абсолют, а пределы, в которых страна может эффективно защищать свои интересы. По мере роста «комплексной мощи государства» его жизненное пространство должно расширяться. Что вовсе не означает военную агрессию. «Китайская стратегия — это просачивание, — говорит экономист и политолог Михаил Делягин. — Для китайцев Китай — это не территория, это места, где живут китайцы».

Если следовать этой логике, то получается, что наш Дальний Восток и Сибирь в случае активного экономического освоения со стороны КНР и притока туда восточных гостей автоматически попадают в сферу китайского жизненного пространства. Юридически это будут по-прежнему российские территории, но фактически Москва будет владеть ими лишь частично.

«Наиболее вероятно превращение Дальнего Востока в кондоминиум Москвы и Пекина», — полагает политолог Александр Кустарев. На первый взгляд, это компромиссный вариант: мы не отдали свою землю, но с выгодой для себя, по добромуду, делимся ее ресурсами с соседями. Каждая из сторон будет иметь в этом регионе свою «долю». Москва — собирать налоги, китайцы получать прибыль. Тонкость в том, что при таком совместном владении китайцы будут защищать свои интересы всеми доступными средствами вплоть до военных. А их Народно-освободительная армия крепнет год от года.

А что у вас, господа, в рюкзаках?

Самое обидное не то, что мы делимся ресурсами. И даже не то, что, вероятно, придется делиться территорией. Самое обидное — что у России есть достаточно возможностей для самостоятельного освоения Дальнего Востока.

Капитала в России в расчете на душу населения больше, чем в КНР. Вывезенных из РФ в офшоры дивидендов (по оценке профессора Кричевского, около двух триллионов долларов!) с лихвой хватило бы, чтобы реализовать не сотню, а тысячу крупных инвестиционных проектов. Свободные рабочие руки есть не только в Китае, но и в Поволжье, в центральных областях, не говоря уже о наших кавказских республиках, где большая часть трудоспособного населения получает из федеральной казны пособия по безработице. Власть могла бы диверсифицировать иностранное присутствие в регионе, выбирать лучших, на самых выгодных условиях, привлечь к обсуждению каждого проекта местное население. И в первую очередь создать условия для работы самих россиян. Но в том-то и проблема, что этот нынешний государственный аппарат — пресловутая «вертикаль» — на такое не способен.

Власти фактически поощряют безработных к тому, чтобы никуда не уезжать: ищут для них альтернативные варианты, выплачивают изрядные пособия. А вот Дальний Восток становится все более безлюдным — там закрепить наших граждан не получается. Приоритет отдан гостям, льготы и казенные кредиты пойдут на реализацию совместных проектов с гражданами КНР. Парадокс: ближе к Москве мы имеем избыток трудовых рук, а на окраинах державы — пустующие земли, которые будут передаваться для освоения соседям.

Почему государство не в состоянии стимулировать комплексное развитие своей территории за счет внутренних ресурсов? Вероятно, по той же причине, по которой в период кризиса у нас сокращается строительство дорог. Во всем мире растет, а у нас сокращается. Потому что во всем мире дороги — это выгодное вложение бюджетных средств в обеспечение занятости, а у нас — источник воровства. По той же причине, по которой у нас не развивается малый бизнес. Во всем мире это источник занятости и умножения национального богатства, а у нас — дойная корова для чиновников и инспектирующих органов.

«Государство неэффективно» — так объясняет беспомощность 2 млн. российских чиновников экономист Евгений Гонтмахер. Количество госслужащих, увы, не переходит в

качество: когда большая часть альпинистов думает не о вершине, а о том, как пополнить содержимое своих рюкзаков, подъем невозможен.

И тут экономические проблемы поневоле упираются в политику: как изменить государственный аппарат? Может, нам нужна сильная рука, беспощадные чистки и новое подобие ГУЛАГа? Не зря же так популярен среди части россиян стал сегодня образ Сталина, которого называют «эффективным менеджером» (дескать, людей стрелял, но и земли умножал). То есть опять назад, к тотальной мобилизации и превращению страны в единый трудовой лагерь?

Нет, конечно. Мировой опыт показывает, что существует единственный нормальный путь развития: сделать власть в стране открытой и демократичной, подконтрольной и сменяемой. Обычное возражение на это: Россия не Запад, не Европа. Она — Евразия, с ударением на «а», т. е. почти что Азия. А в Азии якобы особый менталитет: здесь общество патриархально и пассивно, оно похоже на стадо, которому необходим один верховный пастырь на многие десятилетия.

И тут для нас чрезвычайно интересен опыт ближайшего восточного соседа — Монголии. Географически это полная Азия вне всяких сомнений. Народ в юртах, славят Чингисхана. Но — удивительное дело! — именно там за последние десятилетия научились жить в условиях реальной демократии и политической конкуренции, что не замедлило сказаться на состоянии экономики.

Монгольский вариант

По своим «параметрам» эта страна вроде бы обречена на унижительную зависимость: крайне малонаселенная (всех жителей — менее 3 млн. человек), с огромной территорией (как три Испании), зажата с севера Россией, с юга — Китаем. Климат суровый, растить зерно здесь трудно, своей нефти нет, 80% потребительских товаров приходится импортировать: от бензина до лекарств, от муки до компьютеров.

В советские времена Монголию называли шестнадцатой республикой. Ее экономику действительно во многом определяла Москва. После распада Союза в Кремле о братском народе забыли. Казалось бы, у страны не было особых шансов сохранить реальный суверенитет. Брошенная на произвол судьбы, отсталая Монголия могла перейти под крыло быстро растущего Китая, который давно имел на нее виды и даже предпринимал дипломатические усилия, чтобы «вернуть» ее себе (до 1911 года Монголия входила в состав Поднебесной в результате маньчжурского завоевания).

Однако Монголии не только удалось сохранить независимость, но и создать эффективные политические механизмы, которые за последние годы сделали народ богаче. Там действует сильный, независимый парламент. В 1991 году был принят закон о приватизации. Всем гражданам выдали инвестиционные купоны, но, в отличие от наших ваучеров, они оказались более эффективны: владельцы купонов получили свою долю акций по итогам аукционов, на которых продавалась бывшая общенародная собственность.

Власть в стране не стянута в одну бесконтрольную вертикаль, а рассредоточена таким образом, чтобы государственные институты могли контролировать друг друга. На выборах (не декоративных, а реальных) там борются две главные политические силы — Народно-революционная партия и Демократическая. Ни одна партия не имеет решающего перевеса.

Правительство формируется не единолично президентом, а с учетом голосов, поданных за ту или иную партию. До 2008 года две партии обладали в Великом хурале примерно равным числом голосов.

В 2008 году состоялись выборы, на которых решающий перевес получила Народно-революционная партия. Возникла реальная угроза монополизации власти. Были серьезные основания подозревать чиновников в фальсификации. И народ не стерпел обмана: в Улан-Баторе произошли массовые беспорядки. После этого левые пошли на существенные уступки: их оппоненты, демократы, получили в правительстве почти половину мест.

А в мае этого года в Монголии случилось событие, которое некоторое наши публицисты поспешили назвать «оранжевой революцией»: на президентских выборах большинство граждан проголосовали за демократа Цахиагийн Элбэгдоржа.

Смена власти в результате свободных выборов — это норма политической жизни, признак здоровой государственной системы. В России официальная пресса воспринимает это как «революцию», а любой либеральный лидер тут же оказывается под подозрением как «ставленник США». В реальности за Элбэгдоржа голосовали не потому, что он «любит» Запад, а потому, что он предложил народу более привлекательную модель развития — максимально открытую, направленную исключительно на благо большинства граждан.

Рыба ищет, где глубже, а капитал — где надежней

В Монголии есть два крупных и привлекательных для иностранного капитала месторождения: медно-золотое Ою Тол-

гой и угольное Таван Толгой. Уже шесть лет в стране идет всенародное обсуждение: какой инвестор более выгоден. Недавно определились с Ою Толгоем — его передают альянсу канадской и австралийской компаний. При этом 34-процентная доля в предприятии остается за государством. Инвесторы обязались вложить десятки миллиардов долларов в развитие местной инфраструктуры: строительство дорог, жилья, коммуникаций.

Там, где будут вестись разработки, возникнут новые города. Никакого сырья и полуфабрикатов из страны вывозиться не будет — только готовая продукция после глубокой переработки. Наплыва приезжих тоже не ожидается: иностранными на предприятии станут только специалисты и часть менеджеров. Почти весь персонал составят местные жители. Вообще Монголия тщательно оберегает себя от демографического «растворения». Местный закон жестко ограничивает приток мигрантов: не более 1% населения в год, сегодня это около 30 тысяч человек. Девять тысяч «мест» в этой квоте приходится на Китай, столько же — на Россию.

Условия для ведения бизнеса в Монголии считаются намного более благоприятными, чем в России. Мы по этому показателю на 103-м месте в мире, Монголия — на 69-м. Желаящие участвовать в местных тендерах стоят в очереди. Стыдно сказать, но в Монголию вкладывают свои капиталы и сотни российских предпринимателей. Не на любимой Родине, а там. Почему? Дело не в отсутствии патриотизма. В Монголии, в отличие от нас, существуют единые и прозрачные правила игры для бизнеса, там нет такой коррупции, зато есть независимый суд и независимая пресса, которая «бдит» за властью любого уровня.

Опасения, что новый президент отвернется от России в сторону Запада, оказались напрасными. Премьер-министром Монголии недавно был назначен выпускник МГИМО и Московской дипломатической академии. Впрочем, это не значит, что правительство будет вести игру в одни ворота: монголы умело маневрируют между «большими странами», получая для себя максимум преимуществ.

Желая получить для разработки Таван Толгой, Россия сегодня готова строить туда железную дорогу. На эти цели руководство РЖД попросило у правительства РФ 1,5 млрд. долл. «Этот проект позволит исключить зависимость Монголии от экспорта непереработанного сырья», — объясняет советник президента РЖД Виталий Морозов. Любопытно получается: из России большая доля сырья вывозится без всякой переработки, и с этим все смирились, а об интересах Монголии мы заботимся.

Глава РЖД Владимир Якунин готов развивать Улан-Баторскую железную дорогу, на это понадобится 6 млрд. долл. «Цель нашего сотрудничества — создание промышленных центров на территории Монголии с размещением здесь перерабатывающих производств», — говорит он. Разве не удивительно? В Монголии Россия потратит миллиарды на освоение и переработку, а на свою территорию для освоения и переработки запустит китайцев...

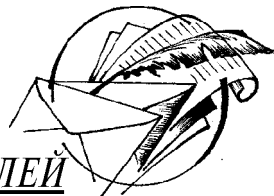
Власти говорят нам о «суверенной демократии», но дело идет к тому, что страна постепенно утрачивает суверенитет. Пример соседей для нас — наука, которой мы упорно не желаем учиться. Расплачиваться за это придется дорого.

ТЕАТР АБСУРДА, ИЛИ РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

В октябре 2010 года прошла перепись населения РФ. В этих целях Росстатом 27 января прошлого года был издан приказ №74, которым были утверждены перечни возможных ответов граждан по вопросам их национальной принадлежности и владения языками. Перечни можно увидеть на сайте «Всероссийская перепись населения 2010». По сообщениям СМИ, работы по составлению данных документов проводил московский Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, директор — действительный член РАН академик Валерий Тишков.

Институт является ведущим российским учреждением в области этнологии и антропологии. Вроде бы там должны работать опытные специалисты. Но если вчитаться в составленные ими «перечни», начинаешь хвататься за голову: то ли в моей голове чего-то не хватает, то ли...

Возьмем приложение №1, по которому определяется национальность. Здесь 1840 порядковых номеров, под которыми значатся разные национальности. Каждой национальности соответствует свой код. Хотя кодов, т. е. национальностей, меньше — около 1750 (к чему подобная путаница?). Ознакомившись с содержанием этого документа, понимаешь, что

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

полученные знания в школе и вузе меркнут по сравнению с суперсовременными знаниями авангардистов этноантропологической мысли.

Представленная национальная палитра поражает воображение. Здесь «затундренные крестьяне», «удмурты слободские», «крещеные» (код 222), «крещены» (820), «крещенцы» (232), «староверы» (264), «мамоны», «фараоны». Кроме «папуасов» и народа «хули» появились, видимо, их потомки — «папуасы хули», очень актуальный для России народ. Кроме «украинцев», есть «хохлы».

Есть доселе неизвестные науке национальности — «гражданин земли» (452), «гражданин мира» (453), «жители вселенной», «земляне», «иностранцы», «советские», «интернационалисты», «космополиты», «мулаты», «метисы», «полукровки». Разнообразен перечень афронациональностей — «афро», «афроамериканец» (как же без них в России?), «афроросиянин». Есть 9 национальностей болгар. К примеру, волжские и волжские. Работая не щадя собственных сил, сотрудники Института нашли разницу между ними. Так же, как определили различия между народами «бангладешы» (441) и «бангладешцы» (569).

Есть «беларусы» (80) и «белорусы» (11). Вводится разнообразие среди русских — «руснаки» (1466), «русняки» (1467), «русские» (2), «русские казаки» (186), «русские немцы» (137), «русские поморы» (190), «русскоустыинцы» (328), «русскоустыинцы» (908), «ведороссы» (741), «ведо-россы» (740), «ведруссы» (742), «великороссы» (180), «кацапы» (1163), просто «витебские» (1202). Адыгейский народ разбит на 13 национальностей, марийцы на 10 — «мари», «марийцы луговые», «марийцы лесные», «марийцы горные» и т.п. Литовцы представлены 7 составляющими.

Перейдем к приложению-перечню №2 — о владении языками. Здесь 855 порядковых номеров для различных языков. Каждый язык имеет свой код, кодов всего 770 (?). На разных языках, оказывается, говорят татары. Существуют, по мнению работников Института, «крымскотатарский» (146), «крымско-татарский» (147), «сибироско-татарский» (413), «сибирско-татарский» (415), «татарско-юртовский» (174), языки «татар юртовских» (173), «юртовских татар» (176), «сибирских татар» (414). Список можно продолжить. Многочисленные марийцы имеют — «горномарийский» (90), «горный марийский» (107), «марийский горный» (108) и еще несколько языков.

А для «белорусов» и «беларусов» предусмотрен только один язык — «белорусский» (13), для обильной палитры болгар и

литовцев тоже по одному — «болгарский» (95) и «литовский» (84). Дискриминация какая-то.

На неизвестных до настоящего времени языках говорят жители Люксембурга — «люксембургском» (691) и «люксембургском» (692). Ученые-первопроходцы нашли, видимо, таких и в России. Не обошли граждан России, для которых родными являются «малазийский» (635) и «малайзийский» (634) языки. Ученые пришли к выводу, что одинаковыми оказались «таджико-еврейский» и «таджикско-еврейский» языки, имеющие разные порядковые номера, но одинаковый код — 299. Правда есть еще язык «таджикский» (44). Нашлось место языку «российскому» (198).

Уникальность разработки подтверждает выявление около 15 языков жестов: «язык жестовый», «язык пальцевый глухих», «язык пальцевый глухонемых», «язык русский глухих», «язык российский жестовый» и т. п.

Не буду более утомлять читателя поразительными подробностями, противоречащими здравому смыслу. Редко встретить что-либо подобное. А ведь эти разработки проводятся представителями науки на деньги налогоплательщиков, т. е. на наши деньги. Внедряются они никак не в национальных интересах, а в чьих-то сомнительных и групповых. И нужна ли нам такая наука?

Полагаю, что определенные силы не устраивали итоги переписи населения 2002 года, по которым государствообразующая нация — русские (великорусы, белорусы, малорусы) составляют 85% населения страны. Только русских-великорусов 80%. Вот и решили раздробить, чтобы сделать Россию более похожей на многонациональное государство. А заодно раздробили и иные национальности — литовцев, марийцев и других. Принцип «разделяй и властвуй» во всей красе.

Согласно международной практике моноэтническим (национальным) государством считается государство, 2/3 или более населения которого принадлежит к одному этносу. О чем, кстати, в своих выступлениях говорил президент неправительственной организации «Дом свободы» (основана в 1941 году) со штаб-квартирой в Вашингтоне Эдриан Каратницки. Таким образом Россия — моноэтническое государство. Это надо твердо уяснить. Несмотря на то, что в нашей стране проживают люди многих национальностей. И живут ведь не хуже нас.

На новую перепись угроханы огромные средства, так нужные для реализации социальных программ. Проведение переписей с интервалом в 8 лет не оправдано какими-либо общественными и экономическими нуждами.

И все же хочется надеяться, что, несмотря на абсурдность «регламентирующих» документов этого мероприятия, большинство русских людей в графе «национальность» поставили слово «русский».

БОРЦЫ С АНТИСЕМИТИЗМОМ...

23 апреля 2010 года правительство Санкт-Петербурга приняло постановление №427 «Об установке мемориальной доски Г.В. Романову» на фасаде дома №1/5 по улице Куйбышева со следующим текстом: «В этом доме с 1972 по 1984 год жил первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Григорий Васильевич Романов».

Напомню, Григорий Романов был первым секретарем Ленинградского обкома КПСС в 1970—1983 годах. С 1973 года кандидат в члены Политбюро, в 1976—1987 годах член Политбюро, секретарь ЦК КПСС — в 1983—1985 годы. Г.В. Романов участник Великой Отечественной войны, практически вся его трудовая деятельность связана с Ленинградом.

Вскоре после принятия правительством Петербурга постановления №427 в прессе появились некие обращения к руководству города, высокопарно названные обращениями петербуржцев. Одно из них озвучило бюро петербургского «Яблока». В нем говорится: «Григорий Романов — человек, имя которого связано с мрачными и гнетущими страницами в истории Ленинграда. Он уничтожал и травил деятелей культуры, изгнал из города Сергея Юрского и Аркадия Райкина, Иосифа Бродского и Сергея Довлатова, преследовал Георгия Товстоногова. Он подавлял любое свободомыслие и отличался патологическим антисемитизмом... Бюро Санкт-Петербургского отделения партии «Яблоко» требует немедленно отменить позорное постановление об увековечении памяти Романова».

Но борцам с антисемитизмом не стоит забывать, что по переписи 2002 года 90% жителей Санкт-Петербурга — русские (великорусы, малорусы, белорусы). Среди деятелей культуры русских тоже немало. И, думаю, надо бороться не только с антисемитизмом, но и с антирусизмом, с ущемлением достоинства людей всех национальностей. Конституция РФ, ст. 19, гарантирует равенство прав всех граждан России. Отдавая предпочтение какой-либо нации или группе лиц, «яблочники» нарушают основополагающие конституционные нормы. Дискриминация у нас запрещена и преследуется по закону.

Но давайте вспомним, как же «травил» и «изгонял» Г.В. Романов вышеназванных деятелей культуры. Всем известно, что без ведома руководства обкома не происходило ни одно награждение известного человека. В 1971 году Аркадий Райкин награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1980 году удостоен Ленинской премии, в 1981 году ему присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина. И только в 1982 году руководимый Райкиным Театр эстрады и миниатюр (в котором он худрук с 1942 (!) года) переезжает из Ленинграда в Москву. В 1985 награждается орденом Отечественной войны 1 степени. (Здесь и далее сведения взяты из справочников и Интернета.)

Георгий Товстоногов — бессменный главный режиссер Большого драматического театра им. Горького (БДТ) с 1956 года. Награжден в 1973 году орденом Ленина, в 1978 году вручена Государственная премия, в 1983 году стал Героем Социалистического Труда с вручением ордена Ленина. Во «времена» Романова был депутатом Верховного Совета СССР 7—8 созывов.

Сергей Юрский — артист БДТ с 1957 по 1978 год, с 1968 года — заслуженный артист РСФСР. В 1970—1978 годах сыграл множество ролей в театре, в качестве режиссера-постановщика поставил в БДТ спектакли «Кабала святош» М.Булгакова и «Фантазии Фарятьева» А. Соколовой, снялся в десятке кинофильмов. С 1978 года работал в московском театре им. Моссовета в качестве актера, затем режиссера. А.Г.В. Романов в 1983—1985 годах — секретарь ЦК КПСС, заседает в московском Кремле. О каких гонениях идет речь?!

Отменить постановление правительства Санкт-Петербурга потребовали и другие «глубоко оскорбленные петербуржцы», среди которых народный артист СССР Олег Басилашвили, кинорежиссер Алексей Герман, писатель Борис Стругацкий, поэт Александр Кушнер и другие, всего 30 подписантов. «Мы хорошо помним первого секретаря обкома КПСС Григория Романова — человека, душившего культуру, науку, искусство и свободу, ненавидевшего интеллигенцию, изгонявшего из города артистов, поэтов и художников и сделавшего все, чтобы превратить Ленинград в «великий город с областной судьбой», — говорится в обращении.

Как «душил» Романов деятелей культуры следует из биографии самих подписантов. Олег Басилашвили в 1977 году становится народным артистом РСФСР, в 1979-м награждается орденом Трудового Красного Знамени, в 1984-м получает звание народного артиста СССР. Работая в БДТ с 1959 года, О.Басилашвили в период 1970—1983 годов сыграл мно-

жество ролей в театре, снялся более чем в 20 кинокартинах.

Алексей Герман с 1964 года режиссер-постановщик киностудии «Ленфильм». Была такая киностудия в годы правления «свирепого» Романова, активно работала, фильмы выпускала. Да еще какие. Только что-то не слышно стало о ней в годы «развитой» демократии, о которой так пекутся «оскорбленные петербуржцы». И сам А.Герман как режиссер создал в 1970-е — начале 1980-х годов не один фильм, да еще снялся в ряде кинокартин в качестве артиста. А в 1985-м стал секретарем Союза кинематографистов СССР.

Борис Стругацкий с 1972 года — руководитель Ленинградского семинара молодых писателей-фантастов. В 1970-е — первой половине 1980-х годов было опубликовано около десятка произведений Аркадия и Бориса Стругацких (их отец Натан Залманович Стругацкий искусствовед и партийный деятель, член РКП (б) с 1916 года, участник Гражданской войны). Именем Стругацких названа малая планета №3054, открытая в 1977 году. В 1979—1982 годах в кинотеатрах появились экранизации их произведений «Отель «У погибшего альпиниста», «Сталкер», «Чародеи».

Перечень внимания ленинградской и советской власти в целом к деятелям культуры, чей творческий путь приходится на 1970—1980-е годы, можно продолжить. Но ясно одно, что борцы с антисемитизмом явно передергивают факты. Делается это, думаю, в угоду чьим-то сомнительным интересам.

Я не идеализирую Григория Васильевича. Но в годы его правления реставрировались, восстанавливались театры и музеи. К примеру, Меншиковский дворец как музей стал функционировать в 1981 году. В Ленинграде и области активно работали Дворцы и Дома культуры со множеством творческих секций для детей, юношей и взрослых. Существовали творческие коллективы в вузах, на предприятиях. Не было, правда, гей-парадов и клубов секс-меньшинств, о правах которых так пекутся современные демократы.

Чем «оскорбленным петербуржцам» не угодил Г.В. Романов? Может быть, тем, что был русским? Или тем, что поднимал материальное и духовное благосостояние не только кучки избранных, а всего добропорядочного населения Ленинграда? Для чего этим «избранным» очернять наше прошлое? И не является ли все сказанное поводом для вмешательства Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России?

КАВКАЗСКАЯ ПОВЕСТЬ ИГОРЯ БОЙКОВА

Тема чеченской войны стала фактом нашей литературы. В этой теме работает сегодня немало авторов, и критики либерального направления давно уже шумно возмущаются по поводу «ура-патриотического читива», «жесткости на продажу» и «насаждения ксенофобии». Характерно, что пусковым механизмом для таких публикаций, послужила статья американской исследовательницы Анны Бродски «Чеченская война в зеркале современной российской литературы». В ней в жестокости обвиняются, конечно же, русские солдаты, а что касается чеченских боевиков, то, по словам жительницы далекого штата Вирджиния, их поступки наши литераторы описывают «в основном языке мифов, заимствованным из антисемитского дискурса». Ненавидящие боевиков суть антисемиты — такова квинтэссенция заокеанского инструктажа, которому тут же была дана «зеленая улица» в наших СМИ, на него стали ссылаться как на самый авторитетный источник.

И вот вышла в журнале «Молодая гвардия» повесть Игоря Бойкова «Закованные в цепи» — о людях, попавших в чеченский зиндан. И Евгения Щеглова в журнале «Континент» морщит носик: мол, раньше

КРУГ ЧТЕНИЯ

нехорошие планы в отношении России вынашивали сионисты, а теперь вот ее губят чеченцы — разве это не антисемитизм? Впрочем, Бог ей судья. Странно только, что повесть «Закованные в цепи» пока не замечена серьезными нашими критиками, а между тем она — явление современной литературы.

Произведение Игоря Бойкова развивает традиционную тему, которую начал еще Пушкин, продолжили Лермонтов и Толстой — тему кавказских пленников. Сила повести Бойкова в ее потрясающей убедительности, за которой стоят не логические конструкции, не размышления сочинителя, а прошедший через сердце жизненный опыт. Русский в третьем поколении, живущий в Дагестане, Игорь Бойков знает, о чем пишет. Пишет талантливо с такой степенью достоверности, что, кажется, его самого контузило в бою, что это он попал в чеченский плен, был продан в рабство, терпел издевательства и зверские побои, ни на минуту не переставая думать о побеге, готовился к нему и внушал товарищам по несчастью, оказавшимся в зиндане чеченца, веру в возможность освобождения.

События повести представлены настолько зримо, будто перед читателем не книжная страница, а киноэкран, на котором глазами героя повести, солдата Станислава, он до мельчайших деталей видит происходящее: «Но вот опять мелькает чернородая голова в вязаной шапке, затем из-за каменного выступа начинает выползать, нацеливаясь в его сторону черным круглым нутром, труба «Мухи». Сейчас боевик выстрелит, и граната разорвет Станислава в клочья. Почти машинально солдат прицеливается. Руки движутся ужасно медленно. Лениво. Он словно видит себя со стороны в замедленной съемке. Чеченец опять высовывается из-за выступа, и его голова теперь идеально ложится на мушку. Он «Муху» сжимает обеими руками, оперев на правое плечо. Палец чеченца ложится на спуск. Но Станислав успевает выстрелить первым. Бьет короткая очередь. Приклад резко отдает в натертое плечо. Из головы чеченца вырываются красные брызги. Он неловко взмахивает руками и валится на спину. Его тело кувыркается по склону горы сотню метров, пока не застревает в кустах»...

Но в том бою Станислав получает контузию и попадает в плен. Вот некоторые «кадры» его побега из плена:

«Как только поднялась стрельба, Станислав сразу же стал отползать по диагонали, пробираясь при этом ближе к воде. Когда до нее осталось метра четыре, его руки, а затем и тело резко провалились. Он, стоя на четвереньках, ушел в вода-

нистую жижу по шею. Руки неприятно стыли, тело передернула зябкая судорога. Стараясь согреться, Станислав попеременно вытаскивал руки из мягкой чавкающей студеной массы воды, ила и гнилых тростниковых стеблей и, подержав их немного на воздухе, опускал вновь. Руки вязли в податливой жиже, проваливаясь в склизкий ил почти по локоть»...

Игорь Бойков точен в слове, ему в равной мере удается передать фактуру события и описать характер, внутреннее состояние человека. В зиндане со Станиславом находится четверо: дед Богдан, много лет — еще при советской власти — попавший в чеченское рабство и после нескольких неудачных побегов смирившийся со своим положением; осетин Сослан, в которого Станислав сумел вдохнуть решимость борьбы; армянин Ашот, сын владельца кафе, украденный с целью получения выкупа; Николай, которого чеченцы «прихватили» вместе с Ашотом, с первых минут плена пребывающий в состоянии животного страха, не способный ни к какому сопротивлению. Трудно, почти невозможно человеку сохранить в себе человеческое в условиях, в каких находятся герои повести. Двадцать первый век не девятнадцатый. Попавшему в плен не помогут ни «дева гор», ни «младая черкешенка», ни девочка Дина — как героям Пушкина, Лермонтова и Толстого. На смелое слово никто не скажет, как Жилину, «джигит, джигит урус», а изобьет, и хорошо, если только до полусмерти. В течение двадцатого столетия зло, похоже, непрерывно сгущалось, и противостоять злу, остаться человеком стало намного труднее.

Но Станислав им остался. Больше того — он в каждом из своих товарищей по несчастью, даже в Николае, готовом на любое унижение ради сохранения возможности животного существования, стремится остановить убывание личности, а оно в условиях плена идет стремительно и чаще всего невозвратно. Станислав «уже видел Николая забитым, немым и затравленным существом, как те, которые встречались ему в подвалах горной Чечни. Именно в такое существо превратится этот долговязый худой парень, если проведет здесь хотя бы несколько месяцев... Не мог Станислав бросить в беде русского... Своих на войне не бросают».

В этой жестокой войне гибнут все. Станиславу, единственному из беглецов, удастся уйти от чеченской погони, переплыть Терек, тот самый в который бросилась со скалы черкешенка Лермонтова, потеряв возлюбленного. А вот, кстати, «девы гор» XXI века: «Мелькают грубо размалеванные вульгарные лица чеченских проституток, предлагающих себя за

автоматные рожки, гранаты, выстрелы для гранатометов. Солдаты понимают, что все это пойдет боевикам и будет стрелять в них же, но денег у них нет и ничем иным они расплатиться не могут. Проститутки хохочут гортанными голосами, подмигивают и матерятся».

Кавказ начала XIX века — родина русского романтизма.

*Где пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас... —*

Писал Пушкин в своей первой романтической поэме. В XXI веке Кавказ для русского писателя — источник совсем других *вдохновений*, хотя это слово уже неуместно для повести Игоря Бойкова с ее жесткой правдой и беспощадным реализмом. Да и не только для него.

*Увидев, как людей осталось мало,
И трупы еще с улиц не снесли,
В свинцовых тучах вдруг светлее стало —
С небес на землю ангелы сошли
И побрели по мертвому Цхинвалу... —*

Рассказывает Виолетта Баша в цикле стихов «Над смутным столетьем», опубликованном в том же четвертом номере «Молодой гвардии».

Отдадим должное редакции журнала, без боязни затронувшей кавказскую тему в едином потоке русской литературной традиции, в которой эта тема забила мощным ключом почти двести лет назад.

Владимир СМЫК

«ТРАГЕДИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ»

Отличный подарок читателям, интересующимся отечественной философией и ее историей, преподнесло издательство «Айрис-пресс», издав работу доктора физико-математических наук из Санкт-Петербурга Николая Петровича Ильина «Трагедия русской философии» (в 2-х частях).

В книге представлена концепция развития философской мысли в России, принципиально отличная от мифологии, созданной совместными усилиями марксистов (в СССР) и «религиозных философов» (в эмиграции).

Исследование является итогом многолетней работы автора по изучению истории русской философской мысли в России XIX — начала XX века.

На основании тщательного изучения первоисточников Н.П. Ильин показывает, что период высочайшего расцвета русской культуры во второй половине XIX века был одновременно и периодом наивысших достижений в области философии.

В предисловии автор так сформулировал цель и задачу своего исследования: «В этой книге сделана попытка — первая и до сих пор единственная — рассказать о той философии, которую мы потеряли. При этом речь идет не о какой-то «сокровенной философии», запрятанной по-

КРУГ ЧТЕНИЯ

далее от непосвященных, и не полуистлевших рукописях какого-то неизвестного гения, отысканных в «пыли архивов». Речь идет о целой плеяде мыслителей, которые определяли лицо русской философии в течение *всей второй половины XIX века*, создав при этом не разрозненные философские системы, а внутренне цельную *национально-русскую философию*. Философию, которой нам сегодня катастрофически не хватает. О характере этой философии, как и том, кто и каким образом всячески затушевывал ее значение в течение почти всего XX века, я и рассказываю в данном исследовании».

В первой части книги «От личины к лицу. Введение в принципы историко-философского понимания» рассмотрены основные принципы понимания русской классической философии, связанные с двуединством личного и национального самосознания.

Эта часть исследования выходила дважды в журнальном варианте (в ежегоднике «Русское самосознание» в 1997—2000 гг. и в журнале «Москва» в 2001 г.), а отдельным изданием — в Санкт-Петербурге в 2003 г. в издательстве «Первая линия».

Для настоящего издания первая часть книги существенно доработана: в нее внесены определенные изменения и дополнения, последняя глава переработана полностью.

Вторая часть «Родоначальники. Три портрета из «золотого века» русской философии» и эпилог печатаются впервые.

В этой части, составляющей практически две трети от объема изданной книги, представлены творческие портреты трех мыслителей — И.В. Киреевского, А.А. Григорьева и Н.Н. Стрехова, внесших, по мнению автора, решающий вклад в формирование русской философской культуры.

Новая работа Н.П. Ильина чрезвычайно актуальна и современна, читается с большим интересом, заставляет читателя критически подходить к уже устоявшимся стереотипам и побуждает к знакомству с незаслуженно забытыми именами русских философов и их произведениями. Она направлена на формирование национального самосознания русского человека, ныне во многом утраченного.

Думается, книга будет интересна всем читателям, неравнодушным к истории философской и общественной мысли в России.

Книгу «Трагедия русской философии» Н.П. Ильина можно приобрести в киоске издательства «Айрис-пресс» по адресу: Москва, пр-т Мира, д. 104, 3-й этаж, тел.: (495) 785-15-30.

Анатолий МЕДВЕДЕВ

ДНЕВНИК РУССКОГО

1989 г.

30 июля

Позвонил Л.М. Леонов, обменялись впечатлениями о проходящей в Кремле сессии Верховного Совета СССР. Леонов категорически против возможного назначения т. Каменцева заместителем Председателя Совета Министров СССР по внешним торгово-экономическим связям.

— Его судить надо, — сказал Леонов. — Накупил на миллиарды рублей оборудования, а оно не может в наших условиях быть использовано и лежит невостребованным грузом на стройплощадках и складах.

Одна из наших бед, по мнению Леонова, в том, что правительство давно и прочно оторвалось от народа и каждый из них живет по-своему, розно.

Я снова завел речь о том, чтобы снять для Центрального телевидения три сюжета: 1) Леоновский ботанический сад; 2) Искусство Леонова-художника (живопись, графика, резьба по дереву); 3) Леоновская «самиздатовская» книга «Баня». Договоры в пользу создания такой ленты старался привести самые убедительные,

Продолжение. Начало в №1-2 за 2005 г.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

но Леонов ответил отказом. Дескать, если это сделать, то подумают, будто Леонову это надо.

— Время сейчас вон какое серьезное, — говорил Леонов. — Кругом поруха...

— Апокалипсис нашего времени, — розановскими словами выразил я свое согласие.

Леонов попросил, если у меня будет возможность, купить ему одноименную книгу В. В. Розанова.

Речь зашла о введении карточек на продовольствие, что неминуемо грядет для нас. В связи с этим Леонов спросил о моих детских впечатлениях о карточках. Я рассказал пару «карточных» эпизодов. Леонид Максимович просил не жалеть красок, так как это ему надо для романа. В частности, его интересовало (и это не в первый раз в наших беседах!), мог ли получить карточку во время войны о. Матвей и могли ли поступать в высшую и среднюю школу дети «лишенцев». Я подтвердил имевшиеся у Леонова сведения о горькой участи «лишенцев».

7 августа

Вчера я приехал с дочерьми из музея-усадьбы А. Н. Островского «Щельково», где пробыл несколько дней (с 1 по 5 августа). Леонов, как мне передала Галя, звонил несколько раз, справлялся, не приехал ли я. Позвонить сразу по приезде я не смог, так как приехал И. Т. Твардовский, и мы с ним ходили на Новодевичье кладбище, помянули Александра Трифоновича и провели вместе целый день. Сегодня позвонил Леонову, он пригласил к себе. Рассказывал ему о своих костромских впечатлениях.

1. Хлеб убрали, а по всем дорогам области на обочинах — дорожки из зерна. А сколько его по всей России развеивается, жуть!

2. Самыми богатыми арендаторами в Костромской области являются кавказцы и выходцы из среднеазиатских республик. Русское население Костромской области (впрочем, как и большинства других областей Нечерноземья), увы, вырождается.

Леонов слушал мой рассказ и горестно сокрушался.

Рассказывая о музее-усадьбе «Щельково», я спросил мнение Л. М. об А. Н. Островском. Л. М. солидарен с Достоевским, что Островский создал русский национальный театр. По мнению Леонова, играть большинство пьес Островского надо непременно при одном условии — на фоне Замоскворечья.

Сейчас в «Щелькове» экспонируется выставка, посвященная Юджину О'Нилу, «величайшему драматургу Америки», как сказано в путеводителе. Леонов прокомментировал это событие со всей определенностью. Дескать, Островский — несравнимо более высокая фигура в мировом искусстве, нежели О'Нил. (Следует отметить уровень культуры Островского, не говоря о таланте.) Островский переводил на русский язык пьесы с шести языков: с латинского, французского, английского, немецкого, испанского, итальянского. Зная всю мировую классику, Островский тем не менее смог создать именно русский национальный театр.

2 сентября

В «Комсомольской правде» (август 1989 г.) опубликована статья об экстрасенсе Раисе Николаевне (парикмахерше), которая может «видеть» людей на расстоянии, в прошлом и даже в будущем. Сообщение очень заинтересовало Леонова. Он попросил меня прочитать ему эту статью в «Комсомолке». Леонов сделал вывод, что этот дар дается чаще простым людям, нежели интеллектуалам. Посреди разговора Л. М. вспомнил, что Ю. Н. Верченко сказал ему, будто бы умерла Ванга. Леонов попросил меня набрать телефон экстрасенса М.Н. Костровой и спросил ее, правда ли это. Та ему ответила, что она не видит Вангу среди мертвых.

Л.М. переживает за Вангу. Всего несколько недель назад она его вспоминала добрыми словами и предсказала большой успех его роману. Об этом Леонову сообщила племянница Ванги.

Л.М. Леонова по-прежнему интересуют проблемы экстрасенсорных возможностей человека и НЛЮ. Он не исключает, что это «бесовщина». Признавая способности экстрасенса Кашпировского, он, однако, с осторожностью относится к оценке такого дара, так как считает, что мы стоим на пороге вторжения в нашу жизнь сил неведомых и неизвестно в какой «цвет» окрашенных.

11 сентября

Л. М. Леонов позвонил и попросил ознакомить его с опубликованным в сегодняшней газете «Московский литератор» выступлением Василия Белова на Съезде народных депутатов. До сих пор ни одна газета полностью выступление В. И. Белова не печатала. Белов откровенно сказал о самом бедственном положении русских по сравнению с положением народов других национальных республик. Леонов солидарен

с Беловым и мог бы существенно дополнить его своими раздумьями о перспективах русского народа — как ближайших, так и отдаленных.

23 октября

19 октября 1989 года Ивану Трифоновичу Твардовскому исполнилось 75 лет. В числе приглашенных я побывал в Сельце, поздравил юбиляра и вручил ему восемь писем Александра Твардовского (1931 — 1934), а также два письма Марии Илларионовны Твардовской к Анатолию Кузьмичу Тарасенкову, которые я получил от И.П. Юдиной. 21 октября мы с И.Т. Твардовским ходили в село Ляхово, где когда-то учился в школе Александр Твардовский. От села Ляхово ныне осталось пять домов. Школа и церковь разрушены. Не сохранилась и деревянная церковь в близлежащем селе Язвине, где был крещен Александр Твардовский. Деревянную церковь эту в 1937 году разобрали, перевезли в Глинки и сделали из нее нарсуд, где и судили православных, в том числе прихожан из села Язвина. Обо всем этом я и рассказал Л.М. Леонову, когда мы встретились с ним. Л.М. интересовало в моем рассказе все: сколько человек живет в Ляхове, почему никого не осталось в Язвине, как работали люди в совхозе. Больше всего его потряс факт, что рядом с Ляховым три года засевают овес на площади 60 га, но ни разу урожаем не собрали. Некому работать.

Из Калинина местный краевед И.А. Ильин прислал Леонову статью «Неизвестный автограф Максима Горемыки» и фотографии, на которых изображен поэт Максим Горемыка (М.Л. Леонов, 1872 — 1929) с поэтом С.Д. Дрожжиным. Леонов просил меня ответить И.А. Ильину и подписал ему на память роман «Скугаревский».

Галина Ивановна Платошкина, которая сейчас является домохозяйкой Леонова, оказывается, занимается изучением его творчества и, как я понял из разговора с ней, готовит книгу о Л.М. Леонове. Знакомы они без малого двадцать лет (с 1969 года), за это время Галина Ивановна написала и опубликовала ряд серьезных статей.

Я спросил Л.М., как подвигается работа, на что он ответил:

— Сегодня диктовал...

Л.М. сказал сегодня, что нынче время для публикации его романа очень неподходящее, так как в основном печатают и пропагандируют диссидентов. Леонов решил выждать с печатанием своего романа, не торопиться, пока «весы» в лите-

ратуре не придут в равновесие и читатель насытится всем тем, что было под запретом.

С интересом следит Л.М. за публикацией в журнале «Огонек» глав из книги Б. Бажанова.

Ознакомившись с последними стихами А. Вознесенского («Крестики»), Леонов высказал резкое свое суждение о них и полное неприятие.

25 октября

Позавчера М. Горбачев встречался в редакции «Правды» с ее сотрудниками и представил им нового редактора — академика, философа Ивана Тимофеевича Фролова, бывшего своего помощника. Надо полагать, этим назначением Горбачев хочет сделать «Правду» рупором перестройки. Все обратили внимание, что дважды в течение одного месяца — 13 и 23 октября с. г. — М. Горбачев процитировал Л.М. Леонова, который заявил президенту страны, что, не накормивши и не обласкавши народ, не успокоивши его, нельзя рассчитывать на то, что народ примет сердцем перестройку.

26 октября

Л.М. сказал, что у него в романе есть полемика о детерминизме и свободе воли. Поскольку Леонов не раскрывал сути полемики, то мне трудно сказать, в каком направлении она «движется» в романе. Для себя я давно сделал вывод, что сам-то Л.М. — убежденный детерминист, верящий в предопределенность. Что касается гегелевской формулы: «Свобода есть осознанная необходимость», то Леонову ближе иная формула: «Свобода — это возможность использовать случайность».

Рассуждая о философских постулатах марксизма-ленинизма, Леонов с возмущением говорил, что и по сей день их используют для того, чтобы «наклеивать ярлыки» на инакомыслящих.

Для Леонова нет сомнения, что опутывание народа марксистско-ленинской догмой привело к пропасти, на краю которой стоит Отечество, — подрыв духовных и нравственных основ общества, развал экономики, экологическая катастрофа. К этому Леонов добавляет то, что эта политика привела Россию к интеллектуальной деградации. «Лес спилили, остались одни пни», — заключил Леонов. Как ни горько Леонову сознавать, но он солидарен с американским экономистом русского происхождения, лауреатом Нобелевской премии Леонтьевым, что учить нас работать — равносильно тому, что учить пингвинов летать. Наш народ, по мнению Леоно-

ва, выродился, и в будущем генетически неполноценные люди будут уничтожены.

Говорили о новой волне международной кампании, поднятой у нас в стране и за рубежом против М.А. Шолохова. Представитель Нобелевского комитета заявил недавно по советскому (!) телевидению, что они сожалеют о поспешно вынесенном решении о присуждении Нобелевской премии М.А. Шолохову за роман «Тихий Дон». В наших левых журналах и газетах появились статьи, бросающие тень на Шолохова, якобы укравшего роман у сотника Крюкова. Леонов сказал, что нападки на Шолохова ему не в новинку. Л.М. склонен признать, что Шолохов, возможно, располагал какими-то подготовительными материалами на тему гражданской войны, но роман тем не менее написал, конечно, сам. Неприязнь левых к Шолохову, по мнению Леонова, имеет давнюю причину. Для пояснения своей мысли Л.М. вспомнил одно из заседаний секретариата правления Союза писателей в 1945 году. Выступая на нем, И.Г. Эренбург рассказал, что он, дескать, недавно побывал в одном из освобожденных городов, в котором остался всего один еврей. Шолохова возмутило, что Эренбург, «не заметил» гибели тысяч людей других национальностей, а говорит только о евреях. Когда Эренбург повторил, что в городе остался всего один еврей, Шолохов заметил с места Эренбургу: «Ты приехал, и стало два».

«Литературную» тему мы закончили сегодня разговором о стихах А. Вознесенского.

В одной из своих статей А. Солженицын сказал, что у поэта А. Вознесенского — «деревянное сердце и деревянное ухо». Леонов полностью с этим согласен.

29 октября

Л.М. Леонова чрезвычайно заинтересовала публикация в газете «Московская правда» 26 октября 1989 года статьи А. Колесникова «Двух полюсов — мало?! Оригинальная гипотеза ученого сулит переворот в науке». Он попросил меня разыскать экземпляр газеты с этой публикацией. Надо ли говорить, что идеи, изложенные в статье, настолько заинтриговали Леонова, что он не мог ни о чем говорить, пока не ознакомился со статьей А. Колесникова, в которой кратко изложена суть вопроса.

Кандидат биологических наук В. Ленский и его помощник биохимик Владимир Окшин исследуют гипотезу о многополярности. Создана международная ассоциация «Созидание». Многополярность дает возможность собирать не-

сколько урожаев зерна, решить проблему мяса. Многополярная энергетика — один из ключей к решению экологических проблем. Если полем (многополярностью) обработать краски, то воздействие картин на людей будет совсем другим — биологическим. Картины будут такими же генераторами, как сам прибор. «Представьте, — говорит В.Ленский, — что появятся картины, основа которых — не в таланте, а только в том, что у кого-то в руках средство штамповать их. Это безнравственно. Как избежать этой опасности? Готовы ли люди к осознанию многополярности? Мучительнейшие вопросы...»

Л.М. Леонов считает, что многополярность давно уже не гипотеза, а факт жизни. Догматизм, господствующий в нашем Отечестве, ведет к тому, что мы, как всегда, опаздываем с признанием фактов и потом нам, «засидевшимся» на старте, придется всех догонять.

В условиях резкой дестабилизации обстановки в стране, по мнению Л.М., надо срочно создавать Комитет национального спасения, который должен разработать выход страны из тупика.

4 ноября

Пошли гулять, взяли из почтового ящика кипу писем. Придя домой, читали письма. Из всех писем хочу выделить горестное послание литературоведа А.Г. Лысова из Вильнюса, который свидетельствует о русофобии, предвидит отделение Литвы и потому хочет перебраться в Россию, в Ленинград. Л.М. просил меня действовать от его имени, чтобы непременно помочь Лысову. Леонов сказал, что считает Лысова самым глубоким, талантливым исследователем своего творчества.

В своем письме Лысов пишет:

«...И звонок Вам, мучающий меня. Я бы никогда не взялся бы за трубку, зная и недомогания Ваши, и труд немалый, но как-то припомнилось, что 20 июня 1987 года Вы отвели в сторону захавшую за мной жену и поспрашивали, «не надо ли чего с устройством, квартирой и др.». Тогда действительно было не надо. И у меня, и у жены была одна радость — Вы, разговаривающий с нами, Вы, заботящийся о нас!!! Такое ведь никак не забывается...

...Какая жуткая, невероятная эпоха! И может, стоило бы смириться, есть полдомехи-развалюхи, доставшейся жене от матери. Будем сеять не «разумное, вечное», но в духе времени — «бубочку» и ту свою. Но что-то еще держит, застав-

ляет верить, что недаром Бог вел меня так тяжело, отнимая ноги, пальцы рук, терзая тело тупым скальпелем смоленского какого-нибудь эскулапа, сбивал с ног и вновь ставил на них, чтобы все это даром — в бубочку одну».

Я взял с собой письмо А. Г. Лысова и обещал сделать все возможное, чтобы помочь ему.

Заговорили о Н. Клюеве. Леонов рассказал, как в 1933, кажется, году Клюев приходил к нему домой, в Нижний Кисловский переулок. Подробности разговора и цель прихода Л. М. не помнит, но тем не менее запало в память, что Клюев был вкрадчив и язвитель.

— Вино хорошее было или наше, советское? — спросил Клюев, когда узнал, что Леонов накануне был на приеме в Кремле.

И еще запомнилось, как за дружеским столом во время чествования Сергея Клычкова Клюев сказал: «Ты у нас, Сергей Антонович, как лось... побитый молью».

Я рассказал случай, прочитанный в книжке, как Есенин прикурил дома у Клюева от лампадки и тот пенял ему. А Есенин сказал своему спутнику (кажется, Мариенгофу), дескать, все это у него внешнее, наносное. Есенин, когда Клюев вышел из комнаты, потушил лампаду, и тот, придя, не заметил этого. Леонов согласился, что по его мнению, Клюев — грамотный, даже образованный человек (хорошо говорил по-французски), но все-таки... — «внешний».

Говорили о судьбе русской интеллигенции. Леонов рассказывал, как он в начале 1930-х годов, познакомившись с мировым светилом — хирургом Юдиным, присутствовал у него на операции. (Девушка из-за несчастной любви сожгла себе пищевод уксусом.) Равных Юдину и во всем-то мире было — раз, два и обчелся, а его арестовали, посадили, замордовали. И таких случаев на памяти Леонова — несть числа.

Лес вырубили, остались одни пни, — как горестно об этом сказал в прошлую нашу встречу Леонов.

— Как вы думаете, что останется от Маяковского? — спросил Леонов и сам ответил: — Памятник на площади его имени (бывш. Триумфальной) переплавят, и на этом месте поставят памятник Достоевскому.

7 ноября

Л. М. сегодня сказал, что М. Алексеев, П. Палиевский, О. Михайлов, Ю. Бондарев стали заметно хуже относиться к нему. Леонов соглашается, что, наверное, у каждого из них есть причины на это, но тем не менее сам он понимает: глав-

ное дело его сейчас — роман. Ни в какие полемические баталии Л. М. не считает возможным «вступать», так как иначе не останется сил на главное.

— Я пушка одного выстрела, — сказал про себя Леонов.

Спустя некоторое время, за ужином, Л. М. примирительно сказал, что напрасно на него сетует друзья: возраст... 90.

— Лев Толстой уж восемь лет, как помер.

Л. М. сегодня был в ударе и подробно рассказывал о композиции своих произведений — о «Нашествии», «Золотой карете», «Русском лесе». Взяв лист бумаги, Л. М. графически построил «чертеж» отношений Вихрова и Поли на протяжении романа (1941 — 1944). Г. И. Платошкина, присутствовавшая при разговоре, задавала вопросы, уточняла свои позиции, так как она (наряду с другими — например, немцем Опитцем) давно занимается вопросами композиции в романах Л. М. Леонова.

Л. М. подробно остановился на том, что в каждом большом произведении литературы и искусства есть свой неразгаданный тайничок, который заставляет читателя и зрителя обращаться к полюбившимся произведениям искусства. В числе таких произведений искусства Леонов назвал «Троицу» и Спаса из Звенигородского чина Рублева («А вот у Симона Ушакова, — говорит Леонов, — такого тайничка нет»), «Джоконду» Леонардо, произведения Достоевского (в частности — «Братья Карамазовы»), «Гамлет» Шекспира...

В еженедельнике (приложение к «Известиям») «Неделя» № 43-44 за 1989 год опубликованы главы из книги «Большой пожар», которую написали в 1927 году 25 писателей — каждый по одной главе — Грин, Леонов, Бабель, А. Толстой, Катаев и др. Пятая глава написана Леоновым. Мне глава понравилась. В ней, как в фокусе, и всего-то примерно на трех с половиной машинописных страницах, собран весь Леонов. Интересно было читать и сравнивать с тем, что было и что случилось с писателем. Пока я читал, Леонов нетерпеливо перебивал меня вопросами:

— Ну как? — И сам отвечал: — Говно, а?

— Да нет же, — успокоил я Л. М., — вы здесь весь как на ладони. Хорошо, по-леоновски завязано, и язык свежий...

Сегодня в Кремле был большой прием. Приглашение на прием было прислано, но Л. М. не считал возможным пойти. Старый стал. Отходил на приемы.

10 ноября

Когда мы сегодня, гуляя, проходили по Скатертному переулку, Леонов, увидев пожилую женщину, достававшую из

мусорного ящика тряпье, бумагу, бутылки, остановился и сказал мне:

— Надо дать монету.

Отвернувшись, так чтобы не видала женщина, он достал десять рублей и отдал ей. Она, смутившись, сперва не хотела брать деньги, потом взяла и спросила Леонова:

— Как вас зовут?

— Леонид, — ответил он.

— Пойду в церковь, поставлю за вас свечу.

— Спасибо, — сказал Леонов, приложив руку к сердцу, и мы продолжили свой путь.

Л. М. рассказал, как в 1921 году, когда его не приняли ни во ВХУТЕМАС, ни в университет, он жил в Москве с просроченным удостоверением личности, полученным при демобилизации. Для того чтобы скрыть свое нелегальное положение, Леонов умышленно залил чернилами удостоверение (там, где стояла дата срока годности). В одну из ночей в дом, где жил Леонов (у слесаря — владельца мастерской по ремонту металлоизделий), нагрянула облава. Леонова обязали по подписке явиться на следующий день на биржу труда. Когда Леонов пришел на биржу (круглое здание на Петровке), то чуть было не угодил в историю. Возмущившись издевательским тоном, которым с ним разговаривали, Леонов стал кричать и ругаться, дескать, когда была война, то он был нужен, а теперь он стал не нужен и даже документы не может получить и т.д. Слава Богу, все кончилось благополучно. Ему выдали новое удостоверение и отпустили с Богом.

Тема бесправия, социальной незащищенности человека в СССР то и дело проскальзывает у Леонова. Он ненавидит режим, который сковывает личность, накладывает свою невыносимо тяжелую длань на простого человека, унижая его, заставляя быть послушным «винтиком» в деяниях, предначертанных догмой века.

18 ноября

Я спросил у Леонова о его отношении к Шекспиру, и в частности — к «Королю Лиру», которого не принимал Толстой. Оценка Леонова, как я и предполагал, была самая высокая. Шекспир близок (мнение Леонова) по своему «масштабу» к Данте. В нем есть то, что не вмещает в себя конкретное понятие, допустим — «река Темза». Его понятия более иносказательны, запредельны, как, например, «река Лета».

Прежде чем сказать о Толстом, Л. М. Леонов заранее оговорился, что очень строго относится в первую очередь к са-

мому себе как писателю, что от него, может быть, останется и всего-то несколько строчек. Толстой в «Войне и мире», по мнению Леонова, слишком академичен, некоторые главы неоправданно растянуты. Впрочем, и у Шекспира есть «грех», когда он, не доверяя читателю, стремится иногда слишком пространно объяснить каждое свое слово.

В числе любимых толстовских книг Леонов назвал «Казаков» и «Хаджи-Мурата». Закончил Леонов вопросом, который он, видно, давно задавал себе: «Как бы отнесся Толстой к Октябрьской революции?».

От Шекспира и Толстого Леонов перешел к композиторам и категорически заявил, что он не любит программной музыки, и в частности — Бетховена. В числе любимых своих композиторов Л. М. назвал Баха и Гайдна, а из русских — Бородина и Рахманинова.

— Почему иностранцы так любят Мусоргского? — спросил Леонов.

Этот вопрос он давно себе задает, но ответа на него не находит. Кстати, «Рассвет над Москва-рекой» Мусоргского — тоже «программная музыка». Музыка — не беллетристика, в ней не должна, считает Леонов, навязчиво заявляться тема. Она должна, по мнению Леонова, предоставлять слушателю полный простор для сопереживания, для творческого участия в ее восприятии.

С сегодняшнего дня у Л. М. новая домоправительница — Светлана Михайловна, бывшая учительница.

28 ноября

Можно ли обидеть Бога? — Этот вопрос давно не дает покоя Леонову.

— Я часто думаю, — сказал сегодня Леонид Максимович, — имел ли я право на ту ересь, с которой выступает герой моего романа о Матвей?

Из объяснений Л. М. выходило, что Бога обидеть нельзя и потому он, как автор романа, имел право на ересь. Для убедительности своих объяснений Л. М. приводил примеры. Допустим, его, Леонова, укусила оса. Он прихлопнул ее, вытащил жало — и все. Или еще — по коленке ползет муравей, остановился, укусил, и Леонов смахивает его рукой на землю.

— Между мной и муравьем разница вот такая, — и Леонов на расстоянии двух сантиметров расставил большой и указательный пальцы левой руки. — Но расстояние между мной и Богом, — продолжал он, — космическое. Бога обидеть я не могу, не сумею и потому имею право на ересь.

Каждый человек, по Леонову, несет в себе гены Господа Бога, и потому Ему не безразлична судьба человека. Бог милосерден, терпелив. Он как мудрый Учитель стоит за спиной и смотрит из-за плеча, как Владимир Соловьев, Сергей Булгаков или... Николай Федоров мучаются, решая свои «уравнения», чтобы приблизиться к Истине, но она для человека недостижима.

Леонов, как мне показалось, умысленно не назвал Достоевского среди тех, «уравнения» которых рассматривает Бог из-за плеча. Среди «учеников» им был назван после паузы Николай Федоров. К нему сегодня Леонов дважды обращался и сказал, что он признает апостольство Федорова, упредившего время, но никак не может постичь и согласиться с сутью его, федоровского, «воскрешения из мертвых».

По Леонову выходило, что прежде человек получает душу, «потом он идет в цейнгауз и получает тело». Тело — это «руки» души, человек сам ваяет себя. Все зависит от того, насколько человек осознает важность того, что именно он сам является ваятелем самого себя. Когда жизнь человека кончается, он предстает перед Творцом и держит ответ за все содеянное.

Леонов неоднократно во время наших разговоров заводит речь о «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова. Он не соглашается с выдвинутым Федоровым «проектом» всеобщего воскрешения умерших («отцов») и преодоления смерти средствами современной науки. Но в то же время Леонов, как и Федоров, стоит на позициях активного христианства, обнаруживая в глубинах «благой вести» Христа прежде всего ее космический смысл.

Примечательно, что у Леонова, как и у Федорова, Сергей Радонежский — первый святой, и не только в его личном поминальнике, но и пантеоне всей России, всего человечества. Вслед за преподобным Сергием Леонов является безусловным почитателем Святой Троицы, видя в ней единство всех Ипостасей, в том числе временных: Бога Отца (Ветхий Завет), Бога Сына (Новый Завет) и прозревает, как я понимаю, будущее — эпоху Святого Духа. Не случайно и то, что на видном месте в кабинете Леонова (в Переделкине и в Москве) висят репродукции рублевской Троицы и Спаса на Престоле. Помимо эстетического восприятия этих произведений искусства, мое многолетнее знакомство с Леонидом Максимовичем дает право рассматривать репродукцию с иконных изображений Троицы и Спаса как безусловные элементы внехрамовой литургии. А каждая литургия и не только для Федорова и Леонова, но и для всех верующих, — это таинственный

акт, утверждение надежды на Воскресение, в том числе и нас, грешных.

Леонид Максимович за ужином был оживлен, много рассказывал о встречах с Горьким, Сталиным, Ягодой, Берией, больше обращаясь к Светлане Михайловне, чем ко мне, так как леоновские «эпизоды» тех давних лет я уже слышал.

— Как я уцелел в те годы, сам до сих пор не пойму, — говорил Леонов. — Ведь не менее шести раз выписывали ордер на арест.

— Неспроста же ваша любимая пословица: «Ближе к царю — ближе к смерти», — отвечал я Леонову. — Не зря вы эту пословицу так любите и цените.

В числе гениальных русских пословиц Леонов назвал сегодня и еще одну: «Не накормивши, не наживешь себе врага».

1 декабря

Повествование нового романа Л. М. Леонова начинается с поездки автора за город на трамвае и затем его прогулки, когда он оказался на старофедосеевском кладбище. Такого кладбища в Москве и Подмоскowie нет. Леонид Максимович как-то говорил мне, что «географию» этого кладбища он сочинил. Однако нельзя не обратить внимание на то, что кладбище носит название именно федосеевского. Федосеевцы — это одно из старообрядческих согласий, возникшее в конце XVII века в Центре России и в Прибалтике. Федосеевцам за их довольно длительную историю присуще было деление, дробление на различные секты и согласия (поморцы, новожёны и аристовщина). Герой романа Леонова о. Матвей, хотя и православный священник, склонен к свободомыслию, ереси. Получив приход на старофедосеевском кладбище на окраине Москвы, о. Матвей получил в «наследство» и душевную маяту, которая, как и у родоначальника старообрядческого согласия Феодосия Васильева, падает на время «разлома» веры и великой смуты в душах людей. Как герой нового романа о. Матвей, так и сам автор претерпели огромную эволюцию. Если в романе «Скутаревский» у автора складывалась формула «морали без Бога»: пути народа — пути «просвещенного язычества», то заканчивает он свою эволюцию, как бы то ни было, возвращением «блудного сына» в лоно Русской Православной Церкви.

Главным событием и предметом разговора сегодняшней нашей встречи с Леоновым была встреча М. Горбачева с папой Иоанном Павлом II. Леонов считает эту встречу апофеозом.

зом нашей капитуляции. Знать, надо было уничтожить сотни тысяч служителей культа, разрушить семьдесят пять тысяч храмов и 1105 православных монастырей, чтобы все кончилось приездом Генсека ЦК КПСС на поклон в Ватикан и установлением с ним дипломатических отношений. Воистину по грехам нашим!

3 декабря

Когда приехал к Л.М. Леонову, он беседовал с литературоведом А.Г. Лысовым, отвечал на заранее заготовленные вопросы. Лысов старался записать дословно каждый ответ Леонова. Большую часть из того, что спрашивал Лысов, я уже слышал и в свое время записал.

Леонов интересно рассказывал о встречах с С.А. Есениным. Познакомился он с поэтом примерно в 1922 году у Анны Абрамовны Берзинь (Л.М. произносил — «Березень»). (Она была членом партии большевиков, ее первый муж, как предполагает Леонов, был чекистом. Вторым мужем А.А. Берзинь был Бруно Ясенский. А. Берзинь и Ясенский поддерживали знакомство с Г.Ягодой. Это их и погубило. Они оба были арестованы вслед за Ягодой.) Летом 1923 года они совместно посетили мастерскую скульптора С.Т. Коненкова на Красной Пресне. В это же время или чуть позже в редакции журнала «Прожектор» была сделана известная фотография — Есенин и Леонов. Следует сразу же оговориться, что Леонов и Есенин были разными людьми и никогда вместе не пили. Есенин в то время дружил с Всеволодом Ивановым, и они часто устраивали совместные дебоши. Устав от них, они однажды решили уехать в деревню. Накупили кастрюль, сковородок, чашек, ложек. За сборами в деревню их встретил в магазине нэпман Сахаров, обожавший поэзию Есенина. Он решил подарить поэту на обзаведение хозяйством в деревне бочку керосина. Есенин и Иванов возили-возили по Москве эту бочку и потом вздумали от нее избавиться. Приехали к дому Эмиля Кроткого, наняли мужиков, и те втащили на четвертый этаж бочку с керосином. Мужиков отпустили, позвонили Эмилю, и когда он вышел, то «вручили» ему подарок.

Поздней осенью 1925 года Леонов, Есенин и Анна Берзинь ездили в Ермаковский ночлежный дом (недалеко от Улановского переулка). Анна Берзинь одевалась довольно экстравагантно. Она была в боа и в шляпе. Леонова она звала не иначе как Ленечка, а он ее — Аннушка. Когда пришли ближе к вечеру в ночлежный дом, то застали там полно народа. Их обступили со всех сторон, и блатные стали говорить

на своем жаргоне — «по фене». Анна Берзинь прикрикнула на них, дескать, говорите так, чтобы вас понимали, иначе мы будем говорить по-французски и вы не поймете нас. Все притихли, и началась беседа. Леонов в это время работал над романом «Вор», и впечатления от этой поездки нашли отражение в романе.

Во время беседы с блатными Есенин потихоньку отделился от своих товарищей и ушел в глубь ночлежки. Леонов спустя некоторое время нашел его в одном из соседних женских отсеков, уставленных двухэтажными нарами. Есенин стоял в проходе между нарами и, выразительно жестикулируя, громко читал «Москву кабацкую». Его слушали молча. Леонов заметил, как уже немолодая, пьяная проститутка тихо плакала, слушая поэта. Комментируя, Леонов сказал, что Есенин в тот раз был трезв, но что-то щемящее было во всей этой сцене — сидевшие на нарах были уже на дне, а Есенин — на пути к ним.

Последняя встреча Леонова с Есениным произошла незадолго до смерти поэта. Как-то встретившись в издательстве, Есенин пригласил Леонова в гости. Поэт жил это время у Галины Бениславской на Тверской, в переулке напротив редакции газеты «Известия». Леонову, когда он пришел, открыла дверь Бениславская. Из дальней комнаты доносился пьяный разговор Есенина и писателя Ивана Вольного. Есенин вышел к Леонову и, взяв за плечи, сказал, что он рад видеть его.

— Ты меня чувствуешь? — спрашивал Есенин.

— Чувствую, — ответил Леонов.

Потискав Леонова в своих объятиях, Есенин неожиданно толкнул его на тахту. Леонов с размаху сел на гитару, лежавшую на тахте, и вдребезги раздавил ее. Есенин схватил гриф гитары и яростно стал бить о пол.

При последнем прощании с Есениным Леонов стоял у его гроба вместе с Вс. Ивановым и Буданцевым. Обращаясь к Леонову, стоявшему посредине, Буданцев тихо спросил:

— Как думаешь, кто из нас следующий? — И сам ответил: — Наверное, Всеволод...

Но Буданцев ошибся. Он умер раньше Иванова. Леонов не исключает, что Есенин умер не своей смертью, что его убили.

Поскольку А.Г. Лысов подробно записывал рассказ Леонова, то я не стараюсь воспроизвести его в точности, а лишь акцентирую внимание на основных фактах. Есенинскую тему мне хочется закончить двумя эпизодами. В 1942 году, когда

Сталин дал «добро» пьесе «Нашествие», то Леонову позвонил есенинский друг Чагин, работавший в одном из издательств, и сказал, что он будет выпускать леоновскую пьесу тиражом 100 тысяч экземпляров. Спустя более чем десять лет после этого к Леонову, бывшему тогда председателем правления Литфонда СССР, пришла на прием А. Берзинь, вернувшаяся из лагеря. Леонов оказал помощь и поддержку А. Берзинь, и снова, как и прежде, она стала бывать у них дома.

Рассказывая сегодня о поездке весной 1930 года в Туркменистан в составе делегации (Вс. Иванов, Н. Тихонов, В. Луговской, П. Павленко, Г. Санников), Леонов добавил интересные эпизоды. В пустыне их застал буран, и ветер повалил шатер, в котором они ночевали. Леонова спас от гибели... чемодан, на который упал железный штырь от шатра, иначе бы голову его раздавило как орех. Когда делегация приехала в Чарджоу, то ночью Леонова разбудил милиционер и предложил: «Пройдемте, у вас надо снять отпечатки пальцев». Оказалось, что в Чарджоу была послана из Ашхабада телеграмма, что придет делегация писателей и среди них Леонов... Вор. О том, что Леонов — автор «Вора», никто в Чарджоу не знал, поэтому и решили сообщить в милицию для принятия мер...

Леонов рассказал А. Г. Лысову, как появилась в 1946 году его статья о Сталине «Первый депутат». Оказывается, на заседании Политбюро, где присутствовал завагитпропом Поликарпов и нарком Кафтанов, Берия изрек такую фразу. Дескать, писатель Леонов давно вызывает у него подозрение... Поликарпов сразу же после заседания Политбюро пригласил Леонова в Союз писателей и предложил срочно написать статью о Сталине. Леонов уступил настояниям Поликарпова. Через два дня статья была готова, и этим он был спасен. Читая недавно эту статью, Леонов не нашел в ней ничего такого, из-за чего можно было бы терзаться и краснеть спустя годы. Закljučая эту тему, Леонов сказал, что Сталин, безусловно, шекспировский тип.

К слову сказать, будучи в 1927 году в гостях у Д. Н. Кардовского в Переславле-Залесском, Леонов вместе с Дмитрием Николаевичем побывал в доме у одного нэпмана, мальчик которого усердно разрисовывал карандашом гравюру «Казнь Марии Стюарт» в старинной книге (едва ли не XVII века). Леонов стал просить хозяйку уступить ему книгу, за которой он так охотился.

— Мы не нуждаемся, — высокомерно ответила нэпманша.

Нет сомнения, что уникальная книга пропала. После революции, по свидетельству Леонова, книжному богатству

был нанесен едва ли не самый страшный удар из всего нашего культурного достояния.

На вопрос Лысова об отношении к Православию Леонов ответил однозначно и недвусмысленно. Он — за Православие, за церкви, за религию.

В последние годы жизни Горького его отношения с Леоновым стали натянутыми. Были люди, которые хотели во что бы то ни стало «отлучить» Леонова от Горького. В ход пошла даже пьеса «Скутаревский». Горькому говорили, что Леонов в пьесе под Скутаревскими — отцом и сыном вывел его самого и сына Максима.

В сталинские времена Леонов как-то встречается в Переделкине Пастернака.

— Как дела, Борис?

— Пока не разоблачили, — кричит Пастернак на всю улицу.

— Не боялся, — резюмировал Леонов.

6 декабря

Л. М. Леонов был сегодня в удрученном состоянии.

— Скорее бы умереть, — сказал он мне без аффектации. — Готов хоть сегодня.

Поводом для «моления о чаше» явились затянувшиеся и малоприятные хлопоты о выкупе квартиры, в которой живет Леонид Максимович. Он предвидит, что после его смерти дочерям придется «уплотниться» — в его квартиру будут вселены чужие люди.

— Книги пудами придется продавать, мебель с молотка пойдет..

Я высказал мысль, что СП СССР, возможно, захочет сделать мемориальную квартиру-музей, и тогда не придется продавать ни книги, ни картины, ни мебель, на что Леонид Максимович лишь саркастически усмехнулся.

Однако если глубже разобраться в настроении Леонова, то следует признать, что несравнимо большие огорчения доставляет ему мысль о проигранной нами холодной войне, о предстоящем подписании «акта о капитуляции». Об этом и вокруг этого, собственно, и шел сегодня наш разговор с Леоновым. Мировая система социализма трещит по швам и рушится на наших глазах. А ведь на создание ее нами было затрачено столько сил, энергии, денег. От себя отрывали, сами жили впроголодь, и вот итог — вся Восточная Европа кипит и бурлит, коммунистические партии самораспускаются, прежние идеалы и цели предаются забвению. Самое обидное, что

нас, русских, везде обвиняют во всех тяжких грехах, называют оккупантами, а Россию и весь Советский Союз — тюрьмой народов.

9 декабря

Л. М. Леонов рассказал, что, начав работать над романом «Барсуки», он узнал о недавно прошедшем восстании крестьян неподалеку от Мурома. В декабре 1923 года вместе с агрономом-картофелеводом Г. Я. Артюховым Леонов выехал поездом на опытную станцию Бутылицы близ Мурома. На этой станции велась большая селекционная и сортоиспытательная работа учеными-картофелеводами Зайцевым и Лорхом. Бутылицы дали Леонову богатый материал в работе над романом и прежде всего — благодаря встречам с мужиками окрестных сел. Л. М. рассказал, как он, приехав в Бутылицы, попал на деревенскую пьянку. В просторной избе за столом сидело несколько дюжих мужиков. Вначале они насторожились, так как приняли Леонова за работника губернского уголовного розыска, но Артюхов сказал, что его друг писатель и к уголовному розыску не имеет никакого отношения. Мужики налили самогона в кружку, разбавили его медом и предложили Леонову выпить «матерки». На дворе была зима, холодно, а в избе тепло и таинственно от мерцающей коптилки.

— Я с удовольствием выпил, — сказал Леонов.

Начался непринужденный разговор. Один из мужиков встал, подошел к лежащим на соломе двум пьяным укомовцам, потрогав ногой, проверил, спят ли они.

— Скоро вашу власть вешать будем, — многозначительно сказал мужик.

Один из лежащих на полу хоть и был пьян, но не спал и столь же многозначительно ответил:

— Руки коротки!

Вечером к Л. М. пришел внук Николай Макаров. Он рассказывал о своей летней поездке в Нило-Сорскую пустынь, что в 15 километрах от Кириллова. Все нынешние строения пустыни заняты под «дурдом», в котором находятся свыше 300 человек больных. Главы всех церквей снесены, колокола сняты, утварь разграблена. В конце XIX века, когда в России обнаружился большой общественный интерес к Нилу Сорскому, его философии нестяжательства и нравственного самоусовершенствования, Нилова пустынь была заново отстроена и обихожена. Ежегодно сюда притекали тысячи паломников. И вот теперь — все в обители нарушено и обезоб-

ражено. Леонов внимательно слушал внука, изредка давая едкие свои оценки нынешнего нестроения в обществе, разлада в душах людей. Пустынь — «дурдом», а что дальше?..

Николай рассказал два свежих анекдота, чем изрядно позабавил деда.

— Вам — руки с мылом или чай с сахаром? — спрашивает хозяйка гостей.

Второй анекдот на «национальную» тему. Летает Змей-Горыныч над селом и кричит: «Гласность! Перестройка! Все на субботник!». Выходит баба на крыльцо, смотрит в небо и зло говорит: «У-у, змеюка поганая, опять этих москалив объелся».

В.А. Десятникову — 80 лет

Дорогой Владимир Александрович!

Сердечно поздравляем Вас с замечательным юбилеем. Желаем Вам крепкого здоровья, бодрости духа и неиссякаемого творчества. Надеемся, что Вы и дальше будете радовать наших читателей своими острыми, интересными публикациями.

Редакция журнала «Молодая гвардия».